

ОШНО

* *Все, что ты слышишь, должно быть вначале принято рассудком. А когда твое понимание становится необычайно глубоким, разум обретает широту и ясность, чтобы более никогда не соскользнуть в сомнения и иллюзии.*

Исан

[в синем небе
следов не остается*}
беседы о сущности ДЗЭН

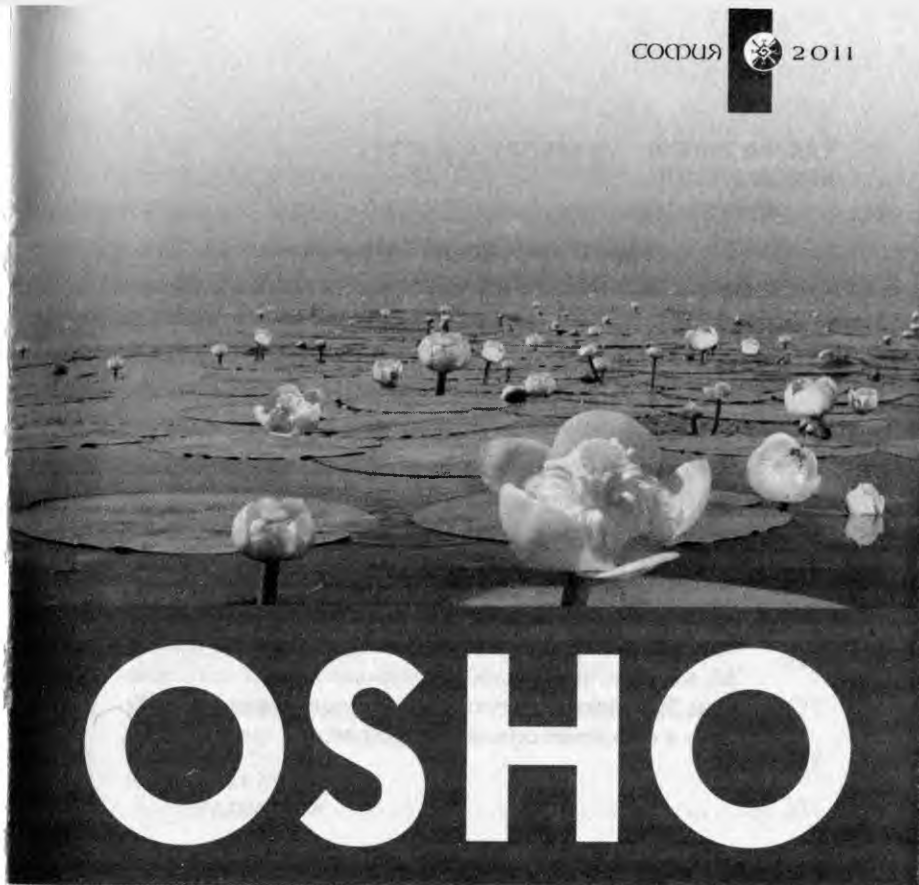
* *Исан жил в точности так, как, по словам Будды, должен жить настоящий мастер, — он исчез в синеве неба, не оставив следов, словно птица.*

Ошо

No Footprints in the Blue Sky

[Isan*}

ОШО

* *Все, что ты слышишь, должно быть вначале принято рассудком. А когда твое понимание становится необычайно глубоким, разум обретает широту и ясность, чтобы более никогда не соскользнуть в сомнения и иллюзии.*

Исан

[В синем небе
следов не остается*}
беседы о сущности ДЗЭН

УДК 141.339(520)
ББК 87.3
О-96

Перевод с английского Е. Мирошниченко

Ошо

О-96 В синем небе следов не остается: Беседы о сущности дзэн / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-399-00195-1

И вот, тринадцать столетий спустя, послание Исана снова ожило... Современный мастер, Ошо Раджниш, доходчиво и весело ведет нас в ошеломительный, глубокий мир дзэн.

«Нужно сделать дзэн доступным каждому человеку на планете, ибо никто не знает... ежедневно происходят тысячи катастроф, но поскольку людям не известно, как их использовать, они теряют великие возможности. Ты переломал почти все кости и оказался в больнице — а ведь этот случай мог превратить тебя в будду».

УДК 141.339(520)
ББК 87.3

Copyright © 1999 by Osho International Foundation, Switzerland,
www.osho.com/copyrights
All rights reserved
Originally English title:
ISAN. No footprints in the blue sky

Ошо — зарегистрированная марка Ошо Интернэшнл Фаундэйшн.
Информацию можно получить на сайте osho.com/trademark

www.OSHO.com

Osho International,
oshointernational@oshointernational.com,
www.osho.com/oshointernational

Очень подробная Интернет-страничка: несколько рабочих языков, возможность совершить виртуальное путешествие на Медитационный Курорт, информация о проводимых на Курорте мероприятиях, каталог книг и кассет, данные об информационных центрах Ошо в разных странах мира, избранные беседы Ошо.

ISBN 978-5-399-00195-1

© «София», 2003
© ООО Издательство «София», 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
К читателю	9
Копайте глубже	11
Инерция привычки	47
Начни свидетельствовать	79
А ты?	109
Просто будь здесь	143
Единственная надежда	177
Синее небо	209
Сущность дзэн	231
Об авторе	252

Беседы, проведенные
в Будда-Холле,
в Международном
университете мистицизма
Раджниша, Пуна, Индия,
ноябрь—декабрь 1988 года.

Предисловие

Все современное образование и воспитание направлено на то, чтобы человек оставил за собой как можно более заметные следы — стал богатым, или могущественным, или знаменитым, — обрел бессмертие, непременно оставив за собой какую-нибудь отметину во внешнем мире. Но существует и другой мир — мир дзэн, где свершение состоит как раз в том, чтобы исчезнуть, стать никем.

Дзэнский мастер Исан жил тринадцать столетий назад. Это очень простой, смиренный и скромный человек — что весьма необычно для дзэнских мастеров его времени. Он был не похож на Бодхидхарму или Ма-цзы, которые то и дело колотили своих учеников, выбрасывали их через окно и выгоняли из монастыря для того, чтобы те нашли высшую истину. Нет, он очень терпеливо, с безмерным состраданием ждал тех, кто хотел следовать за ним.

И вот, тринадцать столетий спустя, послание Исана снова ожило через присутствие современного мастера, Ошо Раджниша. Предельно доходчиво и весело Ошо ведет нас в ошеломительный, глубокий мир дзэн. Его слова *вкусны*. Они побуждают нас выйти за пределы слов и отправиться в беспредельную непостижимую тишину.

Комментируя Исана, Ошо обновляет вечное приглашение дзэн:

Он всего лишь воспарил в небо, маня за собой тех, кто забыл о своих крыльях, и бросая вызов тем, кто забыл о своем небе, о своей свободе. Затем он растаял в небесной дали, в бескрайней синеве, без следа, но оставив нам непреодолимое стремление отправиться в те измерения, где тебя больше нет.

Внутри тебя уже созрел новый человек, он готов родиться: все, что ему нужно, — это еще немного наблюдателя. Наблюдение служит пищей живущему в тебе будде.

*Ма Латифа
Свами Дхармамурти,
бакалавр гуманитарных наук
март 1989, Пуна*

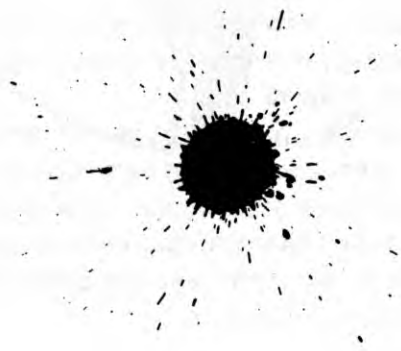

К читателю

Каждая беседа данного цикла заканчивается своеобразным ритуалом, который может озадачить читателя, не присутствовавшего на беседах.

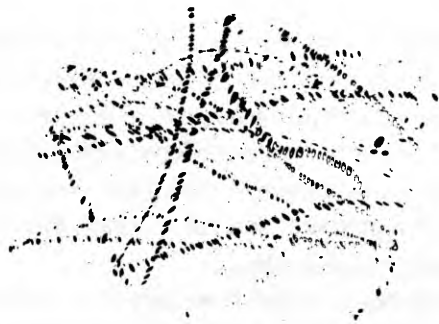
Вначале наступает время Сардара Гурудаяла Сингха. Сардарджи — старый ученик Ошо, который так искренне и заразительно смеется шуткам, что его именем называли время анекдотов.

За анекдотами следует медитация, состоящая из четырех частей. Каждой стадии медитации предшествует сигнал, который Ошо дает барабанщику Ниведано. Удар барабана представлен в тексте следующим образом:

Первый этап медитации состоит из бессвязного бормотания, или тарабарщины, когда вы, по словам Ошо, «очищаете разум от всякого рода пыли... говоря на любом языке, которого вы не знаете, вышвыривая прочь все свое безумие». На несколько секунд в зале воцаряется полное сумасшествие — тысячи людей орут, визжат, бормочут что-то бессвязное и размахивают руками.

Тарабарщина представлена в тексте следующим образом:

На следующем этапе слушатели сидят в безмолвии, сосредоточив сознание на центре своего существа, в точке наблюдения.

Третий этап — «отпускание», когда все бессильно падают на землю, растворяя границы, которые отделяют людей друг от друга.

Последний удар барабана служит сигналом для слушателей опять сесть, и они получают наставление о том, как включить опыт медитации в повседневную жизнь. Слова мастера ведут участников медитации через каждый этап, и текст всех вечерних медитаций воспроизведен здесь полностью.

Копайте глубже

Возлюбленный Мастер...

Однажды вечером, прислуживая Хякудзё, Исан допоздна сидел в тишине горного храма.

— Кто ты? — спросил Хякудзё.

— Рэйю, — ответил Исан.

— Расшевели угли в очаге, — велел Хякудзё.

Исан сделал то, что ему было велено, и сказал:

— Я не нашел горячего уголька.

Хякудзё взял щипцы, запустил их глубоко в золу, достал крошечный горящий уголек и, показав его Исану, сказал:

— Да вот же он, посмотри!

Исан внезапно обрел просветление. Он низко поклонился и рассказал Хякудзё о своем моменте осознания. Тот ответил:

— Ты пришел на перекресток природы будды; теперь созерцай время и причины. Настанет срок, и ты их осознаешь — словно вспомнишь что-то забытое. Другие люди этого дать не могут. Ты обретаешь просветление, когда проявляется твоя истинная природа. Ты обрел — теперь заботливо возвращай свой опыт.

Маниша, сегодня мы начинаем новый цикл бесед Мо дзэн, а именно о мастере Исане. Само название цикла служит вам намеком на то, что это был за человек: «В синем небе следов не остается». Это был один из величайших мастеров, но он не оставил после себя ни великих писаний, ни обширных комментариев. Исан жил в точности так, как, по словам Будды, должен жить настоящий мастер, — он исчез в синеве неба, не оставив следов, словно птица.

Что за идея — не оставить следа? Великий смысл кроется в этой идее. Это значит, что великий мастер не имеет последователей; он не прокладывает тропу, по которой можно следовать. Он взмывает в небо, даря человеку тягу к полету, и исчезает в синеве — оставляя тебе стремление узнать, что значит исчезнуть в первоначальном.

Исан в точности следовал словам Будды. Он — великий мастер, но почти полностью позабытый. Помнят ли люди тех, кто не оставил многих последователей, кто не создал организованного религиозного движения, кто не назначил себе преемников, кто не превратил свою религию в политику, в реальную силу материального мира? Исан ничего этого не сделал. Он просто жил в тишине. Конечно, к нему потянулись тысячи учеников, но он за это не ответствен. Его упрекнуть не в чем: все дело в магнетической силе, которую он обрел, растворившись в просветлении. Свет достигал дальних земель, и имеющие глаза направились в маленькую лесную обитель, где жил Исан. Понемногу, понемногу, в этом лесу поселились тысячи учеников, — но Исан не звал никого из них. Они пришли сами.

Запомни разницу: когда ты приходишь сам, ты приходишь тотально. Когда тебя зовут, внутри зарождается сопротивление и страх: возможно, на тебя станут давить. Но если человек пришел сам, значит, прожил достаточно, чтобы увидеть бессмысленность жизни. Он пришел исходя из глубокого убеждения, что жизнь ничего не может ему предложить. Он пришел во всей своей целостности и полноте; и он не мешкает, поскольку — кто знает, возможно — завтра его уже не будет на этой земле. Смерть может постучаться к вам в дверь в любую секунду, она непредсказуема. Она редко предупреждает человека заранее: «Я иду». Хотя иногда случается и такое — в преданиях...

Следующий миг непредсказуем. Все, что у тебя есть, — *этот* миг. Поэтому не рассеивай свое сознание, сосредоточься на текущем моменте. Если ты хочешь действительно познать высший источник бытия и его необъятное блаженство, достаточно этого единственного мгновения.

Не иди ни по чьим следам. Истину нельзя позаимствовать, как нельзя позаимствовать тропу, протоптанную кем-то другим. Нужно войти в девственные земли собственного внутреннего пространства, куда никто другой попасть просто не способен.

Чем глубже ты проникаешь, тем более ты отделен от мира. Друзья и враги, семья и общество медленно, медленно отпадают прочь по мере того, как ты отбрасываешь свой разум. Едва разум заканчивается — и ты остаешься совершенно один. И быть одному — такая колоссальная радость... Помни, это не одиночество. Одиночество есть страсть к другому. А быть одному — завершение себя. Одного достаточно; один — это вся Вселенная. Так что не верь тому, что сказано в словарях. Там пишут, будто одинокий тот, кто остался один, — но это не так.

С точки зрения экзистенциального опыта, Исан жил один. Но и один, он излучал такое величие, что люди стали сходить к нему сами — к этой великой тишине, к этой неописуемой красоте истины.

Этот человек уже *добрался домой*, и, возможно, тебе тоже удастся найти свою дорогу, просто побыв рядом с ним. Он не укажет путь, но рядом с ним возможно многое. Во первых, ты убедишься, что опыт пробуждения не является просто игрой воображения поэтов или философской системой, созданной мыслителями. Это истинное осознание. Его можно ощутить, к нему можно почти прикоснуться, и, если твое сердце открыто,

оно затанцует от радости. Твоя жизнь рядом с таким человеком, как Исан, обретает крылья.

Итак, пришли тысячи. Но Исан никому не давал наставлений, поэтому в качестве названия для этого цикла бесед я выбрал изречение Будды: «В синем небе следов не остается». Он всего лишь воспарил в небо, маня за собой тех, кто забыл о своих крыльях, и бросая вызов тем, кто забыл о своем небе, о своей свободе. Затем он растаял в небесной дали, в бескрайней синеве, не оставив следов, но оставив нам непреодолимое стремление отправиться в те измерения, где тебя больше нет.

Тебя больше нет, есть лишь высшее осознание истины.

Ты — преграда, ты — проблема. Ты — *единственная* проблема. А когда ты таешь, начинает проявляться нечто вечное внутри тебя, нечто, что даже нельзя назвать собой, нечто, принадлежащее всему Космосу. А то, что мы привыкли называть собой, — не более чем тлен.

Прежде чем мы перейдем к сутрам, я скажу несколько слов о жизни Исана.

Исан Рэйю, известный также как Гуэй-шань Лин-ю, жил с 771 по 853 годы. Покинув дом в пятнадцатилетнем возрасте, он стал монахом и учился у местного мастера винайи, в нынешней провинции Фуцзянь.

Эти факты могут показаться незначительными, но мне кажется, что они исполнены глубочайшего смысла, который необходимо понять. Он ушел из дому в пятнадцать лет: ведь тогда мир был совсем не тот, что сейчас, и у людей были совершенно другие порывы. Что такое пятнадцатилетний мальчишка?.. Но, очевидно, эти порывы были настолько популярны и настолько

густо пропитывали атмосферу того времени, что даже пятнадцатилетний мальчишка был достаточно разумен, чтобы загореться.

Говорят, что существуют люди, которые совершают одну и ту же глупость снова и снова, но не могут ничему научиться. Именно поэтому история повторяется. Она повторяется из-за идиотов — иначе ей повторяться незачем. Каждое утро встает новый рассвет. Он не бывает старым, гнилым, отжившим, полностью завершенным. Однако история не может не повторяться, поскольку существуют идиоты, вновь и вновь совершающие одни и те же глупости, и именно они являются творцами истории. История повторяется только по недомыслию.

Пословица гласит, что дурак не учится даже на собственных ошибках, тогда как умный учится на чужих. Человек, извлекающий уроки из чужих ошибок, обладает огромным потенциалом. Очевидно, Исан сделал должные выводы из чужих ошибок уже в пятнадцатилетнем возрасте. Должно быть, он внимательно наблюдал за своими родителями, соседями, учителями — за их безжизненными жизнями, за их бессмысленными блужданиями, единственным результатом которых были нищета и страдание. Все, что у них есть, — какая-то слабенькая надежда на будущее, то ли на следующую жизнь, то ли на рай. Но сейчас жизнь полна страданий, и иначе быть не может. Такова природа жизни, и они это приняли. Он ушел из дому в пятнадцатилетнем возрасте. Он решил не повторять те же ошибки, что совершают все остальные.

Покинув дом в пятнадцатилетнем возрасте, он стал монахом и учился у местного мастера винайи.

Мастер винайи — что-то вроде раввина, пандит*, ученый муж. *Винайя* — название буддистских писаний. Само слово «винайя» означает «смирение»; Будда учит, что быть смиренным — значит быть близким к природе. Все буддийские писания — а их много — называются *винайя*, ибо каковы бы ни были источники этих текстов, основа учения одна: просто будь никем, приготовься исчезнуть в синеве неба, не оставив следов.

Очевидно, Исан еще был на пути поиска. Он отправился учиться к местному мастеру винайи. Пятнадцатилетний мальчишка еще не знает, куда ему идти. Поэтому он отыскал самого известного и эрудированного ученого в округе и отправился к нему.

В двадцатитрехлетнем возрасте он получил посвящение в Ханчжоу.

Получить посвящение — значит полностью посвятить свою жизнь поискам себя. Он обратился к миру: «Помоги мне не заблудиться». Таким образом он публично заявил о своем сокровеннейшем стремлении. Отныне общество знает, что он — искатель истины, а в те дни в обществе было принято всячески помогать искателям: пищей, одеждой, кровом. Казалось, весь мир вертелся вокруг главного стремления — стать буддой. И если обстоятельства не позволили человеку сделать это в нынешней жизни, он готов был ждать, когда сложится благоприятная ситуация и он наконец сможет сбежать в синее небо.

Теперь мы измельчали в этом отношении. Мы жаждем денег, жаждем иметь роскошные дома, жаждем добиться успеха — славы, имени, политической власти.

* Знаток священных писаний в Индии. — Прим. перев.

Если говорить о духовном мастерстве, то мы определенно пали. А в те давние времена люди жили в бедности, они не владели наукой и технологией, но были выше нас в том смысле, что всей душой стремились к поиску смысла жизни: по меньшей мере, если ты не в силах идти так далеко, то можешь хотя бы помочь другим. Помочь человеку, ищущему истину, уже само по себе считалось великой добродетелью.

И я одобряю эту идею. Обществу нужно жить: конечно, каждый не может быть монахом, если не следовать моей стратегии. К тому же сложно оставаться свидетелем, живя обычной жизнью. Гораздо легче быть свидетелем, живя в монастыре или ведя жизнь монаха-одиночки, не вмешивающегося в мирские дела. Ты не зарабатываешь денег, у тебя нет никакой власти, ты живешь только на подавание — всего одна трапеза в день. Общество было очень бедным, и поэтому Будда велел своим посвященным монахам: «Собирайте свою единственную трапезу, — за двадцать четыре часа им была позволена лишь одна трапеза, — с семи домов. Кусочек за кусочком, и вы ни для кого не станете обузой».

Ведь если каждый монах будет собирать пищу с семи домов, он никого не обременит, поскольку каждая семья может уделить просящему маленький кусочек. Таким образом, искатели могут не принимать участия в мирской деятельности, и им не придется терять свое время. Вся их энергия направлена в одну точку — к центру их существа. А общество должно им помочь, поскольку, поднимая уровень своего сознания, они тем самым помогают всем.

Может быть, вам об этом известно, может быть, нет, — но те немногие будды, которые случались в истории человечества, подняли ваше сознание, хотя

вы этого и не осознали. Не будь их, вы до сих пор еще блуждали бы по джунглям. Вы не сделали ничего, но каждый будда изменил общую атмосферу. Он дал так много, и дал в изобилии... не думайте, что кусок хлеба — достаточная плата за это. Мы ничем не можем ему отплатить; его вклад в сознание человечества так велик, а его щепетильность...

Будда учил своих монахов: «Собирайте одну трапезу с семи домов и никогда не оставайтесь в одной деревне более трех дней. Не останавливайтесь, ибо, задержавшись в деревне, вы можете стать в тягость ее жителям. Им придется давать вам что-то каждый день. Уйдите прежде, чем они устанут от вас».

И в этом — очень тонкое психологическое прозрение, ибо для того, чтобы познакомиться с человеком или местом, каждому из нас требуется четыре дня. Когда вы переезжаете, то начинаете чувствовать себя уютно в новом доме только через четыре дня. И нужно уйти прежде, чем жители деревни привыкнут к вам. Ты — чужак, тебе не позволено заводить знакомства, завязывать дружбу. Нужно оставаться чужаком. Ты сам избрал путь чужака.

В двадцатитрехлетнем возрасте Исан получил посвящение в Ханчжоу, потом отправился в Цзянси и стал учеником Хякудзё.

Он нашел своего мастера. Ученые мужи, которых он, по-видимому, встречал до сих пор, не могли удовлетворить его жажду. Они не могли дать то, что он просил. Он не просил знаний, он искал *знающего*. Он хотел изучить каждую грань *знающего*, свидетеля.

Понятно, что ученый муж этого дать не в силах. Он умеет произносить длинные цитаты, но не может

излучать буддовость. Он не служит подтверждением собственных цитат, не может обосновать собственные знания. Вся его жизнь обыденна, в ней нет ни изящества, ни красоты, ни блаженства, о которых он рассказывает. Поэтому всякий разумный искатель скоро поймет, что у такого человека есть только слова, — ему неизвестно их значение. Он таскает за собой труп, не понимая, что человек уже мертв.

Все ученые мужи мира — расхитители гробниц. Они глубоко вкапываются в могилы и извлекают кости самых разнообразных людей, но они никогда не копают вглубь себя. Они могут отыскать кости Будды... а когда найдут, они даже станут поклоняться этим костям.

В Шри-Ланке, в Канди, есть огромный храм, посвященный зубу Будды. Все научные исследования свидетельствуют, что этот зуб не принадлежит человеку: он слишком большой. Это может быть только зуб животного. Но кому до этого есть дело? Канди привлекает в Шри-Ланку больше паломников, чем любой другой храм, и все потому, что там хранится зуб самого Гаутамы Будды.

Иногда создается впечатление, что эти ученые мужи беспросветно глупы. В Сринагаре (Кашмир) был волос, якобы принадлежащий Хазрату Мухаммеду. Мусульмане поклонялись ему, ибо думали, что это — единственная реликвия, оставшаяся от тела Мухаммеда. Но никто не знает, чей на самом деле это волос, и нет никакой возможности доказать, что он действительно принадлежал Мухаммеду. Так или иначе, несколько лет назад его похитили.

Среди мусульман всего мира поднялся переполох. Эта мечеть, Хазрат Бал... *бал* значит волос; даже *волос* называли Хазратом; Ошё — «почтенный волос». И это была такая сложная ситуация... Начались восстания

только из-за того, что мусульмане думали, будто виноват не кто иной, как индуисты. А индуисты составляют очень незначительное меньшинство в Кашмире. И несмотря на то, что индуистские лидеры всего Кашмира вновь и вновь заверяли: «Мы непричастны к делам вашей религии», — ничто не принесло примирения.

Наконец премьер-министр Индии, Джавахарлал Неру, вынужден был послать в Кашмир главу своей армии с большим количеством солдат, чтобы окружить эту мечеть и попытаться как-то найти пропавший волос.

А как это можно было сделать? Однако как-то сделали: в пустую пробирку вложили чей-то волос. И вот теперь все довольны: волос найден. Ну что это за глупость?.. К чему вам этот волос? Найдите вы хоть целую голову Мухаммеда — вам и это не поможет. Но люди занимаются совершенно абсурдными вещами, причем они всецело поглощены ими, — и все из-за этих грамотеев, из-за так называемых ученых мужей, которые провоцируют массы.

Должно быть, Исан переходил от учителя к учителю. Он шел все дальше и дальше в поисках человека, который постиг суть, который является не буддистом, но *буддой*, который не верит в те или иные гипотезы, но *знает*. И вот, когда он пришел к Хякудзё, что-то произошло. Он нашел мастера.

Именно таким образом свершали свой поиск ученики, последователи, искатели: они шли из монастыря в монастырь, от монаха к монаху. Нет никаких зримых знаков, никаких дипломов, которые помогли бы определить просветленного. Нужно собственным сердцем найти того, кто заставляет твое сердце плясать. Это внутренняя находка — человек, в чьем присутствии вся твоя жизнь становится светом, в чьем присутствии

разум уходит, словно тень, и тебя окутывает совершеннейшая тишина.

Придя к Хякудзё, Исан сразу же стал его учеником.

Позже Хякудзё направил Исана на гору И, чтобы тот основал монастырь. Вначале Исан жил одиноким отшельником, но понемногу к нему стали тянуться ученики. В конце концов их число достигло тысячи. Исан учил на горе И более сорока лет.

Это была маленькая биографическая справка. А теперь сутры.

Как-то вечером, прислуживая Хякудзё, Исан допоздна сидел в тишине горного храма.

— Кто ты? — спросил Хякудзё.

— Рэйю, — ответил Исан.

— Расшевели угли в очаге, — велел Хякудзё.

Исан сделал то, что ему было велено, и сказал:

— Я не нашел горячего уголька. — Огонь совсем погас, углей больше не осталось.

Хякудзё взял щипцы, запустил их глубоко в золу, достал крошечный горящий уголек и, показав его Исану, сказал:

— *Да вот же он, посмотри!* Ты копнул недостаточно глубоко.

Тихая ночь в горном храме: все, что делает мастер, имеет определенную цель. Он попросил Исана посмотреть, горит ли еще огонь в очаге. Ночь. Холодает. Просто посмотри, есть ли горячий уголек. Казалось бы, совершенно незначительное действие. Исан сделал, как ему было велено, и ответил: «Я не нашел горячего уголька. Огонь совсем погас».

Хякудзё взял щипцы...

Таков дзэн, прямое учение, без слов.

Хякудзё взял щипцы, запустил их глубоко в золу, достал крошечный горящий уголек и, показав его Исану, сказал: «Да вот же он, посмотри! Ты копнул недостаточно глубоко».

Исан внезапно обрел просветление...

потому что сложилась нужная ситуация в его медитациях. Он шел к своей цели — но не заходил достаточно глубоко, чтобы найти огонь жизни. Непосредственно, следуя не словам, — о просветлении не говорят, — но наблюдая действие Хякудзё, который копнул достаточно глубоко и нашел уголек, Исан, очевидно, шагнул далеко вглубь себя. Он много медитировал, но, должно быть, не заходил достаточно глубоко для того, чтобы найти живой огонь.

Исан внезапно обрел просветление.

Рациональным людям очень сложно понять, каким образом просветление может быть внезапным. Но оно внезапно, если вы понимаете, как творят мастера дзэн, — они из каждой ситуации извлекают знак, который невозможно выразить в словах. Мастер не раз уже говорил ученику слова «Иди вглубь!» — но слова остаются словами. Все зависит от того, пойдешь ты вглубь или нет.

Хякудзё пришлось создать очень прозрачную экзистенциальную ситуацию, которая показала Исану, что тот еще не ходил достаточно глубоко. И совсем простая вещь — найденный уголек — заставила Исана войти в себя так глубоко, как только возможно. Той ти-

хой ночью он нашел свой внутренний огонь; он обрел просветление. Кажется, что это произошло внезапно. Однако не так уж внезапно — годы ученичества, годы медитации. И в нужный момент мастер создает ситуацию, которая показывает, чего тебе не хватает.

Он не рещался пойти в самый центр, иначе как можно было не заметить живой огонь? Ты — живой! Как можно не заметить свою божественность, как можно не заметить своего будду?

Исан внезапно обрел просветление. Он низко поклонился и рассказал Хякудзэ о своем моменте осознания. Тот ответил: «Ты пришел на перекресток природы будды; теперь созерцай время и причины».

Несмотря на то что ученик обрел просветление, он еще должен дать своему просветлению корни. Иначе оно так и останется всего лишь мимолетным видением, которое быстро забывается, а если и помнится, то только как дальнее эхо. Теперь нужно заботливо поливать внезапно распустившиеся внутри тебя цветы. Теперь нужно день и ночь заботиться о том, чтобы приумножалось твое сокровище, чтобы ширилось и ширилось твое внутреннее небо, чтобы росли твои крылья, чтобы близилось время для окончательного полета росинки к океану.

Хякудзэ сказал ему:

— Ты пришел на перекресток природы будды; теперь созерцай время и причины.

Отныне будь бдителен. Причиной твоего просветления стала самая обычная повседневная вещь. Теперь

тебе нужно помнить, что, отправившись вглубь, ты внезапно обретаешь просветление; ты можешь пойти еще глубже. На самом деле нет никакой пограничной черты, на которой нужно остановиться. Ты можешь уйти так глубоко, что сам станешь глубиной. Только тогда у твоего просветления вырастут корни. После этого его уже нельзя разрушить, оно перестало быть сезонным цветком.

— Настанет срок, и ты их осознаешь — слово вспомнишь что-то забытое.

То, что ты увидел сегодня, — лишь первая мимолетная вспышка, которая привела тебя на перекресток. Ты можешь снова заблудиться... перед тобой открыты и другие дороги. Так что будь внимателен. То, что стало причиной этого переживания, лежит глубже, так иди же — глубже, глубже и глубже. И не останавливайся, пока сам не станешь глубиной — пустотой, бездной.

Это время, когда в твоём существе начинается весна. И ты осознаешь, что ничего не достиг; ты словно просто вспомнил что-то забытое. Это всегда было с тобой, тут нет ничего нового, ничего такого, чего ты мог бы достичь. Это что-то забытое так давно, что даже не представляешь себе, когда ты это забыл. А теперь вспомнил.

В тот момент, когда просветление оказывается просто воспоминанием, оно становится твоим дыханием, биением сердца. Теперь тебе не нужна медитация. Теперь вся твоя жизнь — медитация. Без напряжения, без усилий ты — будда. Если приходится прикладывать усилия, значит, чего-то недостает. Если будда истинный, ты остаешься буддой даже во сне. На прогулке, за работой — что бы ты ни делал — тебя окружает благоухание буддовости.

Но это произойдет только тогда, когда ты достигнешь предельной глубины и будешь воспринимать свое осознание не как достижение, но как воспоминание. Поэтому не похваляйся им, ведь это не достижение, — чем же тут гордиться? Ты просто погрузился в новое, покинутое и забытое пространство, которое и есть ты.

И произойдут миллионы событий, но ты не будешь делателем. Они просто произойдут, ведь твое существо дошло до этих глубин. Когда твое свидетельствование достигнет высшей глубины, расцветут цветы, раскроются лотосы — к тебе пришел рассвет, ты возродился. Был мертв, а теперь жив. В тебе разливается новая жизнь, и она приносит колоссальную красоту, истину и благодать.

— Другие люди этого дать не могут. Ты обретаешь просветление, когда проявляется твоя истинная природа. Ты обрел — теперь заботливо возвращивай свой опыт.

Это очень важные слова. Невозможно возвращать фальшивое просветление. Ты можешь ходить как будда, можешь научиться сидеть в позе лотоса — возможно, придется потратить немного времени, размять кости... особенно трудно это дается людям с Запада. В холодных странах придумали стулья, а в теплых странах вполне удобно сидеть и на полу. В холодных же странах сидеть на полу неудобно. Поэтому, если Будда сидит в позе лотоса, это не значит, будто бы и вам необходимо усестись в такую же позу и только тогда вы станете буддой. Хотя можете поупражняться — ведь множество идиотов с завидным упорством занимается именно этим, подвергая себя совершенно ненужным пыткам.

Буддовость — это ваша природа, ее не нужно возвращивать. Но Хякудзэ имеет в виду совершенно другое. Он говорит: *«Ты обрел — теперь заботливо возвращивай свой опыт.* Это обретение так ново, что существует возможность снова соскользнуть во тьму. Существует возможность снова подумать, будто все было лишь игрой воображения. Тут есть множество возможностей. Твое прозрение свежо и молодо, а невежество прошлого так продолжительно — четыре миллиона лет; это немалый груз. Тот новый цветок, что распустился в тебе, может погибнуть под завалами прошлого».

Невозможно совершенствовать просветление, если не обрел его. Поэтому вначале обрети, — это кажется странным, — вначале обрети прозрение, а затем защищай, возвращивай его; затем позаботься, чтобы на тебя не обрушилось прошлое, ибо груз прошлого огромен, а новое всегда хрупко.

Поэтому помни, что Хякудзэ не предлагает возвращивать просветление. Он призывает вначале обрести просветление, а затем как следует позаботиться о том, чтобы защитить его, очистить, проникнуть в него поглубже и найти его корни. Настоящая работа начинается именно тогда, когда обретишь просветление. Вся работа, проделанная до просветления, не идет с ней ни в какое сравнение.

По-настоящему серьезные усилия начинаются вместе с первым проблеском просветления. Ты можешь отойти от него: прошлое всей своей массой станет тянуть тебя назад; все твое прошлое будет твердить, будто это всего лишь игра воображения.

Нужно быть очень бдительным. Прошлое — твой враг; а этот свежий побег, этот новый цветок — он так мал, так хрупок и так прекрасен, — если ты сумеешь защитить его, то вскоре он станет твоей вечностью. Ско-

ро он станет твоей природой. И тогда усилия больше не нужны.

Когда мастера дзэн говорят об «отсутствии усилий», о «не-деянии», речь идет о состоянии, когда просветление уже хорошо укоренилось. Теперь можно расслабиться и успокоиться — оно будет расти само по себе. Оно в изобилии принесет листву, цветы и благодать.

Секисё писал:

*Родник дхармы
никогда не иссякает,
бьет он и сейчас.
Одна капля упала и растеклась
вширь и вглубь.
Пусть не пленит тебя
украшенное устье родника
и ажурная оградка.
В ночной тиши луна сияет
посередине озера.*

Слова Секисё очень символичны. *Родник дхармы* — это родник, дающий соки тем, кто созрел и внезапно покрылся цветами, когда закончилась темная ночь и наступило утро, — *Родник дхармы никогда не иссякает*. Секисё говорит: «Помните: родник дхармы никогда не засохнет. Он всегда бьет, как бил во времена Гаутамы Будды и перед тем». Это часть вечной природы. Это как успеть на поезд. Поезд прибывает в любом случае, но чаще всего вы оказываетесь на перроне либо до его прибытия, либо после отправления — и всегда обнаруживаете пустую платформу. Грустные и разочарованные, вы идете домой*.

* В этом абзаце Ошо обыгрывает английское слово *spring*, которое одновременно обозначает «родник» и «весна». Отсюда ассоциация с движением и с поездом — ведь весна, как и поезд, «приходит». — Прим. перев.

Я слышал, как три профессора очень горячо обсуждали на железнодорожном перроне какой-то философский вопрос. Они с головой окунулись в дискуссию и совершенно забыли, что поезд стоит у платформы всего три минуты. Даже когда состав уже тронулся, они осознали это не сразу. Внезапно один из них увидел, что происходит, и все трое побежали вслед за поездом. Но только двое сумели забраться в последний вагон. Один остался и стоял на платформе с таким грустным видом, что наблюдавший всю эту картину грузчик сказал:

— Отчего ты так опечалился? Скоро придет другой поезд, и всего через несколько часов ты снова увидишься со своими друзьями.

— Не в этом дело, — ответил философ. — Ехать должен был я! Они просто пришли меня проводить. А теперь все пошло кувырком...

Но в спешке такое случается.

Родник дхармы никогда не иссякает.

Он всегда доступен, просто ты не готов. И всю ответственность за это нужно принять на себя — взвалить ее на собственные плечи. Существование ныне точно так же благоприятствует буддам, как всегда, но тебе до этого нет никакого дела. Ты не готовишься, ты даже не свидетельствуешь, когда это приходит...

На самом деле это никогда не приходит, родник всегда тут, — *ты приходишь к нему*. Если твое свидетельство достаточно глубоко, внезапно тебя захлестывает грандиозная реальность. Она и сейчас ждет в сокровеннейшем центре твоего существа.

*Родник дхармы
никогда не иссякает,*

*бьет он и сейчас.
Одна капля упала и растеклась
вширь и вглубь.*

Океан родника дхармы всегда готов принять тебя; здесь всегда есть для тебя место, ты всегда желанен. Природа дхармы не отвергает никого. Даже единственная капелька, упав в него, расходится по всему океану *вширь и вглубь*.

*Пусть не пленит тебя
украшенное устье родника и ажурная ограда.
В ночной тиши луна сияет посередине озера.*

Нас всех завораживают украшения, нечто несущественное. Озеро может быть обнесено красивой оградой, с прекрасными статуями, изысканными воротами и беседками. Заглядевшись на эти украшения, ты можешь не заметить, что точно посередине озера отражается луна.

Это символично. Речь идет о том, что экзистенциальная истина всегда сияет прямо посреди мира декораций. Власть, всевозможные страсти, побуждения, стремления — и прямо посреди этого нагромождения, в самом центре твоего существа отражается полная луна. Не заблудись в декорациях.

Маниша спросила:

*Наш любимый Мастер!
Я слышала, как Ты сказал, что просветленные, подобно птицам, не оставляют после себя следов. Однако такие люди, как Исан, трогают наше сознание даже через сотни лет после своей смерти. Не можешь ли Ты пояснить?*

Маниша, тронуть твое сознание — это совершенно другое дело. Все будды доступны открытому сознанию прямо в этот миг — они готовы приветствовать тебя и принять в новое пространство, которого ты избегала на протяжении сотен лет. Но это не означает оставлять следы. Птица просто не способна оставлять следы.

Внутренний мир почти то же самое, что небо, — это внутреннее небо. И люди, вошедшие во внутренний мир, точно так же не могут оставить в нем следов. Это просто способ сказать, что нет возможности идти вслед за ними извне — через их слова, через их писания. Нужно идти внутрь себя, и внезапно с изумлением обнаруживаешь, что ты исчез — и появился будда. Ты не шел по отпечаткам ног Будды — он их просто не умеет оставлять. На небе ничего не напишешь.

Все писания и все великие религии дурачат и эксплуатируют массы. Нужно идти внутрь себя, а религии предлагают идти вовне — к Иисусу, к Моисею, к Мухаммеду, к Будде, — идти наружу. Следуйте их учениям, следуйте их заповедям. Именно это Будда и называл «заблудиться».

Ни один будда просто-напросто не способен оставлять следы, как же можно за ним следовать? Следовать просто невозможно. Остается идти только внутрь себя. Вы можете постигнуть живого будду, можете впитать его энергию, услышать его песню, понять его молчание, наполниться его присутствием — но это не следование. Это просто алхимия *бытия с Мастером*. Вы можете просто исчезнуть в молчании Мастера. Но вы не идете по следам: вы направляетесь внутрь себя, у вас есть собственный путь — от окружности к центру.

А сейчас пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Бедняга ждет уже так долго... и смотрите, как любов-

но он носит свой яркий тюрбан всех цветов радуги. Раньше он был просто старым хиппи — и вдруг превратился в мини-гуру! Он очень радуется этому обстоятельству и направляет многих... Вот это и называется трансформацией.

Рональд Рейган и Джордж Буш гуляют в горах Монтаны. Они бродят целый день, обсуждая предстоящие президентские выборы, и Рональд инструктирует Джорджа, как следует накладывать макияж, чтобы получше выглядет перед телекамерами.

Вдруг, подняв взгляд, они видят, что к ним с холма спускается огромный медведь гризли. Буш тут же запускает руку в свой рюкзак, достает пару беговых кроссовок, стаскивает с ног прогулочные ботинки и надевает кроссовки.

— Эй, — нервно говорит Рональд, — уж не надеешься ли ты обогнать гризли?

— А мне это и не нужно, — отвечает Буш с ухмылкой. — Достаточно обогнать тебя!

Ковальский возвращается с утренней охоты с ружьем в руке и охотничьей сумкой на плече.

Заметив Ковальского, его друг, Слобовский, кричит через дорогу:

— Привет, Ковальский! Ходил на охоту?

— Точно, — отвечает Ковальский. — На уток.

— Здорово! И много настрелял?

— Ну, — отвечает Ковальский, — если ты угадаешь, сколько уток лежит у меня в сумке, я отдам тебе обеих.

— Хм! — сказал Слобовский, почесывая голову. — Три?

Гарри и Гарриет — очень набожная пара. Во время всех христианских праздников они строго бдят целибат, пока праздник не окончится.

Во время Великого поста, который продолжается целый месяц, супруги, конечно, тоже решают воздержаться от секса. Они особенно бдительны — даже спят в разных комнатах, чтобы не поддаваться соблазну.

Великий пост заканчивается в шесть часов утра, в воскресенье, и вот, можете не сомневаться, ровно в шесть Гарриет слышит громкий стук в дверь ее спальни.

— Это ты, Гарри? — спрашивает она.

— Да! — кричит он. — Это твой любящий муж!

— Ах, Гарри! — хихикает Гарриет. — Я даже знаю, зачем ты стучишься!

— Естественно, ты знаешь, зачем я стучусь! — восклицает Гарри. — Но видела бы ты чем!

...Этот анекдот мне рассказали, но ведь кто-то его придумал. Мне рассказала его Нирвано, и речь в нем шла о супругах-джайнах. Мужа звали Халвабхай, а жену — Мевабхай. У джайнов есть религиозный праздник Парушан, и в анекдоте был Парушан. А все остальное осталось без изменений.

Но я сказал Нирвано: у всякой шутки есть свои корни. Нельзя изменять их контекст. Джайнистская пара тут неуместна. О евреях можно рассказать любой анекдот, ибо их аппетиты достаточно велики и уместно будет все что угодно. Но что касается индуистов, джайнов, буддистов — тут нельзя просто изменять имена. Новые имена окажутся совершенно неуместны, ибо не впишутся естественно ни в один контекст.

В Индии нет собственных анекдотов. Все анекдоты импортированы — благо не нужно платить налоги на импорт шуток! Можно, конечно, просто подставить в анекдот индийские имена, но это неуместно, шутка не прозвучит естественно. Даже у анекдота есть определенный контекст, определенный прототип. Шутка — не такая уж неприхотливая вещь. Нельзя привить ее где угодно, ей нужен соответствующий климат. Например, еврейские анекдоты нельзя прививать другим народам, ибо у них есть самобытная история.

А ведь анекдоты никто не пишет. Нет ни одного писателя-анекдотиста. Так откуда же они берутся? Из мудрости народа, сотни лет... они проходят через множество рук, через множество ситуаций и достигают высшей очистки. Никто не может претендовать на авторство. И никогда не пытайтесь изменять имена, потому что они будут звучать совершенно вне контекста.

Если вы не можете понять, какому народу принадлежит анекдот, просто вставьте в него еврейские имена. Это единственный достаточно богатый народ — и есть определенная причина, почему они могут абсорбировать любую шутку. Они слишком много пострадали с тех пор, как Моисей вывел их из Египта на поиски Израиля. Вся их жизнь на протяжении этих четырех тысячелетий состояла из страданий, страданий и страданий.

Я слышал об одном старом еврее, который, умирая, молился Богу. Его семью удивили обращенные им к Богу слова, ибо говорил он вот что: «Господи, уж если хватит, так хватит! Пора бы Тебе избрать для себя какой-нибудь другой народ».

Эта дурацкая идея о том, что евреи — избранный народ, стала причиной всех их страданий. Но страдания нужно чем-то унимать — должен же быть какой-то бальзам для столь многих ран. Анекдоты выросли

именно в еврейском контексте. Евреям был необходим смех — иначе как забыть о боли? Как забыть о страданиях, через которые им довелось пройти? Они потеряли свою землю...

Совсем недавно они получили землю обратно — сорок лет назад, — а теперь им приходится сражаться за то, чтобы удержать ее. Они со всех сторон окружены магометанами. И я не вижу для них никакой возможности там выжить. Отдать евреям Израиль, находившийся в руках магометан, — это самое гнусное преступление американских политиков. Но это умная стратегия. Таким образом удалось избавиться от многих и многих евреев, не убивая их. Они сделали в точности то же самое, что и Адольф Гитлер. Он убил шесть миллионов евреев, ибо проблема в том, что если евреи — избранный народ, кто тогда немцы? Конфликт состоялся именно в этом. Адольф Гитлер решил, что его народ — а именно нордические немцы — избранная Богом раса, а евреи с этим бы ни за что не согласились. Вот он и прикончил шесть миллионов евреев.

Америка сделала то же самое, но более дипломатичным путем. После Второй мировой войны они отдали евреям Палестину — землю, которая некогда была Израилем, а затем попала в руки к мусульманам. На протяжении многих столетий евреи жили без собственной земли, — и я не думаю, что она им на самом деле нужна. Любые «земли» должны исчезнуть; все границы должны исчезнуть; каждый человек должен жить просто на планете. Но поскольку после Второй мировой войны Палестина оказалась в руках у Америки, американцы решили сыграть очень грязную шутку. Они вернули страну не магометанам, а евреям. Да, это правда: много сотен лет назад эта территория принадлежала евреям. Но впоследствии она так долго была в руках магоме-

тан, что изменилось даже название. Она больше не называлась Израилем и давно стала Палестиной. А под давлением американцев, которые взяли Палестину под свой контроль, там снова появился Израиль.

Народы так не создаются. Итак, тысячи евреев из разных стран — в частности, из Америки — переселились в Израиль. Их со всех сторон окружают магометане. Вот уже в течение сорока лет они беспрестанно сражаются и гибнут.

Это очень хитрый трюк — изобретение разума христианских фундаменталистов. Я не вижу у Израиля будущего. Едва Америка перестанет оказывать им помощь, — ведь этот крохотный островок со всех сторон окружен миллионами магометан! — и всех их тут же перебьют. Но Америка сыграла свою роль, вооружила евреев, и евреи поверили, что они ходят у Америки в фаворитах. Они искренне надеялись однажды обрести свою землю и поэтому ринулись туда вместе со всеми своими деньгами. Деньги до сих пор идут в Израиль непрерывным потоком — от других евреев, которые не переехали, — и получается, что все их деньги сгорают в Израиле.

Теперь этот народ оказался в очень сложном положении: с одной стороны, они не могут вернуться назад — поскольку вложили сюда все, что у них было, а с другой — у них нет никаких оснований надеяться на мирную жизнь в будущем. День за днем идет нескончаемая война, кругом кишат террористы, безопасности нет нигде.

Это очень редкостная ситуация. В один злосчастный день, четыре тысячи лет назад, Моисей привел евреев в Израиль. Сорок лет ушло на то, чтобы добраться до этой бесплодной местности, которую он назвал «святой землей». А ведь Моисей вынужден был назвать ее святой,

иначе последователи просто убили бы его! За сорок лет скитаний по пустыне две трети его спутников погибли. Он не остановился ни в Саудовской Аравии, ни в Иране — евреи никогда не простят ему этого. Остановись он в Саудовской Аравии, они бы были теперь богатейшим народом на свете. Но в те времена люди еще не знали бензина и нефти, так что это не его вина. Однако одно можно сказать наверняка: он — не великий пророк. Он не увидел, что там, под землей, залегают огромные запасы бензина и нефти. Какой же это пророк?..

Затем, обнаружив, что уже слишком поздно, — Моисею было восемьдесят лет, а святой земли, похоже, так нигде не обнаружилось, — придя в полное отчаяние, он просто заявил, что Израиль, который представлял собой всего лишь бесплодную пустыню, является святым местом Господним, святой землей. Только для того, чтобы его последователи были довольны... хотя последователи не очень-то обрадовались. Оглядев святую землю, они сказали: «Господи! Неужели мы — избранный народ Божий, а это — святая земля?»

Моисей сбежал под тем предлогом, что ему нужно отыскать небольшое племя евреев, заблудившихся в пустыне: «Я найду их и приведу к вам». Он так и не вернулся. Моисей нашел их — они оказались здесь, в Кашмире. А ведь Кашмир *в самом деле* похож на святую землю: тут так красиво, не сравнить ни с одним другим местом на целой земле — воистину непревзойденная красота. Если бы Моисей просто сразу привел всех евреев в Кашмир, они бы остались довольны: «Да, мы, несомненно, избранный народ Божий, а это — действительно святая земля».

Одно маленькое племя, отбившееся от главного каравана евреев, оказалось в Кашмире, и эти люди подумали, что они наконец прибыли! Люди осели на этой

земле, а когда к ним пришел Моисей, — его могила находится в Кашмире, — он тоже остался жить с ними. Странное совпадение, но Иисус тоже умер в Кашмире, и обе могилы расположены рядом.

Иисус не знал, что он — христианин. Он родился евреем, всю жизнь был евреем и провозгласил себя последним пророком евреев. Именно за это евреи его и распяли, поскольку не хотели признать своего последнего пророка в сыне плотника, который разъезжает верхом на осле. Это их раздражало.

Так что воскресение — всего лишь сказка. Иисуса сняли с креста через шесть часов после казни, поскольку евреи соблюдают субботу как святой день, когда никакую работу совершать нельзя. И вот в пятницу вечером, — когда Иисус пробыл на кресте всего шесть часов, — им пришлось снять его до заката, чтобы не заниматься этой работой в запретное время.

А еврейский крест — это очень примитивный древний механизм. Если ты хочешь умереть, то придется провисеть на нем по меньшей мере сорок восемь часов. За сорок восемь часов вполне можно передумать, — поэтому никто еще не совершил самоубийство на еврейском кресте, ибо кто сможет лелеять в себе мысль о самоубийстве в течение сорока восьми часов? Уже через минуту-другую всякий скажет: «Ну-ка обдумаем все это еще раз. Куда спешить? И, в любом случае, я проголодался».

Итак, через шесть часов — Иисус был молодым тридцатитрехлетним человеком, крепким и здоровым — он сбежал. Это был самый обыкновенный сговор с римским наместником. Иудея находилась под властью Римской империи. Римлян не интересовали проблемы евреев, им было безразлично, является Иисус пророком или нет. Наместник Рима, Понтий Пилат, поговорил с Ии-

сусом перед казнью, чтобы выяснить, действительно ли нужно распять этого человека. Пилат выяснил, что Иисус ни в чем не виновен — разве что немного смутьян, поскольку разъезжает на своем осле в сопровождении двенадцати идиотов, уверовавших, что он едиnorodный сын Господа, и обещает этим идиотам: «Вам уготовано особое место в царстве Божиим».

Естественно, остальных евреев это очень раздражало. Ведь все вокруг только и знали, что подтрунивать над ними: «Так это и есть ваш последний пророк?» Люди даже подозревали, что отец Иисуса — вовсе не отец ему.

Через шесть часов Иисуса сняли с креста, и римский наместник со своими солдатами охраняли пещеру, куда его отнесли после снятия с креста. Наместник позволил последователям Иисуса увезти его из Галилеи. Не было никакого воскресения, потому что даже смерти не было. Он был жив и здоров: понадобилось лишь несколько дней, чтобы зажили пробитые гвоздями ладони и стопы.

Оценив сложившуюся ситуацию, ни один разумный человек не вернулся бы в Иудею. Иисус тоже отправился на поиски какого-то заблудившегося племени и в конце концов оказался в Кашмире. В Кашмире умер Моисей, и там же, две тысячи лет спустя, умер Иисус. Их могилы расположены неподалеку друг от друга. Ни иудеи, ни христиане этого не признают, но ведь все очевидно: на обеих могилах надписи на иврите, и на обоих могильных камнях выгравированы имена — Иисус и Моисей. Люди, ухаживающие за могилами, до сих пор хранят верность иудаизму, — это единственная семья во всем Кашмире, кого магометане не обратили в свою религию. Всех остальных евреев принудили стать магометанами, а этих оставили в покое, поскольку они

ухаживают за могилами Моисея и Иисуса, а магометане признают и Моисея, и Иисуса пророками. Так что эта семья — единственная. Но ни один поп ни разу не пришел на могилу бедного Иисуса. Христиане предпочитают об этом молчать, да и иудеи не особенно беспокоятся о том, что на самом деле стало с Моисеем.

И христиане не могут ответить вот на какой вопрос: даже если Иисус воскрес, он должен был где-то умереть потом. Куда он отправился? Или они скажут, что он воскресает вновь и вновь? Тогда он должен быть где-то здесь!

Благодаря всем своим страданиям евреи нашли способ смеяться даже в горе, и этот способ — анекдот. Анекдот — сугубо еврейское изобретение.

Не следует подставлять другие имена, ибо, изменив имена, вы ничего не добьетесь. Джайнистская пара: они просто не могут сказать то, что сказано в анекдоте. «Конечно, ты знаешь, *зачем* я стучусь! — восклицает Гарри. — Но видела бы ты *чем!*» Ни один индеец такого не скажет. Это просто невозможно.

Поэтому я посоветовал Нирвано: «Измени имена. Подставь христианские...» — поскольку евреев и без того слишком много пинали. А я их люблю. Половина моих саньясинов — евреи, и большинство из них стали моими саньясинами потому, что я — единственный человек, кому нравятся еврейские анекдоты. В них есть изюминка. Такие страны, как Индия, очень серьезны. Рассказать анекдот... индусы очень обидятся, они слишком закрепощены. Здесь есть несколько моих старых друзей — джайнов. И я спросил Нирвано: «Ты ведь не хочешь, чтобы и они ушли?» Услышав анекдот о Халвабхае и Мевабхае, они больше не останутся с нами.

Люди, переводящие мои книги с английского на хинди, постоянно посылают мне записки: «Что нам де-

вать с анекдотами?» А переводчики моих книг с хинди на английский снова и снова спрашивают: «Как быть со стихами?»

Последним я отвечаю: «Если получится, переведите стихи в прозе. Если нет — просто опускайте их». А переводчикам с английского на хинди я говорю: «Ничего не поделаешь, анекдоты придется опустить». Индусы просто с ума сойдут — я и так уже довел их до бешенства. Их серьезность — давняя болезнь, и эта рана залечится не скоро.

Евреи, несомненно, доказали свою стойкость. Они пронесли свой смех через любую боль и не растеряли его. Вот ведь странный психологический факт: народ, которому приходится страдать, всегда любит смех. Смех позволяет хотя бы на время забыть о несчастьях. А народы, живущие мирно, без страданий, не знают, что такое смех.

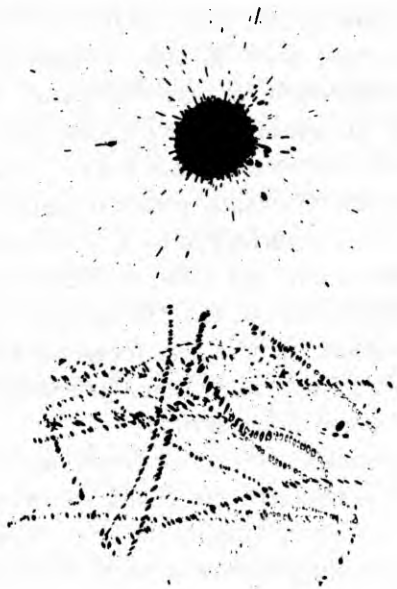
Я не раз думал, что мне следовало бы отдельно поговорить с вами о психологии анекдотов. Тут действительно есть о чем побеседовать. Почему тот или иной анекдот анекдотичен, что его породило; что за люди его создали? На какой почве расцвел этот анекдот и долго ли его шлифовали? Ведь это сотни лет работы! Можно проследить судьбу того или иного анекдота в веках, и вы обнаружите, что он достиг совершенства, пройдя через целый ряд незначительных изменений. Это произведение искусства. Но ему необходим определенный климат, где есть некоторая доля понимания, открытости и раскрепощенной жизнерадостности, — иначе он может вызвать протест.

Это прекрасный анекдот, но Нирвано — не еврейка. Она решила подставить христианские имена, поскольку она знает их лучше, и еще она знает о христианском великом посте. В еврейском контексте анекдот прозвучит

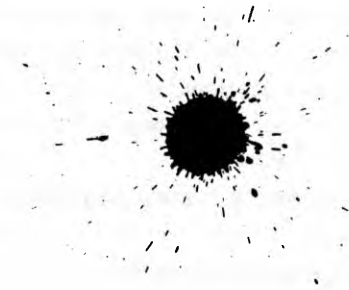
чал бы еще лучше, ибо евреи — самый раскрепощенный народ на земле. И не случайно, что именно еврей Зигмунд Фрейд положил начало новой науке — психоанализу. Вся эта наука направлена против закрепощенности.

У каждого анекдота есть долгая история и происхождение. Хорошо было бы когда-нибудь посвятить целый цикл бесед Сардару Гурудаялу Сингху и отыскать корни этих шуток — их психологию, породившие их народы. Ведь народов очень много. Например, евреи рассказывают анекдоты о себе самих; они умный народ. Другие рассказывают анекдоты о поляках — а они очень неумный народ. Они не могут придумать анекдот сами, это невозможно. Но и они по-своему молодцы: позволяют всему миру рассказывать анекдоты о себе. Славные ребята!

Ниведано...

Ниведано...

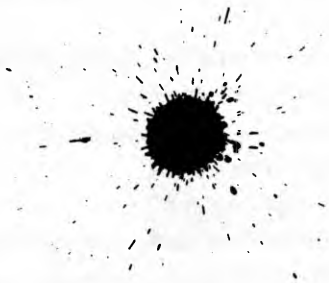

*Тишина. Закрой глаза и почувствуй,
что твое тело обратилось в лед.
Теперь посмотри внутрь себя.
Собери все свое сознание в копье,
направленное в самый центр твоего существа.
Глубже и глубже — и ты неизбежно найдешь
огонь жизни.
Этот огонь не обжигает, он прохладный.
Этот огонь подобен цветку.
Языки пламени — суть твои вечные
божественные источники.
Сейчас ты — будда.
Заботься о будде двадцать четыре часа в сутки;
вращивай будду двадцать четыре часа в сутки.
Ни на миг не забывай о своей буддовости.
Твое воспоминание углубляется,
осознание проясняется,
ты растворяешься в своем свидетельствовании,
и в это время проявляется будда — в твоих
действиях, в твоих словах, в твоей тишине.
Он становится всей твоей жизнью, —
и эта жизнь исполнена величайшей
радости и блаженства;
эта жизнь есть чистая поэзия,*

изначальная музыка, бесконечный танец.
 Но следы, чтобы свидетель был чист, —
 ибо во всем твоём теле только свидетель вечен,
 а все остальное смертно.
 Рано или поздно все остальное
 будет лежать в могиле.
 Оно пришло из земли, и в землю уйдёт.

Один только свидетель улетит,
 не оставив следов в синем небе.
 Улетит, чтобы стать частью Космоса.
 Будда — это просто имя
 твоего свидетельствования.

Чтобы стало понятнее,
 Ниведано...

Расслабься. Стань свидетелем своего тела,
 лежащего почти мертвым.
 Разум еще здесь; возможно,
 он еще о чем-то болтает, но ты — не он.
 Ты просто наблюдатель.
 В этот миг ты находишься на высочайшей
 вершине своего сознания и одновременно —

на величайшей глубине.
 На тебя ниспадают тысячи цветов.

Такая тишина, такая безмятежность —
 этот вечер безмерно красив.

Прежде чем Ниведано призовет тебя обратно,
 собери столько цветов, столько благоухания,
 столько нектара, сколько сможешь.

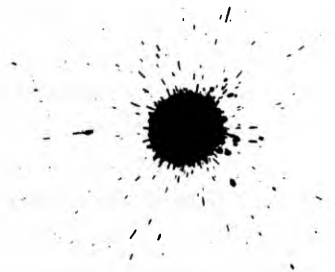
И уговори будду пойти с тобой.
 Он прятался в центре много сотен лет —
 выведи его на окружность, ибо это нужно миру.
 Сейчас настало время каждому будде
 выйти наружу.

В этом единственная надежда планеты.
 Если будды смогут выйти на свои окружности,
 в область повседневной деятельности,
 мы сумеем изменить саму структуру человеческой
 жизни на Земле.
 И это станет благословением.

Человек до сих пор остается нецивилизованным
 по единственной причине:
 он никогда не погрузился вглубь себя.

Я называю цивилизованными
 лишь тех людей, кто достигли своего центра
 и увидели, что они — будды.

Ниведано...

*Возвращайся, но даже в возвращении
сохрани благодать, тишину, радость
и блаженство этого мгновения.*

*Посиди несколько секунд, чтобы вспомнить
золотую тропинку, по которой ты прошел;
вспомнить этого удивительного будду,
которого ты встретил, — он не отдельная
от тебя сущность, но твое сокровенное я,
твоя душа.*

— Хорошо, Маниша?

— Да, любимый Мастер.

Инерция привычки

Наш любимый Мастер...

Однажды монах спросил у Исана, необходимо ли совершенствовать свою духовную жизнь после просветления. Исан сказал, что это очень важно, ибо существует «инерция привычки». Затем он продолжил:

— Все, что ты слышишь, должно быть вначале принято рассудком. А когда твое понимание становится необычайно глубоким и острым, разум спонтанно обретает широту и ясность, достаточные для того, чтобы больше никогда не соскользнуть в сомнения и иллюзии. И хотя учения многочисленны и разнообразны, ты интуитивно чувствуешь, как применять их в соответствии с ситуацией.

Только таким образом можно обрести мастерство, чтобы сесть на скамью в облачении учителя истинного искусства жить. Обобщим: самое главное — знать, что первичная реальность, или основание разума, не терпит ни единой пылинки, но неисчислимые двери и тропы действия не отвергают ни одного закона, ни одной вещи.

Маниша, одна из важнейших проблем любого искателя состоит в том, чтобы отчетливо увидеть разницу между совершенствованием и просветлением. Совершенствовать просветление возможно, но это будет фальшивка. Ты можешь верить в просветление, но вера не превратит его в истину. Пусть даже эту веру разделяет и поддерживает все общество — ничто не поможет.

Истина не нуждается в поддержке; она должна быть самоочевидной. А как можно совершенствовать просветление, если ты его не достиг? Ты будешь просто подражать другим просветленным. Но у каждого просветленного свой неповторимый характер. Никто не станет вторым Исаном. Как бы ты ни старался совершенствовать себя, подражая каждому действию, каждому слову Исана, все равно Исаном не станешь. Ты останешься собой, просто вокруг твоего разума образуется некий усовершенствованный культурный слой. Все это останется действием разума, а просветление, конечно же, не является действием разума. Поэтому совершенствовать просветление невозможно.

Но после просветления...

Просветление случается внезапно. Можно следовать тем или иным техникам, но нет никакой гарантии, что это приведет к просветлению. Однако если рядом с тобой есть живой Мастер, наблюдающий каждый твой шаг, поддерживающий тебя одной рукой, — так говорил один индийский мистик по имени Гора... Гора был гончаром, совсем бедным человеком, но он взшел на те же высоты, что и Будда Гаутама. И конечно же, он говорил на языке гончара. Однако иногда грубый говор селян может выразить нечто, недоступное самому утонченному языку.

Гора говорит, что мастер должен пользоваться обеими руками — в точности как гончар. Гончар бьет глину, которую он хочет превратить в горшок, одной рукой снаружи, а другой — изнутри. Его удары, его поддержка постепенно создают горшок.

Мастер должен использовать все возможные способы для того, чтобы привести тебя к точке, где возможно просветление. Всего лишь маленький толчок — либо со стороны обстоятельств, либо со стороны ма-

стера, либо со стороны самого ученика, — всего лишь доля оборота. Один шаг, и старого мира больше нет... ты взошел на новое небо.

Это происходит внезапно, ибо ты не готовился к этому, — но для мастера тут ничего неожиданного нет. Он специально готовился к твоему просветлению — с какой бы стороны оно ни пришло. Ударить тебя, накричать на тебя, проявить к тебе уважение — мастер всеми возможными средствами вел тебя к той черте, откуда остался всего один шаг. Этот шаг способен сделать только ты, но мастер может подвести тебя к черте.

Тут нужен мастер, умеющий очень ясно формулировать свой опыт. Заурядный мастер этого не сделает, — вот почему существует так много мистиков, но очень мало Мастеров. Быть мистиком уже само по себе сложно; но чтобы передать послание кому-то другому, чтобы трансформировать сознание другого человека для мистического опыта, нужно обладать очень многими качествами — умением четко направлять твое стремление; разумным подходом; способностью сделать так, чтобы иррациональное хотя бы выглядело рационально; способностью превратить даже абсурд в прекрасное объяснение. И еще — нужно организовать различные техники и медитацию таким образом, чтобы они охватывали все грани твоего существа, — ведь никто точно не знает, с какой стороны ты наиболее уязвим — с севера или с запада, с востока или с юга. Но мастер постепенно находит твою самую уязвимую сторону. Затем нужно сильнее ударить с этой стороны, поскольку самое слабое звено сковывающей тебя цепи поддастся легче всего.

Твое освобождение, твое просветление — великое произведение искусства, создаваемое Мастером. Найти

самое слабое звено твоей цепи и ударить так, чтобы ты не рассердился, но почувствовал благодарность, — это почти волшебство, истинная алхимия. Но для тебя просветление приходит внезапно. Мастер готовил его шаг за шагом, однако это происходило в *его* сознании, а не в твоём. А для тебя дверь открывается неожиданно.

Мастер не говорит о том, что ты подошел к двери. Он ждет подходящего момента... когда ты будешь совершенно молчалив, абсолютно пуст; когда твое время придет естественным образом. А пока ты растешь и зреешь, он готовит дверь, которую тебе предстоит открыть. Для тебя это всегда сюрприз — но не для мастера, который на протяжении многих лет готовил тебя самыми разнообразными способами; вел тебя к точке, где ты исчезнешь и испаришься.

После внезапного просветления некоторое совершенствование необходимо, ведь этот внезапный опыт может оказаться мимолетным. Твой сон так глубок, бессознательность настолько широка, что внезапное прозрение, молния... и снова все укрывается темными тучами. Потом ты будешь вспоминать этот прекрасный момент, и даже сомневаться: «Случилось ли это на самом деле или я все придумал? Что это — реальность или сон?» Но сладость того момента останется с тобой. Аромат останется с тобой.

Совершенствование после просветления — это значит просто избегать ситуаций, могущих разрушить твое прозрение. Тебе нужно влить в него всю свою энергию, чтобы оно стало частью тебя, чтобы оно пустило глубокие корни и превратилось в несомненную истину. Тогда его не разрушат никакие тучи. Никакой сон и никакая инерция не смогут увести тебя от него. Именно в этом свете следует понимать слова Исана.

Однажды монах спросил у Исана, необходимо ли совершенствовать свою духовную жизнь после просветления. Исан сказал, что это очень важно, ибо существует «инерция привычки».

Этим сказано все — инерция привычки. Георгий Гурджиев — один из величайших людей этого столетия — высказал по поводу разума интересную гипотезу, которую пока еще не опроверг ни один ученый...

Каждый ученый знает, что мозг разделен, словно крестом, на четыре части. Правое полушарие делится на две доли — переднюю и заднюю, и точно так же левое полушарие. Сколько люди ни пытались заглянуть в мозг человека, им так до сих пор и не удалось точно определить, для чего служат задние доли. Кажется, что в них нет никакой необходимости. Но природа не создает ничего ненужного. И особенно это касается мозга — величайшего творения бытия. Он не может содержать ненужных частей. Остается предположить, что мы пока просто не открыли их функции.

Заглянув в мозг, исследователи обнаружили странную штуку: правая рука связана с левым полушарием мозга, а левая — с правым. Таким образом, когда я совершаю движение правой рукой, оно управляется левой стороной мозга.

Врожденные левши, а их немало — десять процентов населения, всю жизнь сталкиваются с разнообразными проблемами, поскольку им, леворуким людям, приходится жить в праворуком обществе. И никто не понимает, как глубоки их проблемы, — ни родители, ни учителя. Они принуждают маленьких левшей писать правой рукой — как все. Они не понимают, что калечат малыша, а ребенок противостоять им не может. Он видит, что все пишут правой рукой, и пони-

мает, что писать левой — странно. И вот, поддавшись непрерывному принуждению со стороны взрослых, он пытается писать правой. Это непросто, но после многих упражнений ребенку удастся. Очень немногие продолжают писать левой рукой. А когда левша пишет правой, это создает в его сознании колоссальное смятение.

Судя по результатам исследований, создается впечатление, будто задние доли мозга совершенно бесполезны. Но это не так. Георгий Гурджиев — единственный, кто обратил внимание на этот факт, — утверждает, что задние доли мозга представляют собой нечто вроде робота. Пока вы учитесь совершать то или иное действие правой рукой, работает передняя доля левого полушария — но только в процессе обучения. Едва вы научились действию, передняя доля передает навык в заднюю. Задние доли подобны роботу или компьютеру. Мы не наблюдаем никакой функции, но они работают независимо от того, знаем мы об этом или нет.

В Африке обнаружили одно племя. Эти люди едят лишь один раз в двадцать четыре часа, и при этом они совершенно здоровы. Познакомившись с христианскими миссионерами, они просто не могли поверить своим глазам: «Что это за идиоты? Их интересует еда, еда и только еда. Сперва завтрак, затем ланч, затем полуденный чай, затем чашечка кофе. И так без конца!» Эти простые люди никак не могли понять — какой в этом смысл?

Люди из этого племени живут дольше — они здоровее нас и живут вдвое дольше. Если здесь люди живут в среднем семьдесят лет, то члены этого маленького племени живут по сто сорок — сто пятьдесят лет. И даже в сто пятьдесят они не стары... в этом племени умирают лишь молодые люди, ибо в сто пятьдесят они

функционально ничем не отличаются от тридцатипятилетних. Но они за миллионы лет привыкли есть один раз в сутки.

Если вы привыкли к американскому образу жизни, то одна трапеза в день просто убьет вас. Что вы будете делать в оставшиеся двадцать четыре часа? Американцы едят по пять раз в день, а в промежутках им нужно еще покурить, пожевать жевательную резинку — так или иначе, рот должен быть чем-то занят. Они настолько привыкли к этому, что для того, чтобы отказаться от жевательной резинки, людям приходится ложиться в больницу для снятия ломки! Жевательная резинка — такая простая штука. Вначале ты привыкаешь к совершенно идиотскому занятию, а потом у тебя начинается ломка! И тебе нужно дать что-то взамен жвачки, потом что-то еще, вызывающее меньшее привыкание, — и на то, чтобы избавиться от привычки, уходит несколько недель.

Проблема состоит в том, что привычка переходит в заднюю долю мозга, к которой у нас нет прямого доступа. Задняя доля, до сих пор остающаяся неизведанным континентом, контролирует все. Когда вы отказываетесь от привычки, то чувствуете дискомфорт и вас тянет возобновить ее.

Как-то раз я вместе с приятелем был в Калькутте, в доме одного из богатейших людей Индии, Соханлала Дугара. Его уже нет в живых. Тогда ему было лет семьдесят или семьдесят пять, и он сказал:

— Я отрекался от секса четыре раза.

На того дурня, что был со мной, эти слова произвели очень большое впечатление, и, когда мы остались в комнате одни, он сказал:

— Вот это да! Четыре раза!

— Ты идиот, — ответил я. — Отречься можно только один раз. Сейчас вернется Соханлал, и я спрошу у него, что произошло в пятый раз.

Итак, когда хозяин вернулся, я спросил:

— Ты говорил об обете безбрачия, который давал четыре раза, и на моего друга это произвело огромное впечатление. А я хочу у тебя спросить, что произошло на пятый раз?

— Это просто беда, — ответил он. — На пятый раз я уже не стал отрекаться, поскольку четыре раза у меня ничего не получилось, и я понял, что опять отречься нет никакого смысла. Лучше уж об этом помалкивать.

Потому-то все на свете и молчат о сексе. В особенности люди, давшие обет безбрачия, — они молчат как рыбы, поскольку знают проблему: сколько раз ни отрекайся, природа снова берет свое. Это не в твоей власти, это не личная привычка. Секс дан от рождения — это биологически обусловленная привычка.

Итак, есть множество разновидностей привычек. От некоторых можно избавиться достаточно легко, но другие укоренены гораздо глубже. А невежество и бессознательность — очень древняя привычка, ей миллион лет. Если поддастся ей хотя бы на миг, она вновь овладеет тобой.

Просветление — нечто совершенно новое в тебе, и против него направлено всё: весь твой разум, твое подсознание, забывчивость. Английское слово *sin* («грех») изначально означало «забывчивость», но священники исказили красоту этого слова. Забывчивость, несомненно, является грехом — не против кого-то, а против себя. Но вы оставались забывчивыми слишком долго — это вам не жевательная резинка, от которой можно отказаться за несколько недель. К тому же быть

забывчивым так утешительно, так уютно, и не нужно пускаться в вечные скитания на поиски истины. Тебе не приходится вступать на опасные пути. Ты остаешься простым и земным, остаешься частью толпы и продолжаешь получать огромную радость от всяких глупостей.

Посмотрите, как люди празднуют свадьбы, — а ведь каждый знает, чем это все закончится! Мы на каждом шагу видим развалины и обломки браков, однако все новые идиоты с торжественным видом усаживаются на коней и надевают на голову тюрбаны. Раньше было принято еще цеплять на бок меч, но теперь его заменили ножом. К чему столько шума — музыканты, песни, танцы? Двух человек — мужчину и женщину — собираются повесить, а все эти болваны празднуют. Да и эти двое тоже рады... в первый и, возможно, в последний раз они сидят на конях, словно коронованные цари, а на боку у жениха висит если не настоящий меч, то хотя бы нож для нарезки овощей.

Такая драма, а каков результат? После этого ты уже никому не интересен. Все, кто пришли отпраздновать твое распятие... никто не придет на воскресение. Дальше ты должен справляться сам, это твоя проблема. И обратите внимание: все старые сказки заканчиваются свадьбой, дальше повествование не идет. «Они поженились и жили в счастье и здравии» — так заканчиваются сказки, будто оба героя умерли, поскольку вдаваться в сложные и запутанные проблемы, возникающие после свадьбы, просто опасно.

У индийцев, как и в других странах, трагедия в кино и в литературе более популярна, чем комедия. Видимо, комедия не имеет к жизни никакого отношения, но трагедия отражает опыт каждого. Ее вкус знаком всякому.

Просветление, похожее вначале на проблеск, нужно защищать от всех твоих жалких привычек, от старых моделей поведения, от склонности делать все бессознательно, как робот. Это и есть совершенствование. Ты сражаешься против очень долгого прошлого, когда тебе была известна только ночь и не горело ни звездочки в небе. Внезапно ты увидел проблеск рассвета, услышал пение птиц и почувствовал аромат распустившихся цветов. Вначале ты не можешь поверить, что это правда, — возможно, тебе снится сон. Весь твой опыт — темная ночь, и ты никогда не думал, что она может закончиться. Становилось все темнее и темнее. Ты никогда не понимал, что значит изречение «чем темнее ночь, тем ближе рассвет». Однако трудно поверить в рассвет, когда он приходит в первый раз.

А тот рассвет, о котором говорим мы с Исаном, не является чем-то внешним по отношению к тебе. И все твои шаблоны, твои старые привычки — они тоже внутри. Они попытаются разрушить новый хрупкий внутренний росток, а ведь старые привычки тяжелы и тверды, словно камни. Борьба между камнем и розой. Очень трудно защитить розу от всех камней, которые ты вырастил в прошлом.

Пережить первый проблеск не слишком сложно. Настоящие трудности начинаются после него: как его уберечь? Как сделать его настолько истинным, дать ему такие глубокие корни, чтобы ничто не могло его разрушить, чтобы оно не вызывало ни малейших сомнений, чтобы его истинность стала самоочевидной? Единственный способ совершенствоваться — просветление — жить им.

Как ты совершенствовал привычки? Ты ими жил. Если ты не жил той или иной привычкой, то не поймешь, почему другие не могут от нее отказаться. Ты

смеешься над жевательной резинкой, потому что сам не пристрастился к ней; или возьмем алкоголь... всякая привычка проникает в тебя все глубже, изменяет твою химию и биологию, превращается в глубокий внутренний голод. И вопреки себе ты вынужден пить алкоголь; ты уже не хочешь, но что остается делать? Когда наступает время, каждая клеточка твоего тела тянется к алкоголю, просит выпить. И ты думаешь: «Еще одна рюмочка мне не повредит».

Но это продолжается годами — «еще одна рюмочка». А потом еще и еще. Нужно набраться смелости и отсесть привычку одним ударом меча. И какова бы ни была ломка, лучше перетерпеть ее в течение двух-трех недель, чем позволить привычкам победить тебя.

Не будучи хозяином собственных привычек, человек не станет просветленным. Даже если ему повезет испытать проблеск, он станет только еще более несчастен — ибо теперь он познал другую возможность. Теперь он знает, чего может достичь, знает о своем потенциале. Но ему приходится жить во мраке старых привычек, и нет сил вырваться из этого колеса.

Без совершенствования не обойтись. Не думайте, что просветление — это только внутренний опыт. Да, вначале это опыт внутренний, — а затем нужно постепенно выводить его во внешнюю жизнь. Именно об этом я говорю вам каждый день... какой бы опыт вам ни довелось пережить, не думайте, что работа завершена. Опыт, обретенный в медитации, должен присутствовать в вашей повседневной жизни.

Кем бы вы ни были — домохозяйкой, клерком, продавцом, каков бы ни был ваш образ жизни, медитация должна присутствовать в любой деятельности. Вот что значит совершенствование. Чем больше вы живете им, тем в большей мере оно становится для вас повседнев-

ным опытом. Чем больше вы живете им, тем меньше вероятность, что его вытеснят старые привычки. Они нахлынут на вас сплошным потоком, но нужно помнить одно: маленького пламени свечи достаточно, чтобы рассеять тьму миллионов лет. Тьма не может сказать свечке: «Ты слишком мала, не будь душой, — неужели ты и впрямь хочешь сразиться с тьмой, которой миллион лет от роду? Завидная сила духа!»

Никакого диалога не происходит. Маленький огонек... и тьма исчезает, какой бы древней она ни была. Твой первый проблеск просветления — в Японии его называют *сатори* — силен. Да, он хрупок, да, он молод. Да, его сложно защитить, но он обладает собственной силой. Если ты будешь всеми силами отстаивать его, он овладеет всем твоим существом. И сатори превратится в *самадхи*.

Сатори — первый проблеск самадхи, а самадхи — это когда все твое существо объято огнем. Тебе не нужно помнить о нем, ты им *являешься*. Это возможно только в том случае, если ты станешь совершенствовать его в своих повседневных делах.

Исан сказал, что это очень важно, ибо существует «инерция привычки».

Совершенствование просветления в повседневной жизни необходимо, поскольку существует инерция привычки.

Затем он продолжил:

— Все, что ты слышишь, должно быть вначале принято рассудком.

Что бы ты ни увидел внутри себя, нужно вначале сделать это частью своего разума, рассудка. Нельзя

позволить, чтобы переживание было отвергнуто как некий иррациональный, абсурдный эпизод. Исан говорит, что если ты будешь думать о своем опыте как о чем-то иррациональном, то в тебе проснутся сомнения. Итак, первое, что нужно сделать, — сонастроить, синхронизировать свой опыт с рациональным мышлением. Ты не сможешь защищать нечто абсурдное, — а на самом деле этот опыт действительно абсурден. Этот опыт находится за пределами разума, он приходит тогда, когда разума нет.

Итак, на первых порах совершенствование направлено на то, чтобы *приблизить просветление к разуму*. Вначале тебе нужно приложить все усилия, чтобы *удалиться от разума*, — пришла пора *приблизить* свое просветление к разуму. Сделай просветление приемлемым для разума, чтобы разум был твоим другом, а не врагом в долгой борьбе между инерцией и просветлением. Сделай разум своим союзником.

Все, что ты слышишь, должно быть вначале принято рассудком. А когда твое понимание становится необычайно глубоким и острым, разум спонтанно обретает широту и ясность, достаточные для того, чтобы больше никогда не соскользнуть в сомнения и иллюзии.

Исан — очень практичный человек с научным складом ума, — никто другой не выразил эту идею настолько же ясно. Первый опыт происходит за пределами разума. Теперь проблема состоит в том, что разум подбрасывает разного рода сомнения. Разум полон твоих старых привычек, а новое просветление подобно чужаку, который внезапно пришел с новыми привычками, новыми предпочтениями, новым образом жизни, — он

хочет все в тебе изменить. Очевидно, твоя старая личность и старый разум окажут яростное сопротивление.

Исан проявляет огромную проницательность и прагматизм. Он говорит, что наилучший способ избежать сражения состоит в том, чтобы приблизить просветление к разуму. А как его приблизить? Если ты начнешь жить в соответствии со своим просветлением, то разум вначале будет сопротивляться, уклоняться, увливать — но вскоре поймет, что путь просветления гораздо выше старого, бессознательного образа жизни. Разум достаточно умен, чтобы это признать. Но признание возможно только после того, как разум увидит, что просветление работает лучше, — в любви, в дружбе, в жизни, — что оно везде приносит лучшие результаты. Тогда разум вскоре примет его как более совершенный образ жизни.

Едва разум примет просветление как более совершенный образ жизни — и ты победил самого мощного врага. Тогда разум тоже начнет использовать откровения просветления и станет охотно изменяться. Едва он убедится, что просветление сулит более хорошую жизнь — жизнь, исполненную утонченности, грации, блаженства... увидит, что просветление изменило все, что твое прикосновение стало золотым, — все, к чему бы ты ни прикоснулся, превращается в золото... разум достаточно умен, чтобы увидеть все это и сделать выбор. Что лучше: старая бессознательная жизнь или новая, сознательная?

Это единственный способ сделать так, чтобы *понимание стало необычайно глубоким и острым и разум спонтанно обрел широту и ясность*.

Если разум не борется, но принимает — принимает дружбу с просветлением, — он исполняется света, радости, блаженства, экстаза. Его настолько перепол-

нят сокровища, что он уже не сможет бороться против просветления.

Внутри тебя будет идти борьба: выбрать дорогу света или дорогу тьмы. Это отправная точка. Нужно дать разуму возможность увидеть, как просветление на деле трансформирует твои действия, твое существо, как оно привносит в твою жизнь больше радости, песен, цветения, танца. Это единственная возможность убедить разум в том, что просветление имеет огромную ценность. Нет нужды бороться; гораздо лучше завязать дружбу. Как только разум подружится с чужаком, ты можешь расслабиться и чувствовать себя спокойно. Борьбы больше нет. Разум начинает привносить в свою деятельность все больше и больше просветления — теперь он будет заботиться об этом сам.

И хотя учения многочисленны и разнообразны, ты интуитивно чувствуешь, как применять их в соответствии с ситуацией.

Как только разум подружится с просветлением, как только он увидит радость и великолепие этой дружбы, — ведь в дружбе радость и великолепие просветления отражается в зеркале разума, — твои интеллектуальные способности возрастут. Всё в тебе станет двигаться к совершенству. Едва наступит синхронность разума и просветления — и разум научится интуитивно чувствовать, как нужно реагировать в каждом случае, чтобы действовать в согласии с просветлением. Всегда помни одно: ты изберешь наилучший путь.

Я слышал историю об одном попрошайке, который служил посмешищем для целой деревни. Эта деревня является крупным туристическим центром, поскольку

вокруг нее расположено множество древних развалин, дворцов, крепостей. Попрошайка тоже стал одной из местных достопримечательностей, и гиды, водившие туристов, непременно показывали им этого человека со словами:

— Вам следует непременно познакомиться с этим удивительным явлением... протяните ему на одной ладони рупию, а на другой паис* и предложите выбрать.

— Ну и что? — говорили туристы. — Что тут может быть интересного?

— А вот попробуйте! — настаивали гиды. — Вы увидите чудо.

Туристы пробовали, и нищий всегда выбирал паис. Все смеялись, говоря:

— Странное дело! Неужели этот попрошайка не понимает, что он прогадал, — выбрать паис, когда можно взять рупию?

Приходили все новые туристы, и нищий целыми днями занимался тем, что выбирал паис вместо рупии.

Как-то раз это увидел один очень любопытный человек. Дождавшись, пока разойдутся все туристы, он подошел к попрошайке и сказал:

— Я вижу, что ты не идиот. Ты достаточно умен. Но почему ты выбираешь паис?

— Потому и выбираю, что умен! — ответил тот. — Стоит мне выбрать рупию, и игра закончится. А ведь она продолжается каждый день вот уже на протяжении многих лет...

И вопрошающий поразился пронительности этого человека.

— Ты прав. Стоит выбрать рупию, и игра закончится. Тогда гиды перестанут водить туристов, и некому

* Рупия — денежная единица Индии. Паис — мелкая разменная монета. — *Прим. перев.*

будет дивиться твоей глупости. Ведь им это так нравится...

И попрошайка сказал:

— Мне тоже нравится наблюдать за их глупостью! Я получаю десять-двенадцать рупий за день, и все потому, что делаю неожиданный выбор. Даже слабоумный выбрал бы рупию, но поскольку я делаю что-то абсурдное, они смеются и радуются. Я тоже смеюсь, но не показываю свой смех. Я смеюсь после того, как все разойдутся.

Каким бы ни был твой разум, он способен осознать тот факт, что просветление превращает каждое твое действие в сокровище; все, что ты делаешь, красиво; радость окутывает тебя, словно аромат. Разум вполне способен понять это. А стоит ему понять, и он больше не враг. Он растворяется в грандиозном феномене просветления. И это с его стороны очень мудро, но такое возможно только в определенном случае: если ты дашь ему возможность увидеть результаты просветления.

Только таким образом можно обрести мастерство, чтобы сесть на скамью в облачении учителя истинного искусства жизни. Обобщим: самое главное — знать, что первичная реальность, или основание разума, не терпит ни единой пылинки, но неисчислимые двери и тропы действия не отвергают ни одного закона, ни одной вещи.

Человек просветления, достигший согласия с разумом и телом... а это происходит почти одновременно, поскольку тело следует за разумом. Когда разум принимает просветление, его принимает и тело — это про-

исходит одновременно. Исан говорит, что после того, как это случается, «ни одна вещь в жизни не будет отвергнута».

Можно трансформировать все что угодно. А идея что-то отвергать принадлежит старому разуму, она принадлежит эскапистам — так называемым религиозным людям... «Отвергни то, отвергни это, отвергни саму жизнь...» Не очень-то отважный путь. Путь труса. Все религии учат людей идти этим путем труса.

А я учу вас идти путем отваги, путем льва. Оставайтесь в мире. Не отвергайте ничего — просто трансформируйте. Если какая-то вещь ядовита, нет нужды отбрасывать ее; она сама отпадет в тот миг, когда вы поймете, что она ядовита. Не нужно никаких усилий. Не нужно отвергать: эта вещь сама отпадет без всяких усилий, и ваша жизнь будет понемногу становиться все проще и проще.

Секисё писал:

*Горная гряда,
вода, камни —
все ново и редкостно.
Прекрасный ландшафт, как мы знаем,
принадлежит тем, кто подобен ему.*

Я должен повторить эти слова...

*Прекрасный ландшафт, как мы знаем,
принадлежит тем, кто подобен ему.
Верхний мир и нижний мир
изначально — одно.
Нет ни пылинки,
есть лишь это недвижимое и полное
совершенное просветление.*

Если ты достиг просветления, то не остается двойственности между этим миром и тем миром, между нижним миром и верхним миром, между материальным миром и священным, святым миром. В момент совершенного и полного просветления *нет ни пылинки*. Зеркало настолько чисто, что отражает целое во всей его тотальности. Ты становишься истиной, становишься красотой, становишься Божественностью. Нет больше ничего, кроме твоего всеобъемлющего существа. Ты утратил свое малое «я» в «я» океаническом — в том «я», которое неотделимо от Космоса. Кто или что там может отвергать? Человек просто вступает в танец и исчезает.

Я только что вспомнил одну старую китайскую притчу. Мне она настолько нравится, что, вспоминая ее, я всякий раз испытываю величайшую радость.

Китайский император был великим художником и всей душой любил живопись. Каждый год он приглашал к себе во дворец других художников и устраивал выставку. Постарев, император сказал во время очередных ежегодных сборов:

— Я уже совсем стар и хочу увидеть совершеннейшую картину на свете. Художнику, который возьмется ее выполнить, я предоставлю место во дворце и дам все необходимое...

Несколько художников сочли, что способны создать такую картину, и остались во дворце. Один из них написал картину за месяц и принес ее императору. Картина была хороша, но не совершенна.

День за днем прошли три года, и во дворце остался только один художник. Он писал картину все три года — но не на холсте, а на стене отведенной для него комнаты.

Он изобразил прекрасный лес... озаренная лунным светом ночь, ручеек и узенькая тропинка, петляющая между деревьев и исчезающая в лесу. Через три года художник предстал перед императором со словами:

— Можете пойти посмотреть. Я сделал все, что мог. Думаю, это совершеннейшая картина в мире. Итак, я приглашаю Ваше Величество в мою комнату и не прошу никакой награды — эти три года и без того были самым драгоценным в моей жизни. Достаточно того, что Вы посмотрите на мою работу.

Все остальные художники работали ради награды, а когда ты пишешь ради награды, картина не может быть совершенной. Мотивация станет пылью, загрязняющей работу.

А этот художник сказал:

— Я не жду награды, ибо уже получил ее. Эти три года, день за днем, моя жизнь была так прекрасна, — Вы уже дали мне все, что можно. Теперь просто посмотрите картину, и я смогу вернуться домой. Меня ждут дети, жена.

Император отправился вслед за художником. Несомненно, этот человек создал величайшую картину в мире. Императору работа так понравилась, что он даже спросил:

— А куда ведет эта тропка?

— Я никогда не ходил по ней, — ответил художник, — но если хотите, мы отправимся вместе и посмотрим, куда она нас приведет. У меня тоже не раз возникал этот же вопрос: «Куда ведет тропинка?»

Итак, художник и император вступили на тропинку и скрылись за деревьями. Больше их никто не видел.

Эта история всегда исполняет меня невыразимого счастья. Из совершенства не возвращаются, из него нет возврата. Совершенство берет тебя, и ты исчезаешь.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Есть ли какая-то связь между осознанием и инстинктивной бдительностью, которая некогда была необходима человеку для выживания?

Определенная связь есть. Существует физическая биологическая инстинктивная мудрость. Ты ее не осознаешь, но твое тело творит чудеса каждую секунду...

Если в течение всего шести минут в мозг не будет поступать определенное количество кислорода, разум растворится. Его клетки завянут от кислорода. Спит ли тело или бодрствует, оно постоянно поставляет мозгу нужное количество кислорода — не больше и не меньше. Где нужна кровь, сколько ее нужно — тело обо всем заботится самостоятельно, и от тебя это не зависит. Как превращать пищу в кровь, в плоть, в кости, в нервы — тело знает все эти секреты.

Даже ученые еще далеко позади. Преврати хлеб в кровь, и это будет величайшим чудом! Иисус всего-навсего превратил воду в вино, и его сочли чудотворцем, а твое тело совершает тысячи превращений. Тело тебя не спрашивает, какие витамины куда направлять, — тебе ни к чему об этом беспокоиться. Тело обладает собственной мудростью, и следует относиться к этой великой мудрости с почтением.

Как у тела есть собственная мудрость — ее называют инстинктом, — так же есть мудрость и у души. Ее называют интуицией. Твой разум — вещь заимствованная, у него нет ничего похожего на инстинкт или интуицию. Он представляет собой всего-навсего компьютер, непрерывно накапливающий самую разнообразную информацию. Но он обладает огромной

властью над тобой, поскольку владеет всем, что ты знаешь. Если стереть все это, ты станешь идиотом, не понимающим, кто ты, куда и зачем идешь. Так в чем же дело?

Разум функционирует в соответствии с накопленными им знаниями... он представляет собой нечто позаимствованное. Тело функционирует так, как заложено природой, и сознание функционирует так, как заложено природой. А между ними находится разум, функционирующий подобно компьютеру. В качестве слуги он хорош, но как хозяин — опасен.

Как только начинает работать свойственная твоему сознанию интуиция, разум немедленно понимает, кто хозяин. Осознав, кто на самом деле хозяин, он становится очень хорошим слугой — ведь он очень квалифицирован. Это всего лишь механизм. Конечно, он может творить чудеса, но для этого ему нужен хозяин. Без хозяина разум воображает, будто он главный, и это порождает проблемы. Разум никакой не хозяин. У него даже нет собственной природной мудрости. Даже тело находится в лучшем положении.

Нужно привести просветление в свое сознание и со всей очевидностью показать разуму, что новый образ жизни намного лучше прежнего. Тело всегда функционирует естественно, однако разум иногда пытается стать хозяином тела. Именно к этому побуждают вас все религии. Все священные писания полны учений о том, как подчинить тело определенной дисциплине. Безбрачие — идея разума, тело ничего об этом не знает. И разум не может справиться с телом... оно сопротивляется давлению и начинает функционировать ненормально, извращенно. Тело очень невинно. Именно разум — священник, философ, наставник — пытается вмешаться, куда не следует.

Просветленный не вмешивается сам и не позволяет разуму вмешиваться в дела тела. Ты становишься нерушимым столпом мудрости. Твое тело уже и так сонастроено с природой, а теперь разум перестает ему мешать. Он тоже сонастраивается с твоим высшим сознанием, с твоим просветлением. Все твоё существо становится потоком чистого света.

В этом задача всего дзэнского опыта... превратить человека в единое целое, в поток света.

Прежде чем вы все превратитесь в столпы мудрости, позволим себе немного глупости во имя Сардара Гурудаяла Сингха — только ради него. Он снова сидит здесь в своем цветастом тюрбане. Где он его взял? (Мастер оборачивается к Сардарджи и усмехается...) Да, это просто великолепно. Великолепно.

Марин и Пегги, жены Пэдди и Сина, сидят в баре «Вкусный Одуванчик» и освежаются вином. Вдруг Марин качает головой и жалуется:

— Мой муж до того уродлив, что всякий раз, когда я хочу заняться с ним любовью, приходится надевать ему на голову мешок.

— Это еще что! — вторит ей Пегги. — Мой муж до того уродлив, что принимавший его акушер шлепнул по попке его мать!

Хиппи Гарольд сидит на своей подушечке, куря десятый косяк подряд, и с удовольствием смотрит по телевизору программу «Сумасбродная утка». Вдруг звонит телефон.

— Алло, — произносит вусмерть обкуренный Гарольд.

— Это оператор международной телефонной связи, — отвечает голос на другом конце провода. — Вам поступил звонок наложенным платежом от Мабел Бикс. Вы согласны взять на себя оплату разговора?

— Эй, чудак! — говорит Гарольд, судорожно затягиваясь косяком. — Тебя плохо слышно... Мабел кто?

— Мабел Бикс! Мабел Бикс! — кричит оператор.

— Ага... нет, чудак, — отвечает Гарольд, закатывая глаза. — Мабел тут нет.

— Нет! Нет! — вопит оператор. — Мабел Бикс тут. Это международный звонок от Мабел Бикс!..

— Правда? — говорит совершенно сбитый с толку Гарольд. — Так где же, черт побери, эта Мабел Бикс?

— Да нет же! — выкрикивает голос. — Мабел Бикс здесь!

— Очень жаль, парень, но Мабел Бикс здесь нет.

— Идиот! Мабел Бикс здесь, — орет оператор.

Тут в разговор вмешивается сама Мабел Бикс и говорит:

— Успокойтесь, оператор. Дайте-ка я попробую. Привет, говорит Мабел Бикс. Это Март?

— Март? — восклицает Гарольд, почесывая голову и глядя в окно. — Не знаю, где тебя носит, но у нас тут пока еще ноябрь!

Поженившись, Большой Лерой и Руби отправились на медовый месяц в Мексику и останови-

лись в отеле для молодоженов «Хампинг Хиппо». Руби — девственница, и ее очень беспокоит размер машинки Большого Лероя.

— Не волнуйся, детка, — успокаивает ее Лерой. — Я буду показывать его тебе постепенно, и ты не испугаешься.

— Хорошо, золотко, — смущенно отвечает Руби. — А сейчас выйди и подожди в коридоре, пока я разденусь и лягу в постельку.

Через несколько минут Руби уже лежит под одеялом брачного ложа.

— Входи, радость моя! — кричит она нервно. — Я готова!

— Ну вот, малышка, — отвечает Большой Лерой из коридора, — прежде, чем войти, я буду понемногу просовывать свою штуку в дверь спальни, чтобы ты успела привыкнуть.

И Лерой просунул в дверь головку своего прибора.

— Тебе страшно, милая? — спросил он.

— Нет, малыш, — ответила Руби, — не страшно.

Тогда Лерой просунул еще пару дюймов.

— А теперь, моя конфетка?

— Нет, зайчик, не страшно, — отвечает Руби, широко раскрыв глаза.

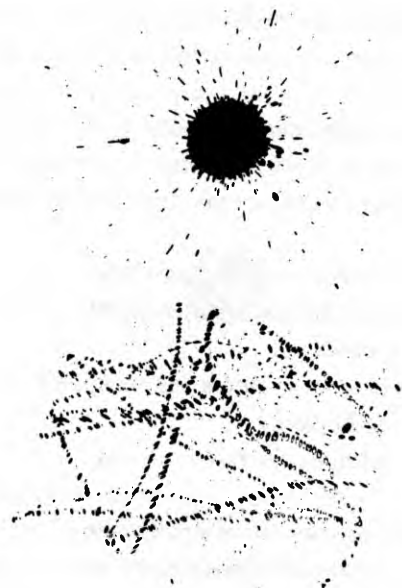
Тогда Лерой просунул в приоткрытую дверь еще шесть дюймов.

— А теперь ты испугалась, солнышко?

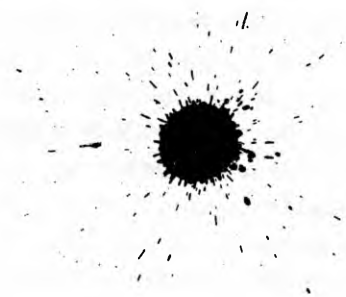
— Нет, радость моя, — отвечает Руби, — не испугалась. Можешь забираться в постель!

— Прекрасно! — воскликнул Лерой. — Сейчас только поднимусь по ступенькам!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина. Закрой глаза и ощути, что твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь себя. Нужно добраться до центра.

Собери все свое сознание,
 всю жизненную энергию в копье,
 направленное в самый центр твоего существа.

В самом центре ты — будда.
 Единственное твое качество в центре —
 это свидетельствование, созерцание, осознание.

И с углублением твоего осознания
 вся Вселенная начинает ликовать
 вместе с тобой,
 ибо твой центр — это в то же время
 центр всего Космоса.
 В самом центре себя ты — будда.

Теперь тебе нужно убедить будду
 войти в твою повседневную жизнь —
 не прятаться внутри,
 но выйти на поверхность,
 на окружность, к действиям,
 к словам, к тишине...

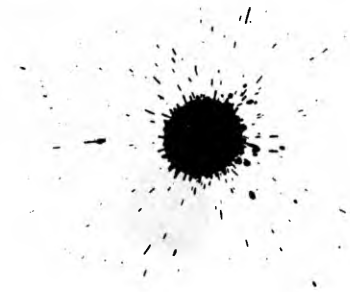
Познать будду означает познать свое вечное Я.
 Познать будду означает познать
 исчезновение себя.
 Вот ты исчезаешь —
 и внезапно появляется будда.

Каждый беременен буддой.

Такая тишина,
 такая бесконечно прекрасная безмятежность...
 тебе посчастливилось оказаться здесь.
 Нет в мире другого места,

где тысячи людей одновременно
 пытаются открыть свое скрытое великоление.

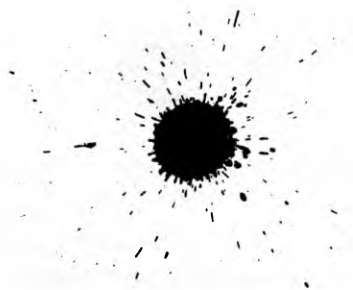
Для того чтобы это золотое пространство откры-
 лось перед тобой более ясно, Ниведано...

Расслабься. Но оставайся свидетелем.
 Вот лежит твое тело, и оно — объект;
 твой разум — объект. Ты — свидетель.
 Ты — не разум и не тело.
 Ты — чистое сознание.
 Чистое сознание, которое мы называем буддой.
 Будда — всего лишь символ.
 Как много цветов расцвело, какой аромат...
 любые границы исчезли,
 и Будда-Холл превратился
 в безмятежно гладкое озеро сознания.
 Ты должен принести с собой все эти цветы,
 весь этот аромат.
 Я поставил перед Будда-Холлом
 статую Будды. Он ждет тебя там.
 Проходя мимо, помни:
 некогда он был таким же человеком, как ты.
 Прояви уважение, прояви благодарность,
 ибо один этот человек привел мир в новое измере-
 ние — измерение красоты, истины, достоинства.

Он один провозгласил,
 что человек — это Бог,
 и нет бога, кроме человека.
 Это самое революционное
 из сделанных когда-либо утверждений.

Ниведано...

Возвращайся, но с тем же чувством покоя,
 тишины и благодати.
 Возьми будду с собой.
 Посиди несколько секунд в тишине,
 вспоминая о собственном потенциале,
 о проблеске, о центре, о безмолвии.
 Вспомни о красоте вечности,
 явившейся тебе в момент встречи с буддой.

Ты принес несколько невидимых цветов.
 Уходя из Аудитории Будды,
 вы все вместе сможете осыпать Будду
 целым дождем из цветов благодарности.

В этот миг ты стал его современником.
 Я хочу, чтобы все люди в мире стали современника-
 ми Будды.

Это единственная возможность для человечества
 выжить на высшем уровне.

Ты работаешь не только ради себя,
 но также ради выживания
 этой прекрасной планеты.

— Хорошо, Маниша?

— Да, любимый Мастер.

Начни свидетелствовать

Наш любимый Мастер...

Однажды в монастырь к Исану пришел некий монах, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал движение, словно собрался встать.

— Пожалуйста, не вставайте! — воскликнул монах.

— Я еще не сел! — ответил Исан.

— Я еще не поклонился, — сказал монах.

— Грубиян! — заключил Исан.

В другой раз, глядя на огонь, Исан спросил своего ученика, Дого:

— Ты видишь пламя?

— Вижу, — ответил Дого.

— Откуда берется пламя? — спросил мастер.

— Я хочу, — сказал Дого, — чтобы ты спросил меня о чем-то, что не связано с хождением, дзадзэн или лежанием.

Тут Исан прервал беседу и ушел прочь.

Как-то раз Итю попросил Исана сложить для него гатху. Исан ответил:

— Глупо слагать гатху, пока мы сидим лицом к лицу, — и вообще писать на бумаге.

Тогда Итю пошел к Кёдзану*, ученику Исана, и обратился к нему с той же просьбой. В ответ Кёдзан начертил на бумаге круг и написал рядом: «Вначале подумать, а затем знать — вторая ступень. Не подумать, а затем знать — третья ступень».

Маниша, прежде чем обсуждать эти сутры, важно вспомнить несколько фактов из биографии Исана. Я говорю, что это важно, поскольку, если ты не понимаешь человека, если ничего не знаешь о его происхождении, воспитании, чертах характера, — ты не сможешь понять смысл его сутр. Они написаны почти в воздухе или, если хочешь, на воде. Человека, написавшего сутры, или рассказавшего сутры, или послужившего прототипом для этих историй, нужно понять — понять все, что с ним связано, ибо каждое сказанное им слово напитано и окрашено всем его существом. Нельзя отрывать эти слова от контекста.

Исан коренным образом отличается от Бодхидхармы. Бодхидхарма был жестким мастером; Исан — очень мягким. Естественно, его мягкость сказывалась на всем, что вокруг него происходило. Исан был очень смиренным, он никого не пытался обратить — наоборот, он ушел далеко в лес, чтобы к нему никто не приходил. Ему было несколько неловко быть мастером и унижать кого-то до роли последователя — очень добрая, очень деликатная натура; натура поэта, певца, танцора.

Ведя своих учеников к просветлению, Исан был мягок и терпелив.

Исан никогда не кричал, не бил, не пинал учеников — это было для него просто невыносимо. Это такая любящая и сострадательная сущность, что даже невозможно представить, чтобы он колотил монахов, как это делали другие дзэнские мастера. Он был очень смиренным, поэтому ему пришлось разработать совершенно иные механизмы обучения, чем те, которыми пользовались Бодхидхарма или Нансэн.

* В книгах «Ма-цзы: пустое зеркало», «Кёдзан: Эверест дзэн», «Джошу: рычание льва» ошибочно именовался как Киосан. Просим прощения у читателей. В следующих тиражах будет исправлено.

Ведя своих учеников к просветлению, Исан был мягок и терпелив. В отличие от предшествовавших ему дзэнских мастеров, он не пользовался палкой и криком.

Однако эта мягкость характера была лишь внешней оболочкой, под которой скрывался борец с предрассудками и бунтарь.

Не следует думать, что в его смиренности не было бунтарства. Не следует думать, что он из скромности пошел на компромисс с прошлым и с традициями. Он оставался непримиримым бунтарем, который восстает против всего, что препятствует просветлению человека.

Итак, мягкость обращения служила только оболочкой, покровом, под которым скрывался борец с предрассудками и бунтарь. Глубоко внутри Исана пылало пламя. А внешне этот мастер был очень вежлив. Люди приходили к нему именно из-за его вежливости — ведь многие боялись дзэнских мастеров, которые постоянно бросаются на учеников с криками и побоями; их поведение выглядит слишком иррационально. В этом отношении Исан выглядел намного привлекательнее, чем его предшественники. Исана никогда не интересовали люди, однако в дремучем лесу, где он обосновался, собралась тысяча учеников, и они приходили к нему издалека лишь потому, что слышали, будто этот мастер не из тех, кто станет кричать и драться. Он был так мягок, смиренен, исполнен любви...

Но это была только оболочка. Внутри Исан — жаркое пламя. Стоит тебе, поверив в смиренность и дружелюбие Мастера, приблизиться к нему — и ты попался в сеть. Приблизившись, ты узнаешь пламенную натуру его существа, но отступить поздно. Ты уже по-

любил этого человека. Теперь, что бы ни случилось, ты должен пройти через этот огонь, и ты через него пройдешь.

Маниша рассказала такой эпизод...

Наш любимый Мастер!

Однажды в монастырь к Исану пришел некий монах, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал движение, словно собрался встать.

— Пожалуйста, не вставайте! — воскликнул монах.

— Я еще не сел! — ответил Исан.

Когда человек на полпути, очень трудно понять, собирается он встать или сесть.

Мулла Насреддин советовал своим ученикам... если вы не хотите общаться с навязчивыми гостями, встречайте всех входящих с зонтиком в руках.

Если гость хорош и ты рад пригласить его в дом, можно сказать: «Ты пришел как раз вовремя... я только что вернулся домой». А если посетитель тебе в тягость, ты скажешь: «Извини, ты не вовремя. Я как раз собираюсь уходить». Когда человек стоит у двери с зонтиком, очень трудно понять, куда он направляется — в дом или из дому. Он стоит в дверях, точно посередине.

Тут описана такая же ситуация... человек пришел, чтобы учиться, и, увидев его, Исан сделал движение, словно собрался встать. Он специально избрал эту стратегию, чтобы увидеть реакцию пришедшего, оценить его поведение. Исан вовсе не собирался вставать, он просто сделал такое движение, словно встает.

«Пожалуйста, не вставайте!» Человек встает для того, чтобы почтить кого-то, и пришедший, очевидно,

подумал, что Исан собирается оказать такую честь ему. *«Пожалуйста, не вставайте!»* — воскликнул монах.

Но со стороны Исана это был только тонкий ход, чтобы узнать, что у пришедшего на уме. Тот, казалось бы, был совершенно прав, когда воскликнул: *«Пожалуйста, не вставайте!»* — но на каком основании этот человек предположил, что Исан встанет, приветствуя его?

«Я еще не сел!» — ответил Исан.

Что значит «не вставайте»? Я собирался сесть. С чего ты взял?

Вероятно, за этим предположением монаха кроется затаенное ожидание, что ему должны оказать честь. Возможно, это ожидание было подсознательным, но теперь оно вышло наружу. Ведь он вполне мог сразу предположить, что Исан собирается сесть. Мастер был на полпути, можно было допустить любую из двух возможностей, но монах предпочел подумать, будто Исан встает. В этом раскрылись настроения ума пришедшего... глубоко затаенная страсть, чтобы ему оказали почести, — хотя он пришел сюда лишь для того, чтобы учиться.

Исан сказал: *«Я еще не сел!»* — вопрос о том, чтобы вставать, вообще не стоял.

Но незадачливый монах не понял тонкий намек... *«Я еще не поклонился»*, — сказал он.

«Грубиян!» — заключил Исан.

Очень странная беседа! Когда Исан сказал: *«Я еще не сел!»* — монаху следовало поклониться и коснуться стоп мастера, предлагая себя для послушничества, для медитации, для обучения.

Но вместо этого монах парирует (он подумал, что Исан делает из него дурака): *«Я еще не поклонился»*.

«Грубиян!» — заключил Исан. — Нельзя так себя вести со мной. Ты должен быть благодарен за то, что тебе позволили со мной встретиться. А вместо этого ты демонстрируешь мне свое эго».

«Я еще не поклонился», — говорит он. — Не думай, будто я твой ученик или последователь. Я еще даже не поклонился». А ведь он пришел учиться; но эго — такая коварная штука, он и не заметил, как оно сразу же проявило себя. Ведь не что иное, как эго, сказала: *«Я еще не поклонился»*.

Это нужно понять. Есть вещи, которые говорить не стоит... едва ты скажешь, и они утратят все свое величие, всю изысканность. Благодарность нужно выражать поведением, а не словами.

Поклон — это жест, означающий: «Я готов. Можешь верить, что я не потрачу твое время впустую, я буду усерден в медитации и в обучении. Я не злоупотреблю твоим доверием. Я пришел к тебе искренне». Поклон — это способ сказать, не произнося слов: «Я в твоём распоряжении».

Но вместо этого монах говорит: *«Я еще не поклонился»*.

Можно подумать, Исану нужна твоя признательность! Выражая признательность такому человеку, как Исан, ты не делаешь его богаче. Наоборот, ты становишься богаче. Ты постигаешь новый путь, новый жест и его значение.

На Западе не развился обычай, чтобы ученики касались стоп мастера, и даже сегодня западному уму это кажется странным — один человек касается стоп другого. Но западные люди просто не понимают значения этого жеста, не понимают его эзотерического смысла.

Когда ученик прикасается к стопам мастера, происходит нечто еще — нечто невидимое для глаза. Когда ученик прикасается к стопам мастера, мастер прикасается к его голове. Создается незаметный для посторонних круг энергии — ведь энергия невидима для вас. Вы видите только жест... один прикасается к стопам, а другой к голове.

Но на Востоке уже по меньшей мере десять тысяч лет известен этот секрет обращения к мастеру. И мастер возложит руку тебе на голову только в том случае, если почувствует, что твоя энергия стоит того. Прикасаясь к его стопам... Нужно помнить, что энергия истекает только из пальцев рук и ног — только из конечных точек. Когда кто-то прикасается к стопам мастера, тот сразу же распознает тип приходящей к нему энергии. Если мастер считает, что человека следует принять, что он стоит того, чтобы над ним поработать, то прикасается к голове пришедшего и дает ему ощутить вкус собственной энергии — тогда две энергии сливаются в круг. И если этот круг оказывается гармоничным, то открываются большие возможности.

Но постороннему наблюдателю кажется, что один человек просто прикоснулся к стопам другого. Запад не может этого понять — даже сейчас. Жизнь — это не то, что видно снаружи. Внутри она представляет собой нечто большее — неизмеримо большее.

Итак, этот монах продемонстрировал эгоистический склад ума. Именно поэтому Исан заключил: «Грубиян!» — и не принял его в ученики.

Быть принятым в ученики к великому Мастеру — значительное событие. Сам этот факт приближает твое просветление на многие мили, и ты совершаешь качественный скачок к освобождению. Ты на самом краю, ты готов — и все потому, что Мастер принял тебя. Он

принимает человека только тогда, когда видит возможность, видит уязвимость, видит открытость. И эта внутренняя драма незаметна глазу.

В другой раз, глядя на огонь, Исан спросил своего ученика, Дого: «Ты видишь пламя?»

Все это кажется странным — ведь пламя здесь, Исан здесь, и его ученик, Дого, тоже здесь. Нет никаких причин спрашивать у Дого: «Ты видишь пламя?»

— Вижу, — ответил Дого.

— Откуда берется пламя? — спросил мастер.

— Я хочу, — сказал Дого, — чтобы ты спросил меня о чем-то, что не связано с хождением, дзадзен или лежанием.

Тут Исан прервал беседу и ушел прочь.

Дого закрыл все двери. Когда Исан спросил: «Ты видишь пламя?» — Дого следовало быть начеку. Когда ты с мастером, нужно быть начеку каждое мгновение. Во всем, что он говорит, кроется что-то большее — значение, которое может не проявиться в словах.

Итак, прозвучал странный вопрос. Они оба видят пламя, но мастер спрашивает: «Ты видишь пламя?» — при этом он имеет в виду многое, что упустил Дого. Он спрашивает: «Ты здесь?» Ты можешь видеть пламя, но при этом находиться где-то еще, а огонь будет лишь дальним тусклым отблеском. Огонь может не быть для тебя живым опытом прямо сейчас. Если твой ум переполнен мыслями, то, возможно, ты вообще его не замечаешь, — ибо кто может увидеть огонь в таком случае? Ты должен быть здесь — именно в этом состоит скрытый смысл вопроса.

Если бы Дого владел пониманием, то сразу осознал бы, что означает этот вопрос: его разум забрел куда-то прочь. Должно быть, он думал о посторонних вещах, об иных мирах, о других проблемах.

Я уже рассказывал вам историю о двух приятелях.

Как-то утром при встрече один из них сказал:

— Ты просто не поверишь: этой ночью мне приснился сон, будто я пошел на рыбалку и, едва закинув удочку, всякий раз вытаскивал рыб размером с меня самого. И так всю ночь. Очень странно... я рыбачу уже много лет, и никогда мне не попадались такие огромные рыбы. Жаль, что ты не видел.

Второй ответил:

— Это еще что. Мне нынешней ночью снилось, будто рядом со мной в постели с одной стороны лежит совершенно обнаженная Мэрилин Монро, а с другой — обнаженная Софи Лорен. Я просто не мог поверить своим глазам. Вот уж повезло так повезло — в жизни не надеялся.

— Идиот! — воскликнул первый. — Почему же ты не позвал меня?

— А я тебе звонил, но жена сказала, что ты пошел на рыбалку!

Вроде бы человек находится здесь, но его разум может блуждать где угодно. Главное послание дзэн как раз и состоит в том, чтобы пребывать в текущем мгновении.

Спрашивая у Дого: «Ты видишь пламя?», Исан наверняка намекал на то, что Дого отсутствует. Да, он сидел рядом, однако его разум убрел прочь. Дого следовало бы ответить: «Я не вижу пламя, ибо ушел в своих мыслях куда-то вдаль». Но вместо этого он говорит: «Виджу».

«Если ты его видишь, то скажи мне, откуда берется пламя?» — спросил мастер. Теперь он спрашивает, откуда происходят все вещи — пламя служит только символом — и куда они уходят в конце? Из какого источника они появляются и в какой точке исчезают?

Медитирующий постепенно понимает, что источник и цель — одно. Из исходной точки энергия движется по кругу и возвращается в ту же точку. В рождении и в смерти ты представляешь собой одну и ту же точку. Может быть, ты за все это время изменился, — столько опыта, столько знаний, — именно поэтому ты не заметил девственную невинность смерти. Невинность рождения ты упустил из-за невежества, а невинность смерти — из-за своего знания.

Конечно, нельзя было ожидать, что ты осознаешь невинность рождения, и это простительно, ибо тебе не сказали, тебя не научили. Этот опыт был настолько нов, — ты даже еще не мог никак назвать его. Но когда человек умирает, полный знания, он опять не замечает невинности — из-за знания.

В мистических кругах всего мира издавна понимают, что если в момент смерти человек не будет так же невинен, как в момент рождения, то он упустит всю суть, весь танец жизни, все ее значение. Он прошел путь длиной в семьдесят или восемьдесят лет и вернулся к источнику, но снова упустил этот факт.

В Индии этот опыт, этот круг называется *сансара*. Слово «сансара» обозначает одновременно «мир» и «круг». Весь мир представляет собой циклический опыт. Вначале ты невинен, ты должен быть невинен и в конце. Тогда твоя жизнь была исполнена величия, любви, понимания, цветов и благодати. Ты не прожил жизнь в безумии, ты прожил ее разумно, медитативно. Ты жил тишиной — а не тревогой, не гневом, не мыслями.

Человек завершен лишь тогда, когда в момент смерти он снова такой же, как в момент рождения. Он снова ребенок, это второе детство.

Итак, когда мастер спросил Дого: «Откуда берется пламя?» — пламя было лишь поводом. На самом деле он спросил: «Откуда приходят вещи и куда они уходят?»

Но Дого опять ничего не понял. Вместо того чтобы ответить на вопрос, он сказал: «Я хочу, чтобы ты спросил меня о чем-то, что не связано с хождением, дзадзэн или лежанием». Тут Исан прервал беседу и ушел прочь.

Дого закрыл все двери. Он сказал: «Спроси меня о чем-то, что не связано с дзадзэн — то есть с интенсивной медитацией, — или с ходячей медитацией, или с лежачей медитацией».

Будда воспринимал все действия в жизни как возможность медитировать. Гуляя, ты должен гулять в медитации, каждый шаг должен быть исполнен осознания. Лежа, ты должен лежать осознанно, а не просто по старой привычке. А дзадзэн — это интенсивная медитация.

Дого отвечает своему мастеру, который спросил: «Откуда берется пламя?» Он не ответил на вопрос, потому что этот вопрос подразумевает медитацию. Только в медитации ты знаешь, что все исходит из одного источника и вновь уходит в вечность. Ничто не умирает, ничто не рождается. Все сущее — лишь непрерывно сменяющиеся формы. То, что некогда было деревом, сейчас стало пламенем; то, что сейчас пламя, скоро станет дымом.

Это способы исчезнуть в высшей реальности. Огонь был скрыт, он очень долго был скрыт в дереве. Теперь он расцвел — совсем как цветы; он вышел из своей темницы. Немного танца, немного радостной жизни, и

огонь превратится в дым. Дым тоже проживет недолгую радостную жизнь и медленно, медленно исчезнет в вечности. В этом выражен медитативный опыт.

Вместо того чтобы ответить — ибо только медитирующий способен ответить, откуда берется пламя... Если ты незнаком со своим собственным центром, как ты ответишь, откуда берется пламя? Твоя жизнь — пламя, и куда она в конце концов девается? Исчезает ли она во внешнем или снова возвращается к своему источнику? Только медитирующий знает тайны внутренней жизни. Иногда жизнь дремлет в центре, иногда выходит на окружность и, утомившись, снова возвращается в центр.

Одним из величайших людей в истории был Патанджали, в одиночку создавший целую науку йоги. Очень сложно создать целую науку в одиночку. Прошло пять тысяч лет, и в эту науку не добавили ни слова — вот насколько она полна — и ни слова не убрали. Это настолько завершенная система, что нет возможности пойти дальше Патанджали, коль скоро это касается йоги.

Но только люди, идущие все глубже в себя, узнают, что их источник и цель сведены в одну точку. Все исходит из единого центра Вселенной и в конце концов возвращается в тот же центр.

Но вместо того, чтобы ответить на вопрос, — возможно, он просто не мог на него ответить, — он взял и захлопнул дверь. Он сказал: «Я хочу, чтобы ты спросил меня о чем-то, что не связано с хождением (ведь в дзэнских монастырях есть специальные места для медитации-прогулки), дзадзэн (то есть сидячей медитацией) или лежанием».

Этими тремя видами медитации занимаются все искатели, следующие путем дзэн. А он говорит: «Оставь это и спроси меня о чем-нибудь другом».

А ведь дзэн состоит в этом и только в этом. На самом деле некоторые мастера почти всегда спрашивали у вновь прибывающих учеников:

— Откуда ты?

Настоящий искатель отвечал:

— Я не знаю. Для того я и пришел к тебе, чтобы выяснить, откуда я, — такого ученика немедленно принимали.

А иные говорили:

— Из такой-то деревни.

Тогда мастер спрашивал:

— А почему рис в твоей деревне?

Человек начинает рассказывать о ценах, и ему невдомек, что мастер просто пытается оценить его способности, пытается выяснить, из подходящего ли теста он сделан, чтобы быть искателем истины.

Когда суфийский мистик Баязид в первый раз пришел к своему мастеру, тот находился в мечети. Баязид вошел в мечеть, и, хотя со стороны казалось, что он был совершенно один, мастер тут же сказал:

— Оставь толпу снаружи! Входи один, тут не место для толпы.

Баязид оглянулся и сказал:

— Какая толпа? Тут нет никого, кроме меня.

И мастер ответил:

— Не оглядывайся вокруг, загляни внутрь себя. Ты притащил целую толпу... все твои друзья, твоя жена, родители. Они проводили тебя до околицы деревни. Вы попрощались, но все они до сих пор толпятся в твоём сознании. Я говорю об этой толпе. Выйди вон и не возвращайся, пока не разойдется толпа.

У Баязида на это ушел год. Он сидел за порогом мечети, вглядываясь в свое сознание и дожидаясь мо-

мента, когда оно будет пусто. Как только Баязид понял: «Теперь толпа разошлась», — он снова вошел в мечеть.

Мастер обнял его и сказал:

— Мои руки коротки, я не сумел бы обнять всю толпу. А теперь, когда ты пришел один, стало попроще.

Как-то раз Итю попросил Исана сложить для него гатху.

Гатха значит стихотворение. В обычной ситуации такая просьба неуместна, ибо по традиции это делается перед смертью мастера. Тогда ученики просят его написать им что-нибудь на память: «Просто напиши небольшое стихотворение. Свое последнее слово, собственной рукой, и оно станет нашим величайшим сокровищем». Это последнее слово и называется *гатха*.

Итю попросил Исана сложить для него гатху.

Это на редкость дурацкая просьба, потому что Исан еще не собирался умирать.

Исан ответил: «Глупо слагать гатху, пока мы сидим лицом к лицу».

Пока мы с тобой сидим лицом к лицу, читай меня, читай мое сердце. Умирая, мастер пишет *гатху* потому, что скоро его не станет. Глупо просить о подобных вещах, пока мы сидим лицом к лицу. Ощущай мое присутствие. *И вообще, глупо писать на бумаге!..*

Исан говорит: «Прежде всего, пока я здесь, нелепо не радоваться моему присутствию, не испытывать экстаз, не ликовать оттого, что я рядом. И во-вторых, *писать на бумаге...* — что толку в этих писульках? Если

ты не способен понять живого мастера и его слово, зачем тебе мертвая бумага, зачем тебе мертвые чернила — что ты будешь с ними делать?»

Тогда Итю пошел к Кёдзану, ученику Исана, и обратился к нему с той же просьбой. В ответ Кёдзан начертил на бумаге круг и написал рядом...

Это прекрасная записка. Он не составил гатху, но ответил иначе — уникально, по-своему.

Он не сложил стихотворение, отнюдь, — он *начертил на бумаге круг и написал рядом: «Вначале подумать, а затем знать — вторая ступень. Не подумать, а затем знать — третья ступень».*

Кёдзан не упомянул первую ступень, потому что нужно оставить что-то ученику для личного поиска. Какова же первая ступень?

Кёдзан говорит:

Вначале подумать, а затем знать — вторая ступень. Не подумать, а затем знать — третья ступень.

Но Итю не спросил: «Какова первая ступень?»

Первая ступень — просто *знать*. Тут не стоит вопрос о том, чтобы думать или не думать, — просто *знать*.

В тот миг, когда тыходишь в глубокую медитацию, ты минуешь много вещей: мыслящий разум, чувствующее сердце. Тыходишь в совершенно пустое пространство, остается лишь свидетельство. Это свидетельство и является единственным истинным знанием; это и есть первая ступень.

Но Итю снова упустил суть. На протяжении всего этого эпизода он не сумел ни на шаг углубиться в тайну жизни, хотя для этого у него были все условия.

Сосёки писал:

*Не спрашивай, почему
Так кривы и сучковаты
Сосны в саду перед домом.
Та стройность,
С которой они родились, —
Там, внутри них.*

Очень значительные слова. Ты видишь дерево — сосну или любое другое дерево, которое по тем или иным причинам утратило стройность. Возможно, ему не позволили остаться ровным обстоятельством, или садовник не хотел, чтобы оно было прямым, — но в глубине существа сосны способность быть стройной по-прежнему осталась.

Все эти стихи — о вас. Символы могут быть самыми разными. Пламя или сосна — не имеет значения. Символы лишь дают вам намек.

Не спрашивай, почему так кривы и сучковаты сосны в саду перед домом. Та стройность, с которой они родились, — там, внутри них.

Именно так обстоят дела с каждым из вас. Какими бы вы ни были, как бы далеко вы ни отошли от своего естественного потенциала, — не имеет значения. Ваш будда остается внутри вас. Ваша стройность остается внутри. Вы можете вернуться домой в любой момент, когда решите, что пора сделать это — срочно и окончательно. Ничто не сможет остановить вас.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Мастер!

Вчера вечером я впервые поняла, что разум не обязательно враждебен медитации. Ты рассказал о том, как разум может принять просветление. Применимо ли то же самое к каким-либо процессам до просветления — например, к свидетельствованию? Может ли разум признать, что свидетельствование нередко бывает полезнее мышления, и в соответствующие моменты без раздражения отступить в сторону?

Маниша, это невозможно. Вначале должно прийти просветление. Разум способен понять просветление как опыт и, увидев его красоту, подружиться с ним. Но, прежде чем наступит просветление, разум может только верить в него, а другом стать не может.

Разум способен поверить, что просветление существует. В большинстве случаев такая вера возможна, — но от веры нет никакого прока. Разуму нужно пережить просветление в работе — не как веру, но как действие. То же самое касается свидетельствования... разум всегда будет против свидетельствования, поскольку оно прерывает давнее наследие мышления. Мышление разуму знакомо; свидетельствование в большинстве случаев может стать мыслью, но оно не может стать реальностью.

Для того чтобы стать свидетелем, нужно отодвинуть разум в сторону, а он, очевидно, будет этому сопротивляться. Кому нравится, когда его отодвигают в сторону, — в особенности из того места, где он был хозяином на протяжении столетий? И ты хочешь отодвинуть его ради чего-то, о чем даже толком ничего не

знаешь? Разум не позволит тебе долго оставаться свидетелем.

Предлагаю маленький эксперимент. Положи перед собой часы и смотри на секундную стрелку... наблюдай, свидетельствуй. Ты будешь удивлен... не пройдет и пятнадцати секунд, а ты уже сдался и забыл о том, что свидетельствуешь. Пришли другие мысли. И вдруг через пару секунд ты просыпаешься... «Боже мой! Всего пятнадцать секунд!» Ты не можешь сохранять свидетельствование даже в течение шестидесяти секунд — одной минуты. Сила и напор разума слишком велики.

Вот почему искусный мастер создает необычные средства для того, чтобы отодвинуть разум в сторону, не превращая его во врага... ведь рано или поздно, когда ты обретишь просветление, тебе потребуется дружба этого же разума. Он представляет собой очень ценный механизм. Но вначале разум будет сопротивляться любым попыткам отодвинуть его в сторону.

Медитация — это не что иное, как способ убрать разум с пути и обратиться к свидетельствованию, которое пребывает с нами всегда, — но оно скрыто за разумом. Это свидетельствование устремится к твоему центру, и, когда ты достигнешь просветления, любые проблемы исчезнут. Тогда нужно сонастроить разум с собой. Это великое искусство. Вначале необходимо отодвинуть разум в сторону, а затем вернуть обратно, — но теперь он приходит в качестве слуги. Прежде он был хозяином, — поэтому, если ты пытался управлять им, прежде чем достиг просветления, он очень сердился. Тут нужно быть осторожным, ибо его раздражение мешает тебе свидетельствовать. Не наживай себе врага.

Молча начинай свидетельствовать, не предпринимая никаких прямых атак на разум. Чтобы достичь самого центра, нужно быть очень внимательным. Ра-

зум изо всех сил попытается отвлечь тебя и отправить в кругосветное путешествие. Он станет очаровывать, убеждать, обещать золотые горы: «Ну куда ты направилась? Ну что там может быть интересного внутри? На улице, у ворот тебя ждет твой парень, а ты уходишь внутрь. В «Голубом Алмазе» сегодня вечеринка — а где ты слышала, чтобы вечеринки проводились внутри?»

Разум будет создавать самые разнообразные помехи, но тебе необходимо очень любовно, очень нежно отодвинуть его в сторону. Запомни мои слова: *любовно и нежно*. Не обижай разум, поскольку он очень пригодится тебе после просветления. До просветления он — помеха; после просветления — невероятно сложный и важный механизм, который можно использовать в любых делах. Тогда он больше тебе не враг. Просто нужно разбудить хозяина, и, как только разум увидит этот колоссальный свет в тебе, он спонтанно сонастроится. Тогда о борьбе уже не может быть и речи. Но до просветления разум сопротивляется всякий раз, когда ты пытаешься оставить его позади или отодвинуть в сторону. Это очень простая психология.

Гурджиев говорил, что стоит учителю выйти за дверь — и в классе воцаряется хаос. Дети кричат, прыгают, дерутся — делают все, что им не позволял учитель... Затем учитель возвращается, и все дети сидят на своих местах, глядя в книги. Это не значит, что дети читают, они просто показывают, что заняты. Тишина.

Гурджиев говорил, что нечто подобное происходит, когда ты обретаешь просветление. Приходит хозяин*, и разум, увидев его, сразу же признает свое место. Он тушует перед таким великолепием. В этот момент ты

можешь подружиться с разумом, и он будет бесконечно счастлив сослужить любую службу вечности, которую ты с собой принес. Но не пытайся поставить его на место прежде, чем обретишь просветление, ибо тогда разум только создаст тебе лишние проблемы. Чем больше ты будешь бороться с ним, тем больше тебе придется уделять внимания ему вместо того, чтобы быть свидетелем.

Свидетельствовать — значит просто ускользнуть от разума. Это очень изящный прием: как только ты становишься свидетелем самого мыслительного процесса, ты ускользаешь, не ввязываясь в борьбу. Ты просто созерцаешь караван мыслей внутри себя. Ты больше не движешься вместе с ними, но стоишь на обочине, а верблюды идут своим путем. Ты не говоришь: «Это хорошо, а это плохо». Что бы ни проходило мимо, нужно только смотреть. Немного молчаливого созерцания... и разум остается в стороне.

Именно свидетельствование приведет тебя к просветлению. После просветления можно использовать разум, — и использовать в очень значительной степени. Это величайший продукт биологической эволюции. Нельзя выбрасывать разум в мусорную корзину, им необходимо пользоваться. Но вначале найди хозяина, который умеет это делать. Сейчас разум использует тебя. Каждый человек является рабом ума, пока не достигнет просветления. Затем просветление становится тобой, и теперь уже разум — твой раб.

Наступило время Сардара Гурудаяла Сингха. Я открыл тайну его радужного тюрбана... Сардар туго повязал этот тюрбан вокруг головы, чтобы сдерживать нетерпение. И это еще не все... когда все в зале начинают нести тарабарщину, тюрбан снова служит защитой.

* Английское слово *master* переводится как «мастер», «хозяин», «учитель» и др. Ошо использует одно слово, однако на русский в разном контексте приходится переводить по-разному. — *Прим. перев.*

Однажды ночью у фермера Лугинса-Блинса сгорел амбар.

На следующий день на ферму прибыл страховой агент Джордж Граббит, чтобы оценить урон.

— Вместо того чтобы возмещать ущерб наличными, наша компания берется отстроить новый амбар такого же размера и из таких же материалов, — объясняет Граббит. — Это политика нашей компании.

— Если ваша компания ведет дела таким образом, — проревел в ответ фермер, — я расторгаю страховой полис моей жены!

Герман Хумпский женится на Хильде, которую он любит с детских лет. Жених очень волнуется, поскольку не знает, что делать в брачную ночь.

Он поведал об этом своему опытному приятелю Ковальскому, и, после секундного размышления, тот находит выход.

— Послушай, — говорит Ковальский, — не волнуйся. Я поселюсь в отеле для новобрачных в соседнем с вами номере. Когда настанет время отправляться в постель, ты зайди в ванную, и я дам тебе все необходимые инструкции через стену.

— Прекрасно! — восклицает Герман с огромным облегчением, и друзья отправляются снимать номера в отеле.

Свадебная церемония проходит как нужно, потом начинается праздничный обед, и за столом невеста съедает совершенно невообразимое количество торта.

Затем молодые отправляются в отель для новобрачных, расстилают кровать, и тут Гер-

ман, улучив момент, уходит в ванную, закрывает дверь и стучит в стену. Ковальский и Герман слышат друг друга очень плохо, поэтому беседа длится довольно долго.

Между тем оставшаяся в спальне Хильда понимает, что ей необходимо освободиться от съеденного за столом торта. Девушка колотит в дверь ванной комнаты, но Герман ее не пускает.

Наконец, в полном отчаянии, она опорожняется в коробку из-под обуви и оставляет свой вклад у двери ванной.

Можете не сомневаться, что, получив инструкции Ковальского, Герман распахивает дверь и вступает прямо в коробку из-под обуви.

— Блин! — кричит Герман. — Да здесь же полно дерьма!

— Придурок! — кричит из-за стены Ковальский. — Переверни ее!

Папа-поляк в ужасе и отчаянии: он узнал, что ежегодно огромное количество католических священников заражаются СПИДом. И вот, в безнадежной попытке спасти христианство, он издает эдикт: все кардиналы, епископы и священники должны незамедлительно вступить в брак — с женщинами.

Все идет как нельзя лучше... тут и там шумят роскошные католические свадьбы. Естественно, самым великолепным обещает быть бракосочетание самого Папы Польского с Сестрой Съюзи, которое состоится в Ватикане.

Ватикан переполнен духовными лицами и политиками, с нетерпением ожидающими этого грандиозного события. Папа Польский в своих по-

коя наряжается к праздничной церемонии. Ему помогает шафер — Рональд Рейган.

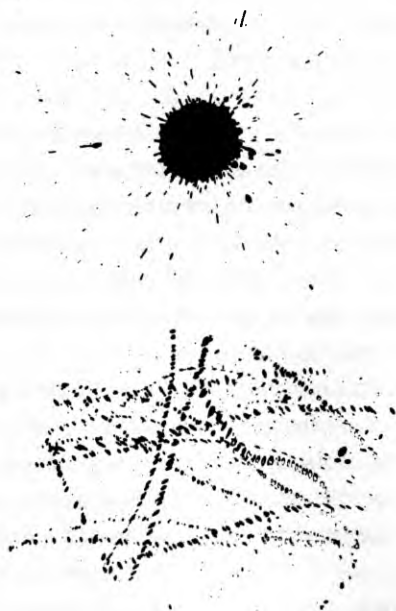
— Ты уверен, что готов к семейной жизни? — спрашивает Рейган.

— В этом нет ничего сложного, Рони, — отвечает Польский Папа, любуясь своим отражением в зеркале.

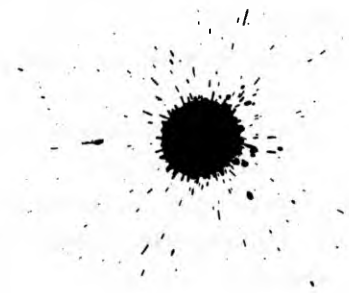
— Да, но ты всю жизнь прожил в безбрачии, правда? — замечает Рейган. — Ты уверен, что твоя машинка сработает?

— Ах, не волнуйся, — доверительно говорит Папа, — этой ночью я испытал ее собственными руками, а теперь, — добавляет он, осеняя себя крестом, — все в руках Господних!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза и почувствуй,
что твое тело обратилось в лед.

Теперь ты готов собрать все свое сознание,
всю жизненную энергию и направиться внутрь
себя.

Двигайся к центру своего существа.
Именно оттуда ты пришел
и именно туда все возвращаются.

Глубже и глубже...
чем глубже ты уходишь,
тем больше благоухания в воздухе.
Ты идешь все глубже,
и вдруг на тебя начинают дождем сыпаться цветы.

В самой глубокой точке ты — будда.

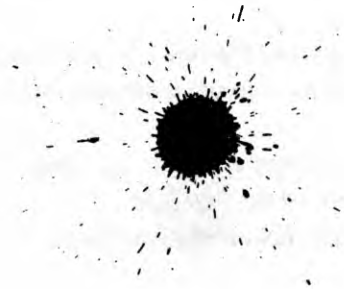
Будда означает просто свидетельство,
чистое свидетельство.

Просто будь свидетелем...
 тело здесь, разум здесь,
 но ты не являешься ни тем, ни этим.

Ты — отдельная сила, исходящая из центра,
 а центр соединен с Вечностью.
 Он не знает ни рождения, ни смерти.
 Этот будда — твой величайший потенциал,
 Эверест осознания.

Великолепный, славный миг.

Чтобы стало яснее,
 Ниведано...

Расслабься
 и по-прежнему помни о свидетельствовании.

Свидетельствование —
 единственное в тебе, что вечно.
 Все остальное тленно,
 лишь свидетельствование является
 твоей реальностью, твоей душой.

Я называю его буддой,
 поскольку это великое просветление.

В этот миг Будда-Холл превратился в безмятеж-
 ное озеро сознания.
 Какая радость — слиться с Космосом,
 какая радость для росинки —
 исчезнуть в океане.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
 но твоё присутствие и твой колоссальный опыт
 сделали его еще в тысячу раз более прекрасным
 и благодатным.
 Все сущее ликует,
 ибо ты достиг центра своего существа.

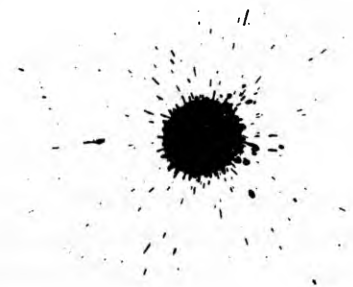
Собери столько аромата, сколько сможешь.

Помни... в каждую секунду,
 когда ты становишься свидетелем,
 ты становишься буддой.
 Так приведи же будду с собой.

Скоро Ниведано позовет тебя обратно.
 Перед этим собери столько сокровищ,
 сколько сумеешь, и убеди будду пойти с тобой.
 Это твое ядро не является чем-то отдельным от
 тебя.
 Оно всегда оставалось скрытым внутри, в центре.
 Теперь ты должен вывести его на окружность,
 в свою повседневную жизнь.

Если мы сумеем создать огромное множество будд
 по всей земле,
 может произойти великая трансформация.
 Больше любви, больше песен, больше служения...

Ниведано...

Возвращайся с изяществом будды,
безмолвно, спокойно.
Посиди несколько секунд, собирая свой опыт во-
едино.

С каждым днем ты становишься все богаче.
Каждый день окружность приближается к твоему
центру.
С каждым днем ты все в большей степени привно-
сишь будду в свою повседневную жизнь.

Я против отречения.
Я хочу, чтобы будды были здесь, в мире
и участвовали во всех его делах.
Раньше будды убегали из мира,
и в этом беда прошлого.
Если бы они оставались в мире,
мы сейчас не жили бы в таком варварстве.
В нас было бы больше человечности,
больше культуры.

Поэтому я говорю:
никто не должен уходить от мира.
Мы должны его трансформировать.

Мы создаем новый подход к религии.
Не уходи от мира,
но отправляйся в самую гущу и изменяй его.
Это более смело, более мятежно, более важно.

— Хорошо, Маниша?
— Да, любимый Мастер.

А ты?

Наш любимый Мастер...

Однажды Исан заметил, обращаясь к Кёдзану:

— Все будды в самадхи входят в пылинку и вращают великое колесо закона.

— А как же ты? — спросил его Кёдзан.

— Здесь есть некто. И, беря его в пример, мы можем перенять это у него, — ответил Исан.

Кёдзан указал на кувшин из-под воды и сказал:

— Войди, пожалуйста, в него.

— Все будды своими оккультными силами пребывают в горлышке этого кувшина, между тем вращая великое колесо закона, — отвечал Исан. — Видишь ли ты это?

— Это колесо всех будд, — сказал Кёдзан. — Как ты повернешь его?

— Это невозможно, если мы отделены от него, — заметил Исан.

Тут Кёдзан поклонился.

Маниша, прежде чем я стану говорить об этих су-трах, нужно понять одну исключительно важную вещь. Дзэн — это не буддизм и не даосизм. Это метис. Когда великий Бодхидхарма встретил в Китае даосских мастеров, из его диалогов с ними родилось совершенно новое явление, которое сохранило аромат буддизма, но не зависит от буддийской литературы. В нем также сохранился аромат даосизма, но оно не зависит от даосской традиции. Это учение не зависит ни от одного из родителей.

Все метисы лучше родителей — это в такой же мере относится к философским построениям, теологиче-

ским учениям и медитативным системам, как к растениям, животным и людям. Метис по самой своей природе склонен брать наилучшее от обоих родителей и отвергать несущественное.

Величие и высота дзэн обусловлены тем, что он опустил все несущественное, что было и в буддизме, и в даосизме, и эти две великие вершины слились в одну, еще более высокую. Дзэн взял от обоих предшественников лишь аромат. Но ароматы при смешении образуют нечто совершенно новое.

Поэтому традиционный буддист никогда не оценит дзэн по достоинству. Он только расхохочется и скажет: «Да это же просто безумие». Традиционный даос скажет то же самое: «Это безумие. Это не имеет никакого отношения к нашей системе». Именно так возникает великая возможность бунта против традиций. Дзэн — это чистый бунт.

Но, к сожалению, история идет своим путем, и даже самые мятежные люди... Сам Гаутама Будда был мятежным умом. Он бунтовал против индуизма, бунтовал против джайнизма, бунтовал против всего прошлого Индии. У него было достаточно мужества и ума для этого.

Но, к сожалению, рано или поздно Будда должен был умереть. Его слова попали в руки к ученым. Предотвратить этого Будда не мог — хотя он предупреждал перед смертью: «Не делайте из меня общественный институт. Не превращайте меня в традицию! Я всегда был против традиционных путей и не хочу стать традицией, но скоро меня не станет и я не смогу позаботиться об этом сам. Итак, вот мои последние слова: никаких статуй, никаких посвященных мне храмов, никаких писаний, в которых будут заключены мои слова, — чтобы я мог растаять, словно следы птицы

в синем небе. Не беспокойтесь, что мое исчезновение как-то скажется на эволюции человечества. Придут лучшие будды, придут более великие революционеры. Я не хочу стоять у них на пути».

Но его не послушали. Первое, что сделали ученики Будды после того, как он умер, — записали то, что он сказал за сорок два года, уча непрерывно с утра до вечера. А ведь он никому не позволял конспектировать — по той простой причине, что потом конспекты превратятся в писания. Но его слова были настолько глубоки, что на первом же собрании — уже на второй день после смерти Будды — было решено, что нужно созвать вместе всех просветленных учеников... Просветленных учеников оказалось пять сотен, их всех созвали на большой совет, и они решили: каждый должен пересказать свой опыт, «чтобы каким-то образом собрать воедино то великое сокровище, которому суждено исчезнуть, если мы не позаботимся о нем сейчас».

Можно понять их тревогу о будущих поколениях — эти люди не хотели, чтобы Будда был утрачен для потомков. Однако несмотря на свою просветленность, они никак не смогли бы уладить противоречие между собственными намерениями и последним заявлением Будды, его последним словом, — *но они даже не почувствовали никакого противоречия!* Итак, каждый человек, слышавший слова Будды, пересказал все, что помнил. Тут возникли проблемы, поскольку кто-то утверждал одно, а кто-то настаивал, что Будда говорил совершенно другое...

Вскоре стало ясно, что согласия между учениками нет. Возникли тридцать две школы. Тридцать две различные школы и традиции, — причем каждая претендует на роль единственно верной, — и все они начали устанавливать статуи Будды, составлять писания. В це-

лом мире нет ни одного человека, в честь кого установили бы так много статуй.

Когда арабы и персы пришли в Монголию, они увидели статуи Будды. Прежде они вообще не видели статуй, и поэтому статуи Будды стали для них символом статуй вообще: *будт*. «Будт» это искаженный вариант слова «Будда». Они не поняли, что это имя собственное, а не нарицательное, поскольку там не было других статуй — только Будда, — и вот будда стал синонимом *будт*. И по сей день на урду, в персидском и в арабском языках слово «будт» означает «статуя». Оно происходит от имени Будды — человека, который запретил сооружать монументы в свою честь.

Буддизм превратился в традицию, и вот опять некто, обладающий таким же гением и величием, должен был против этой традиции восстать. Это был бунт не против Будды, но против традиционализма и ритуалов. Священники, против которых всю свою жизнь боролся Будда, вернулись; ученые мужи вновь обрели важную роль в обществе.

Против буддистской традиции восстал Бодхидхарма, и частью этого бунта стала его встреча с Дао. Бодхидхарма перенял все лучшее, что есть в даосизме, и создал новый опыт. Но он — точно так же, как и Будда, — не осознал тот факт, о котором мы сегодня с вами беседуем. Будда говорил: «Не превращайте меня в традицию» — но традиция все-таки *была* создана. Бодхидхарма восстал против этой новой традиции, но он не понял, что попадет в ту же ловушку человеческого сознания. Он тоже превратился в традицию.

Ма-цзы скоро понял, насколько все это грустно: Бодхидхарма, человек огня, сжигающий писания, разрушающий любые верования... Ма-цзы был фигурой того же масштаба. Бунтовать непросто. Для этого нуж-

но иметь колоссальные внутренние ресурсы, иначе ты будешь поверхностен и твои слова не смогут иметь той же глубины, каковой обладает традиция. Традиция обладает определенной глубиной, определенным богатством, определенной изысканностью. Одиночка, вступающий против традиции, должен обладать огромным гением, огромным творческим потенциалом.

Ма-цзы восстал против традиций, развившихся после Бодхидхармы. Он предложил совершенно новые идеи, новые средства — побои, крики. Никто до него не слышал, что можно пробудить человека, просто накричав на него в нужный момент; идея о том, что удар может стать наградой, стала огромным вкладом в сокровищницу человеческого сознания.

В руках Ма-цзы дзэн вновь расцвел — он стал так свеж, как хотел Будда. Будда полюбил бы Бодхидхарму и Ма-цзы — бунтарей, живших через тысячу лет после него. Мятежный дух любит само творчество, которое бунт привносит в любое действие, в мысль, в медитацию, в искусство, в музыку. Но и Ма-цзы снова... видимо, это неизбежно, само собой разумеется, что любой бунтарь обращается в традицию.

Исан хотел восстать против Ма-цзы. Даже не против Ма-цзы, но против созданной им традиции. Странный феномен: Исан любил Ма-цзы, как любил Будду и Бодхидхарму, но он не мог принять ритуалы, ставшие традиционными после них, после их смерти.

Но Исан не был великим гением. Его не сравнить с Ма-цзы или Бодхидхармой. Он был очень вежлив, и его вежливость мешала ему бунтовать в полную силу. Вежливый человек не станет революционером. Нужно быть иконоборцем, нужно жестко бить по старым традициям. Вежливость приведет вас к респектабельности, а не к революции. Именно это и случилось, как

ни жаль... Исан стал респектабельным мастером. И, поскольку Исан стал респектабельным, он не обрел духовную силу революционера.

Когда человек становится респектабельным, он не может спорить с массовым сознанием. Коллективное бессознательное обижается, когда человек говорит что-то революционное, и любые революционные порывы лишат человека респектабельности.

Исана очень уважали, и он знал, как добиться уважения. Именно тут он и утратил красоту мятежности. Это проявляется в его сутрах: в них нет особенной глубины или величия. Они хороши, но довольно пресны. Лишь потому, что он хотел восстать против ритуалов, сложившихся после Ма-цзы, Исан никого не бил, ни на кого не кричал, — но он не мог ничего предложить взамен. Поэтому Исан, в некотором смысле, был очень беден. Его величие в скромности, его величие в простоте, но он не внес в сокровищницу человеческого сознания ничего нового или глубокого.

Помни: респектабельность и бунт несовместимы. Если ты хочешь респектабельности, если ты хочешь всеобщего уважения, придется приспособливаться к обществу — а общество состоит из слепцов. Если ты ищешь уважения среди слепцов... они могут уважать лишь слепца. Имеющий глаза не принадлежит к массе, он чужак. Исану не достало храбрости стать чужаком.

Те, кто жили жизнью чужаков, познали чуждые понимание вещи, с которыми обычные люди не встречаются в жизни. На днях я получил письмо от саньясина, который побывал на большом съезде джайнов. В один из вечеров туда пригласили многих знаменитых поэтов нашей страны. Приехал на это собрание и один из величайших современных поэтов Индии, Нирадж, — он бывал здесь, так что вы его знаете, — но его освистали

и прогнали со сцены лишь потому, что он упомянул мое имя. Перед тем как прочесть свои стихи, он сказал: «Моя поэзия принадлежит Раджнишу. Он — мой вдохновитель».

Тысячи других писателей и поэтов снова и снова повторяют то, что говорю вам я, но им недостает храбрости сказать, откуда они черпают вдохновение. Это просто страх перед толпой! Но Нирадж ни в чем не уступает льву. Нирадж сказал: «Можете кричать. Мне нет дела до вашего идиотизма, — до вашего *инду-отизма*». И сошел со сцены со словами: «Да здравствует Раджниш!»

Люди боятся приходить сюда, и вы понимаете почему: если выяснится, что они тут были, то напрашивается вывод, что они так или иначе связаны со мной. Здесь хотя и побывали многие, но мало у кого хватает духу признаться в этом массам. Даже для того, чтобы прийти и послушать меня, необходимо мужество! Ведь никому не предлагают соглашаться со мной. Вполне можно не соглашаться, — но они не могут прийти и послушать даже ради того, чтобы *не согласиться*. Они читают мои книги, пряча их под суперобложками с других книг, поскольку, если кто-то узнает, что именно они читают, их респектабельность может пошатнуться.

Ко мне некогда заходил главный министр Гуджарата — но только до того, как он стал главным министром, а после этого перестал заходить. Мало того, он сказал моему секретарю: «Не приходи ко мне ни по какому делу в Гуджарате, чтобы никто не знал, что я когда-либо находился под влиянием Раджниша и вообще был с ним так или иначе связан».

Затем он потерял свой пост и снова стал приходить ко мне. Когда ты повержен, бояться нечего: люди и так уже к тебе неблагосклонны. Несколько месяцев назад, когда он явился, я сказал своему секретарю: «Я сегодня никого

не принимаю — а тем более этого труса, который, придя к власти, велит передать мне, чтобы я никому не говорил, что он был моим последователем и посещал мои собрания. Мне не по душе такие трусливые овцелюди».

Он все прекрасно понял. Теперь этот человек снова стал главным министром, и я попросил одного из моих саньясинов: «Спроси его, не хочет ли он меня повидать?» И министр ответил: «Не упоминай при мне его имени — по меньшей мере пока я у власти!»

Для того чтобы быть бунтарем, приходится оставаться чужаком среди собственного народа. У Исана была возможность стать бунтарем, и тогда его высказывания обрели бы некоторую глубину. В историях из его жизни появилось бы какое-то новое качество, новое измерение, расцвели бы новые цветы. Но в погоне за респектабельностью Исан усыпил свой бунтарский дух. Изредка, конечно, что-то выходит наружу, но в большинстве случаев он остается бунтарем, который собственноручно подавил свой бунт.

Небольшая биографическая справка:

Лучшим учеником Исана был Кёдзан, известный также как Ян-шань.

Вы спросите, почему у всех этих мастеров по два имени. Дело в том, что есть Китай и есть Япония; одно имя китайское, а другое — японское.

Мастер и ученик создали новую секту, известную под названием школа Гуэй-Ян.

Исан пытался восстать против Ма-цзы всеми путями, поэтому мастер и ученик — Исан и Кёдзан — создали школу. Она называется Гуэй-Ян.

Она характеризуется четким разграничением между дзэн медитации, основанном на Ланкаватара-сутре, и мгновенным дзэн, который полностью порвал с любыми сутрами.

Ланкаватара-сутра — одна из глубочайших книг в мире. В ней содержится самая сущность учения Будды, и поэтому ее любят и почитают во всех буддистских странах. Китай, Япония, Шри-Ланка, Бирма, Тибет, Тайвань, Корея — весь Дальний Восток любит Ланкаватара-сутру. Эта книга необычайно прекрасна. Она не похожа на другие религиозные книги — в ней великая поэзия, в ней творческая сила искусства.

Новая секта, созданная Исаном и его лучшим учеником Кёдзаном, выступала против Ланкаватара-сутры. Это непростая задача. Я не думаю, что Исан или Кёдзан были в состоянии ее осуществить. Конечно, у Ма-цзы достало бы сил на это. Им не хватало его гения, и все же то, что они сделали, полезно. Всякий бунт полезен, даже если он маленький.

В основе Ланкаватара-сутры лежит учение о постепенном просветлении. Это очень рационально, практично, понятно: ты движешься шаг за шагом, постепенно дисциплинируешь себя, а когда придет время и ты подойдешь к точке, где возможно просветление, — оно наступит. Но просветление — не полуфабрикат, который нужно готовить по строго обозначенному рецепту; это — не растворимый кофе. Для того чтобы обрести его, нужно подготовиться, и на подготовку могут уйти годы. Чтобы стать механизмом для просветления, тебе может потребоваться двадцать лет, тридцать лет.

Это — логическая система, и поэтому против Ланкаватара-сутры никто никогда не выступал. Даже

такие люди, как Бодхидхарма и Ма-цзы, не говорили о ней. Они просто обходили ее стороной. Эти люди делали то, что хотели, — и их действия шли вразрез с Ланкаватара-сутрой, — но они не упоминали этот текст, поскольку он им нравился. Он настолько совершенно красив, что им просто пришлось бы идти против себя. Поэтому они не упоминали эту сутру, просто обходили ее вниманием, и при этом проповедовали мгновенный дзэн. Они вступили в противоречие с основами Ланкаватара-сутры, но нашли — ведь Бодхидхарма и Ма-цзы были, несомненно, очень находчивы — совершенно новый подход к проблеме. Просто отбросили идею постепенности и предложили идею мгновенного дзэн.

Практические последствия этого шага неоченимы. В тот миг, когда ты отбрасываешь постепенный дзэн, любая дисциплина оказывается бесполезной, ритуалы бесполезны, служение бесполезно. Единственное, что сохраняет свое значение, — медитация и непрерывное свидетельство в настоящем. Я скорее согласен с ними, чем с Ланкаватара-сутрой.

Исан работал в том же направлении, — но он был не настолько гениален, чтобы выдвинуть нечто сравнимое по глубине и величию с Ланкаватара-сутрой. Поэтому он оказался в трудном положении.

Школа, сложившаяся в результате работы Исана и Кёдзана, пыталась формализовать отвергающую сутры позицию Ма-цзы.

Ма-цзы отвергал сутры, но ему достало способностей дать что-то взамен — ибо нельзя просто так отнимать у людей то, что приносит им утешение. Нужно предложить им что-то другое, иначе твоя работа не

конструктивна, а деструктивна. Как Бодхидхарма, так и Ма-цзы предложили нечто взамен.

Бодхидхарма разработал собственные методы, которых нет в *Ланкаватара-сутре*. Ма-цзы пошел еще дальше: крики и побои были вообще неслыханным прежде делом. Это было чем-то совершенно новым — оказывается, просветления можно достичь, если мастер вовремя ударит тебя или накричит в нужный момент; оказывается, сам его крик уносит сознание в глубочайший центр твоего существа. То, что медитация делает медленно, шаг за шагом, хороший выкрик мастера совершает сразу, внезапно, — ученик задает какой-то вопрос, а мастер вскакивает и кричит на него, или бьет, или вышвыривает за дверь, или перепрыгивает через него... Эти методы прежде не были известны. Они — продукт чистого и плодотворного гения Ма-цзы, и с помощью этих методов достигли просветления многие.

Иногда это выглядит очень весело: человек приходит спросить, о чем ему медитировать, а Ма-цзы выбрасывает его из окна второго этажа. И не просто выбрасывает — выпрыгивает следом, валится на него, садится на грудь и спрашивает: «Понял?»

И бедняга отвечает: «Да», — поскольку, если ответишь «нет», мастер может тебя отлупить или сделать что-то еще. Этого достаточно — ученик лежит с поломанными костями, а Ма-цзы сидит у него на груди и спрашивает: «Понял?»

Ученик и на самом деле понял, ибо все это было неожиданно, как гром среди ясного неба, — а иначе он, может быть, никогда так и не постиг бы. Он слышал, что Ма-цзы бьет людей, кричит на них, но никогда не слышал, чтобы он выбрасывал их из окна второго этажа. У него переломаны кости... а тут еще Ма-цзы пры-

гает сверху и усаживается на грудь. В этот момент он был в таком шоке, что разум перестал функционировать, — а ведь именно в этом и состояла цель мастера. Разум не функционирует, Ма-цзы сидит на груди, глядя тебе в глаза, — и рождается великая тишина, то же самое блаженство, что приходит с медитацией. Очень странный способ!

Его анти-сутровая позиция — Ма-цзы сжег сутры. У буддистов больше писаний, чем в любой другой религии, поскольку тридцать две школы создали свои тексты, комментарии и комментарии к комментариям, — это просто целый мир литературы. Он сжег сутры, но предложил кое-что взамен.

Исан хотел быть вторым Ма-цзы, но ему не доставало силы характера, которая была у этого человека. Не так просто выбросить ученика из окна, а затем ответить, когда он пожалуется на свои переломы: «Забудь о сломанных костях! Каждый из нас когда-то умрет. Ты умер сегодня. У человека не такой уж большой выбор — всего семь дней в неделе, и он умрет в один из них. Но ты понял, и это самое главное».

В состоянии глубочайшего шока человек просто достиг своего центра. В момент шока такое бывает. Иногда это происходит случайно: твой автомобиль не вписывается в поворот, летит с откоса дороги и несколько раз переворачивается. Очевидно, разум перестанет функционировать, и, если ты понимаешь дзэн, это происшествие станет для тебя огромной возможностью, ибо ты окажешься в центре своего существа. Возможно, ты умрешь, но, если ты знаешь что-то о дзэн, этого не произойдет. Смерть придет только к твоему телу, а сознание расправит крылья и улетит на свободу.

Нужно сделать дзэн доступным каждому человеку на планете, ибо никто не знает — ежедневно проис-

ходят тысячи катастроф, но поскольку людям не известно, как их использовать, они теряют великие возможности. Ты переломал почти все кости и оказался в больнице, — а ведь этот случай мог превратить тебя в будду.

Я часто думаю, что, если бы Ма-цзы жил в наши дни, он мог бы намеренно пустить твою машину под откос, затем побежал бы следом, вытащил бы тебя из-под обломков и задал бы тебе вопрос: «Понял?»

Но Исан был не таков... потому что он заботился о респектабельности. Такие люди, как Ма-цзы, ничуть не заботятся по поводу того, что о них думает мир. Мир считает их безумцами — что с того? Они говорят в ответ: «А мы думаем, что безумен мир!»

В этом отношении мы все равны: мир считает безумными нас, а мы считаем безумным его. Самое главное, что наше безумие блаженно, экстатично и разумно, а безумие мира — это лишь деградация, боль и страдание. Итак, если и мы, и мир безумны, то лучше выбрать *наше* безумие. Их безумие — это только страдание, трагедия, которую можно разыгрывать от колыбели до могилы; от смерти до рождения и до новой смерти. Это и называется колесом рождений и смертей. Об этом и идет речь в нашей сутре.

Сутра:

*Однажды Исан заметил, обращаясь к Кёдзану:
«Все будды в самадхи входят в пылинку и возвращают великое колесо закона».*

Это мифологическое колесо, которое вращается без конца, а ты все время цепляешься за одну из его спиц. Вновь и вновь происходит одно и то же: рождение, брак, работа, невзгоды, смерть — и снова рождение.

Но кто вращает это колесо? — в этом и состоит суть вопроса, заданного Кёдзаном.

«Все будды в самадхи входят в пылинку и возвращают великое колесо закона». — «А как же ты?» — спросил у него Кёдзан.

Здесь проявляется мягкость, теплота, смиренность Исана. Этот мифологический мотив... ни один будда не превращается в пылинку и не вращает колесо. На самом деле будды пытаются покинуть это колесо. Каждый будда пытается вывести тебя из колеса рождений и смертей. Ты умирал и снова рождался много раз. И ты не обретаешь тут ничего вселенского, вечного, — ты всего-навсего актер в драме. Занавес поднимается, занавес опускается, — и это происходит снова, и снова, и снова.

Очень хорошо, что прошлые жизни не остаются в памяти, иначе ты бы сразу сошел с ума, ибо делал все это уже столько раз, что просто непонятно, как человек может быть таким идиотом, таким вечным идиотом... ты делал все это из века в век, на протяжении многих жизней — одно и то же, ничто не изменилось, ты ничему не научился.

Работа будды состоит в том, чтобы помочь тебе выйти из этого порочного круга.

Итак, вопрос изначально поставлен неверно, но Исан, будучи человеком смиренным и вежливым, не сказал этого. Если бы кто-то задал подобный вопрос Ма-цзы, то получил бы такую хорошую взбучку, что больше вообще никогда ни о чем бы не спрашивал. Ма-цзы заявлял снова и снова: «Не важно, что ты говоришь, все равно я отвечу ударом. И не думай, что я колочу тебя потому, что ты говоришь что-то не то!

Я колочу тебя потому, что ты вообще говоришь, — а я хочу, чтобы ты достиг точки, где ничего уже не может быть сказано».

Итак, говоришь ли ты что-то правильное или неправильное — не важно. В любом случае, это поверхностно. Удар тебе обеспечен. А какую форму он примет? Непредсказуемо. Никто не знает, выбросит ли мастер тебя из окна или ударит ногой в грудь... и еще он обычно носил с собой большую палку... Это был редкостный человек, второго такого, наверное, уже не будет: он ходил как корова, на всех четырех, и смотрел взглядом тигра. В его глазах плясало пламя, как в глазах у тигра, а его поведение... всю жизнь на всех четырех... Он никогда не ходил по-человечески, это было бы ниже его достоинства. Ма-цзы обладал огромной физической силой, и от него можно было ожидать чего угодно — чего угодно! Никто не знал, что он сделает в следующий миг. И как же любили этого человека!

Если бы кто-то задал этот вопрос Ма-цзы, то без множественных переломов не обошлось бы, поскольку в вопросе совершенно нет смысла.

Но Исан был смиренным человеком. Когда Кёдзан спросил у него: «А как же ты? Ты тоже будда. Превратился ли ты в пылинку? Помогаешь ли ты вертеть вечное колесо дхармы?»

«Здесь есть некто. И, беря его в пример, мы можем перенять это у него», — ответил Исан.

Исан уклонился от ответа на вопрос: «А как же ты?» — поскольку, для того чтобы ответить: «Да, я будда», — нужно гораздо больше смирения, чем было у Исана. Провозгласить себя буддой — не есть проявление эго, поскольку отсутствие эго является необходимым

качеством будды. Когда ты утверждаешь: «Я — будда», — ты тем самым говоришь: «Меня больше нет». Это просто другой способ сказать, что тебя больше не существует — осталось только чистое осознание, свидетельствование.

*Кёдзан указал на кувшин из-под воды и сказал:
«Войди, пожалуйста, в него».*

Если ты — будда и можешь превратиться в пылинку, то вот кувшин — войди в него.

«Все будды своими оккультными силами пребывают в горлышке этого кувшина, между тем вращая великое колесо закона, — отвечал Исан. — Видишь ли ты это?»

Сейчас он говорит не по существу. Вместо того чтобы прямо сказать: «Твой вопрос не имеет абсолютно никакого смысла», вместо того, чтобы сказать: «Да, я будда, но ни один будда не вращает колесо. Каждый будда пытается остановить колесо жизни, чтобы все обрели вечность — где нет ни смерти, ни рождения», — он заходит еще глубже в дебри. И все из-за того, что он старается оставаться смиренным и не хочет уподобиться Бодхидхарме...

Бодхидхарма как-то раз сказал китайскому императору Ву: «Ты — полный идиот!» Любому другому человеку Ву велел бы отрубить голову, но, глядя на Бодхидхарму, он понял: «По сравнению с ним я действительно идиот. Он — не грубиян. Он просто говорит то, что есть». Это показывает высокую культуру сознания у императора. Но Исан этим качеством не обладал, поэтому полез еще дальше в дебри.

Кёдзан указал на кувшин и сказал: «Войди, пожалуйста, в него». Это может послужить вам хорошим предостережением: если вы чувствуете, что начинаете заходить в дебри абсурда, то постарайтесь остановиться в самом начале! Чем дальше вы забредаете, тем труднее остановиться. Если вы войдете в абсурд на один шаг, то для того, чтобы быть последовательным, вам придется сделать следующий, — а куда это вас приведет? Так что лучше с самого начала сказать: «Это — чепуха!»

Но Кёдзан был лучшим учеником Исана, и они совместными усилиями пытались создать новую дзэнскую школу. Так что, естественно, он не мог нагрубить Кёдзану, — ведь тот был его последователем. Исан слишком трепетно относился к этому человеку — в этом его ошибка, и в этом причина, почему японские дзэн-буддисты совершенно игнорируют Исана. В Японии о нем не говорят ни слова.

Хорошенько задумайтесь над этим: вы можете пользоваться большим уважением среди современников, но никто не вспомнит вас в грядущих поколениях. Вас совершенно забудут, словно имя, начертанное на воде. Но тех, кого проклинаят современники, нередко помнят потомки.

Мне вспоминается Сократ. Главный судья, приговоривший Сократа к смертной казни через отравление, — был в Греции такой способ казни, — говорил, что Сократ близок ему по духу. Сократ спорил в суде на протяжении многих дней. Никто не мог переспорить его по той простой причине, что у Сократа не было собственной позиции. Он никогда ничего не предлагал, — никакого бога, которого можно было бы обсудить, о котором можно было бы поспорить. Он никогда не предлагал *ничего*. И ты оказываешься в

трудном положении: что бы ты ни говорил, он может это оспорить. Он был великим гением аргументации. Сократ противоречил всем и мог переспорить любого. На главного судью он произвел огромное впечатление.

Греция в те времена состояла из городов-государств, где существовала демократия, очень отличающаяся от нынешней. Каждый гражданин имел право голосовать по любому вопросу, а судьба Сократа была настолько важна для всех, что для ее решения собрались все горожане. Главный судья не хотел смерти Сократа... он видел, что этот человек невиновен; к тому же Сократ был гордостью Афин. Но пятьдесят один процент афинян желали его смерти. Судьба Сократа зависела всего от двух процентов, — ведь сорок девять процентов горожан проголосовали за то, чтобы отпустить его. Но вопрос был закрыт: решение зависело от процентного соотношения голосов.

И судья вынес смертный приговор, хотя он был ему и не по душе. Прежде чем огласить перед горожанами свое решение, он сказал Сократу:

— Лично я против того, чтобы тебя казнить. Я хочу дать тебе возможность выбора. Конечно, я вынужден приговорить тебя к смерти, ибо такова воля пятидесяти одного процента горожан. Но ты можешь уйти за пределы Афин — туда, где наши законы уже не действуют. Поселись у самой границы города, и к тебе по-прежнему смогут приходиться люди.

Сократ отказался. Он ответил:

— Мне некуда идти. Если даже афиняне — жители самого культурного города Греции — хотят моей смерти, то кто позволит мне жить? В любом другом месте я буду еще большим чужаком. Я прожил здесь всю жизнь. Я никому не причинил вреда, и все же пятьдесят один процент граждан проголосовали против меня,

они хотят, чтобы я был мертв. То же самое повторится в любом другом месте.

Судья вынужден был признать, что Сократ прав. Он сказал:

— Есть еще один выход: перестань учить; дай обет молчания.

— Это невозможно! — ответил Сократ. — Слишком много людей блуждают во тьме, а я знаю путь и могу им его показать. Нет, я не в силах молчать, видя, как люди блуждают во тьме и слепоте. Мне придется говорить.

— Ты лишил меня выхода, — сказал судья. — Осталась одна альтернатива: приготовься, этим вечером тебе принесут яд.

— В этом нет ничего страшного, — отвечал Сократ. — Каждый из нас однажды умрет. Я готов! Но помни: твое имя останется в памяти людей лишь благодаря мне. Без меня никто даже не знал бы, что ты жил на земле.

И это правда. Никто уже не помнил бы об этом судье, если бы Сократа не казнили. Но Сократ, вне сомнения, не сотрется из памяти людей, пока они живут на этой планете.

Исана забыли не случайно... он уделял слишком много внимания общественному мнению, а истинный Мастер не заботится о том, что говорят люди. Он здесь не для того, чтобы достичь с кем-то согласия. Он здесь для того, чтобы провозгласить истину. А согласен с ним кто-то или нет — не существенно. В этом вся загвоздка... Исана совершенно неправильно понимал смирение. Его смирение превратилось в компромисс, его смирение превратилось в страх, иначе он должен был сказать Кёдзану в самом начале диалога: «О чем

ты говоришь? Будды превращаются в пыль?! Будды — единственные, кто не превращаются в пыль! Они превращаются в космическое сознание».

Но поскольку он не сказал ни слова против Кёдзана, тот спросил: «А как же ты?»

Будучи человеком смиренным, Исана не мог ответить: «Я тоже будда». Именно этого и добивался Кёдзан — посмотреть, как ответит Исана, и выяснить, «действительно ли он смиренен». Но быть смиренным не значит идти на компромисс с ложью или соглашаться с абсурдными утверждениями. Быть смиренным не значит проявлять дружелюбие ко лжи. Смирение — не овца, оно должно быть львом. Но поскольку Исана хотел создать школу, отличную от школы Ма-цзы, он попал в затруднительное положение: он не мог кричать, раздавать тумаки, а также делать все остальные вещи, которые делали мастера со времен Будды. Он хотел создать нечто совершенно новое и оригинальное, но у него для этого не хватало способностей.

Он был простым смиренным человеком — но не очень смелым. А смирение требует больше смелости, чем что бы то ни было. Для того чтобы быть ничем, нужно больше силы духа, чем для того, чтобы быть чем-то. Когда его спросили: «А как же ты?» — он должен был ответить: «Я будда, — и ни один будда не помогает вертеть колесо жизни и смерти, ни один будда не превращается в пыль. А ты говоришь полную чепуху. Поскольку я не Ма-цзы и поскольку я хочу создать новую школу, ты прекрасно знаешь, что я не стану кричать на тебя и колотить тебя, — но это не означает, что ты можешь без конца задавать мне дурацкие вопросы. Ведь я, по меньшей мере, могу без криков, без побоев, тихо, спокойно и ласково сказать тебе: “Не будь дураком!”» Но Исана не сумел сделать даже этого.

Кёдзан указал на кувшин из-под воды и сказал:
«Войди, пожалуйста, в него».

Это именно то, о чем я говорил: не соглашайся со всякими глупостями, ибо обратной дороги не будет. После того как Исан признал, что будды превращаются в пыль и вращают колесо жизни и смерти, Кёдзан тащит его еще дальше. Теперь он говорит: «Пожалуйста, войди в эту бутылку. Ты — будда».

Исан ответил:

«Все будды своими оккультными силами пребывают в горлышке этого кувшина».

Что за чушь! Оказывается, все будды выбрали какую-то бутылку в доме Исана и столпились в ее горлышке. И теперь Исан никак не может влезть в бутылку, поскольку она занята. Стоит принять одно абсурдное утверждение, и конца этому не будет: тебе придется признавать все новые и новые нелепости. Ты будешь запутываться все больше.

И что же там делают все эти будды? Они вращают великое колесо закона — прямо в бутылке! Даже я врезал бы ему как следует, хотя я и против насилия. Послушайте, что он говорит: «Они вращают колесо закона. Видишь ли ты это?»

«Это колесо всех будд, — сказал Кёдзан. — Как ты повернешь его?»

«Это невозможно, если мы отделены от него», — заметил Исан.

Тут Кёдзан поклонился.

Исан перестал упорно отстаивать чепуху, и его последнее утверждение оказалось верным — именно поэтому поклонился Кёдзан. Он спросил: «Как ты повернешь его?»

«Это невозможно, если мы отделены от него, — заметил Исан. — Меня уже нет рядом с колесом. Я еще жив и не превратился в пылинку. Поэтому я отделен от колеса и не могу его вращать».

Но сама идея, будто будды превращаются в пыль, а затем их задача состоит в том, чтобы вертеть колесо жизни и смерти, настолько нелепа, она настолько противоречит самому духу дзэн, что Исан заслуживает хорошей взбучки. Если кто-то когда-нибудь встретит Исана, всыпьте ему как следует — от моего имени!

Сосёки писал:

*Добродетель и сострадание вместе
Составляют целостность каждого.
Все то, что приходит через ворота
Извне,
Не может быть семейной драгоценностью.
Вышвырнув прочь весь хлам
Своего сердца,
Ты приходишь с пустыми руками
И приносишь спасение.*

Прекрасные стихи, и они исполнены глубокого смысла.

Добродетель и сострадание вместе составляют целостность каждого.

Сострадание — это, в действительности, другое название добродетели. Все проявления добродетели являются в то же время проявлениями сострадания. Это не два различных явления, это просто разные названия одного и того же качества.

Все то, что приходит через ворота извне, не может быть семейной драгоценностью.

Он говорит: «Все то, что приходит извне, нельзя считать твоим сокровищем. Твое сокровище уже внутри тебя, не нужно ждать его снаружи».

Вышвырнув прочь весь хлам своего сердца, ты приходишь с пустыми руками и приносишь спасение.

Если ты способен выбросить все, что пришло извне, твое пустое сердце, твое пустое существо становится величайшим сокровищем, которое приносит тебе спасение.

Именно это мы и делаем во время наших медитаций. Наши медитации суть концентрация дзэн. Очень просто, очень весело, очень игриво мы пытаемся отыскать внутри себя сокровище. Нет нужды относиться к этому серьезно. Оно тут, нужно просто пройти немного внутрь — фактически, всего один шаг — и ты дома.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Мастер!

В последние дни, когда ты произносишь слово «свидетельствование», оно производит на меня

такое же воздействие, какое недавно произвели слова «любовь» и «взаимоотношения». Я слышу это слово, и оно становится пищей, питающей что-то жизненно важное внутри меня.

В этом ли состоит искусство Мастера — пробуждать голод, о котором человек прежде не знал?

Да, Маниша. Функция мастера состоит именно в том, чтобы помочь вам осознать собственную жажду, собственный голод, собственные стремления, которым вы прежде не решались взглянуть в лицо.

Искусство мастера состоит именно в том, чтобы человек испытал жажду и голод, побуждающие его проникнуть в собственное существо, — ибо если он не проникнет в собственное существо, то останется слеп и будет обречен на тьму. Ему придется выстрадать рождение, и выстрадать смерть, и выстрадать все, что происходит между ними.

...Вывести тебя за пределы страданий, открыть перед тобой свободу целого неба... создать в тебе неодолимую тягу — ибо кто знает... возможно, завтра меня здесь не будет; возможно, завтра здесь не будет тебя. Нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, — если человек хочет что-то сделать, он должен собрать все свои силы прямо в этот миг.

Достичь собственного центра — это не та задача, которую можно отложить на потом. Все остальное можно отложить, но не проникновение в собственный центр, поскольку именно в этом состоит цель жизни. Это единственная стоящая цель. И это твой собственный источник, так что если ты приложишь достаточное усилие, чтобы его найти, то найдешь обязательно.

Никто не может не стать буддой, — разве что отложить это на потом. Можно отложить на завтра, на следующую жизнь, — но рано или поздно, в этом столетии или в другом вы не избежите контакта с собственной природой. Так почему бы не сделать это прямо сейчас?

Но прежде чем вы сделаете это... ибо, возможно, вы вернетесь, а возможно не вернетесь...

Ниведано не позволит вам зайти слишком далеко. В тот момент, когда он видит, что несколько человек зашли слишком далеко, он сразу же зовет их обратно.

И это самое время позволить Сардару Гурудаялу Сингху как следует повеселиться, ибо — кто знает? — он может вернуться, а может не вернуться, и тогда ему больше не придется смеяться. Так что прежде, чем войти, посмейтесь. Смех поможет вам стать легкими как смех; смех привнесет в вашу медитацию радость, красоту, беззаботную игру.

Все религии во все века считали медитацию исключительно серьезным делом. На мой взгляд, это приискорбно, поскольку никто не хочет быть серьезным, — жизнь и так делает людей достаточно серьезными, и никто не хочет завязнуть в еще одном серьезном деле.

Но на самом деле медитация — несерьезное занятие. Это одно из самых простых, самых спокойных... танец к своему существу.

Но, в любом случае, вначале Сардар Гурудаял Сингх.

Бонзо, конный полицейский из Австралии, навсегда повесил седло на стенку и сказал своему старому верному псу:

— Так-то, Билл. С меня хватит. Я решил стать водителем грузовика.

День за днем Бонзо упражнялся в вождении, и вот наконец настало время сдавать экзамен.

— Ну-ка скажите мне, — спрашивает экзаменатор, — что вы станете делать, если на дороге перед грузовиком выскочит кенгуру?

— Заторможу, — отвечает Бонзо, — и шугану ее.

— Хорошо, — говорит экзаменатор, — а предположим, вы наехали на кактус-опунцию и прокололи шину, что тут делать?

— Достану пару баночек пива, съем опунцию, запью пивом, затем поменяю колесо и поеду дальше.

— Хорошо, — говорит инструктор. — Еще один вопрос: допустим, вы едете по двухполосному шоссе и навстречу вам движется другой грузовик. Вдруг вас начинает обгонять еще один грузовик, и тут вы видите, что четвертый грузовик обгоняет встречную машину. Избежать столкновения нет никакой возможности... Что вы будете делать?

— Ну что ж, — отвечает Бонзо с веселой улыбкой, — тогда я разбужу Билла.

— Да? — говорит экзаменатор. — А кто такой Билл?

— Билл — это мой пес.

— Да? А что толку будить вашего пса?

— Толку-то никакого, — отвечает Бонзо, — но Билл любит хорошие фейерверки!

Однажды солнечным утром великолепная Глория уселась в свою красную спортивную «альфаромео» и поехала кататься за город. Она мчитя среди живописных лугов, и вдруг мотор начинает

бешено тархтеть и фыркать. Глория съезжает на обочину и выходит из автомобиля.

Очевидно, машина больше никуда не поедет, а солнце клонится к закату, поэтому Глория направляется к ближайшему сельскому дому и рассказывает, какая беда с ней приключилась.

Старина Зеб, крестьянин, предоставляет Глории комнату на ночь.

Проснувшись утром, Глория пошла прогуляться по двору, забрела в сарай и увидела, как дочь Зеба доит корову.

— Забавно, — говорит Глория. — Можно попробовать?

— Конечно, — отвечает девушка, вставая со скамеечки.

Глория усаживается около коровы, берется за соски и начинает их мять. Через пару минут она спрашивает у девушки:

— Эй, послушай, а сколько нужно дергать эти штуки, чтобы они затвердели?

Контр-адмирал Ковальский, главнокомандующий Польских Военно-Морских Сил, решил совершить внезапную инспекцию на флоте. Он берет летчика-аса, капитана Клифского, они усаживаются в небольшой гидроплан и летят в один из портов.

Во время полета Ковальский берет на себя управление самолетом и направляет его на посадку к ближайшему шоссе.

— Гм! Прошу прощения, пан, — говорит капитан Клифский, — однако этот самолет приспособлен к посадке только на воде, но никак не на суше.

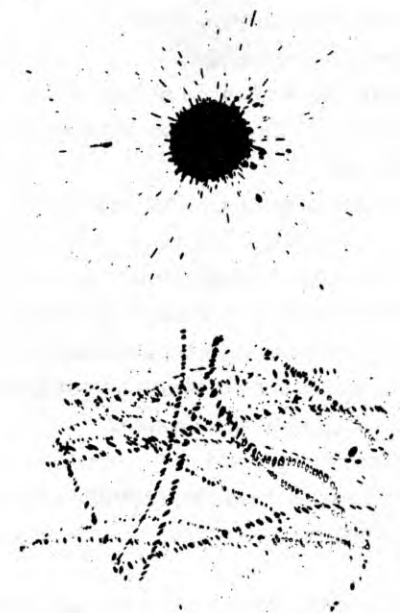
— Ах да! Дурень я, дурень! — восклицает польский морской волк, разворачивает самолет к гавани и безупречно сажает его на воду.

Поднявшись с кресла, контр-адмирал Ковальский обращается к капитану Клифскому:

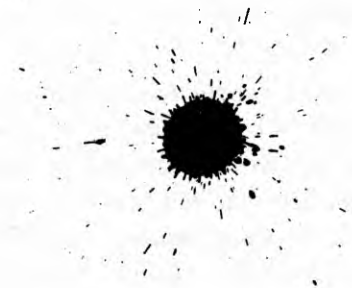
— Я хочу поблагодарить тебя, капитан, за то, что тебе достало вежливости и такта уберечь меня от большой ошибки. Если бы не ты, я мог бы выставить себя полным идиотом!

Контр-адмирал Ковальский браво отдает честь, открывает дверь и шагает через порог — прямо в море!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина. Закрой глаза.

Ощути, что твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь себя,
собирая все свое сознание,
всю жизненную энергию в копьё,
направленное к самому центру твоего существа.
Это один шаг,
и все, что тебе нужно, — не медлить.

Глубже и глубже... помни:
в центре остается только свидетель,
только крохотный огонек осознания.
Кажется, твое тело осталось за много миль
от тебя — а разум еще дальше.
Ты всего лишь свидетель,
и это свидетельствование превращает
тебя в будду.

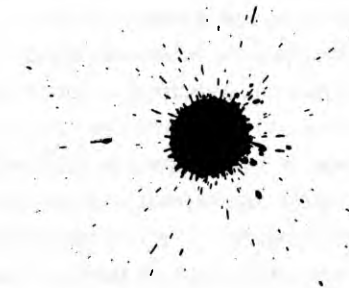
Я не проповедую буддизм, я проповедую будду.

Я не хочу, чтобы ты усвоил какую бы то ни было
философию, какое бы то ни было учение.

Я хочу, чтобы ты узнал,
что сам являешься буддой.

В этот момент свидетельствования на тебя
нисходит великая тишина —
великое благоухание нового измерения.
Ливнем ниспадают цветы...
просто оставайся в центре.

Чтобы стало понятнее,
Ниведано...

Расслабься. Оставайся свидетелем.
Это единственное качество,
которое проходит с тобой через вечность.
Это и есть твоя вечность.
Это — твоя истинная жизнь.

Тело уйдет в землю.
Лишь одно в тебе бессмертно,
и это способность к свидетельствованию.

Этот вечер прекрасен сам по себе.
Но присутствие десяти тысяч будд, наслаждаю-
щихся великолепием свидетельствования,
придают ему совершенно невиданное величие.

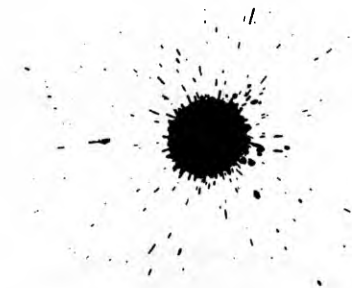
Я вижу, как Будда-Холл превращается
в озеро сознания.
Как отдельный индивидуум, ты исчезаешь,
растворяешься в безмятежном Космосе.
Собери столько опыта...
ведь ты должен принести будду
в повседневную жизнь.

Мы — не отшельники, мы — ликующие.
Я хочу, чтобы мои будды пели, танцевали, любили,
расцветали яркими цветами во всех измерениях.
Нам принадлежит вся жизнь.
Нам нечего отвергать, но нужно все
трансформировать, очистить, сделать лучше.

В этот миг вы — самые везучие люди на земле.
Именно вам предстоит распространить
этот спокойный огонь по всему земному шару.
Лишь этот спокойный огонь может спасти нашу
планету от разрушения.

И времени осталось мало...
всего двенадцать лет.
Либо победят те, кто утверждают жизнь,
либо все уничтожат те, кто ее отрицают
и рушат. Еще никогда не нужно было так спешить
стать буддой, как сегодня.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда —
с тем же изяществом, с той же тишиной,
с тем же танцем в сердце.

Просто посиди несколько секунд, оставаясь никем,
и вспоминай золотую дорожку, по которой ты шел
в свое сердце, а теперь вернулся обратно.

Будда подходит все ближе к твоей окружности.
Вскоре он станет самой этой окружностью. Это
будет день великого ликования.

- Хорошо, Маниша?
- Да, любимый Мастер.

Просто будь здесь

Наш любимый Мастер...

Исан сказал Кёдзану:

— Когда ты был с Хякюдзё, я слышал, что, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

— Я бы так не сказал, — ответил Кёдзан.

— Попробуй сказать что-то, что выражало бы высшую сущность буддизма, — попросил Исан.

Едва Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, как Исан закричал:

— Квац!

Кёдзан еще дважды пытался заговорить, и оба раза Исан обрывал его выкриком.

Кёдзан склонил голову и заплакал, говоря:

— Мой бывший учитель сказал, что, когда я встречу другого, на меня снизойдет просветление. Сегодня я его встретил. Три года прошло с тех пор, как я отправился на поиски буддовости, и оказывается все это время я всего лишь ухаживал за коровами.

Маниша, вчера я вам говорил, что Исан изо всех сил старался восстать против Ма-цзы, — дело не в том, что он не любил Ма-цзы, но Ма-цзы превратился в традицию, а Исан хотел уйти от традиционного ума, ибо традиция убивает всё. Она делает мертвых важнее живых.

А это так нелепо — принуждать живых поклоняться мертвым вместо того, чтобы искать новые, более глубокие уровни жизни внутри себя. Людям предлагают

плюшевых мишек извне, предлагают утешение — гадкое, унижительное утешение...

Поэтому, когда Будда превратился в традицию, Бодхидхарма восстал — не против Будды, но против традиции. Кто может восстать против будды? Будда — это твоя природа. Ты можешь зайти сколь угодно далеко, но от природы не уйдешь. Она останется с тобой. Будда — высочайшая вершина твоего сознания.

Мы используем слово «будда» не в историческом значении. Гаутама Будда был лишь одним из будд. Звание «будда» не относится только к нему лично, это просто свидетельство, возвращение *домой*. Конечно, этот человек стал символом, — и этот символ прекрасен, если не превращать его в традицию, если поддерживать в нем жизнь, если не боготворить его, но просто любоваться его красотой, его тишиной, его благодатью, помня о том, что все это принадлежит тебе.

Итак, когда Бодхидхарма восстал, он восстал не против Будды, — никто не может бунтовать против будды, — но против ученых мужей, против пандитов и ритуальной религии, которая сформировалась на костях Гаутамы Будды после того, как его не стало. Однако Бодхидхарма точно так же стал традицией. Бунт против буддийской традиции — очень трудное дело, но Бодхидхарма справился с ним необычайно хорошо. Его мятеж возносит его на одну высоту с Буддой Гаутамой. Бодхидхарме удалось, — ведь это был гениальный мыслитель, — создать совершенно новую атмосферу для искателей пути.

Но, как только он умер, все повторилось... Бодхидхарма стал образцом для подражания, для *следования*. Ма-цзы не мог спокойно смотреть на такую глупость. Он должен был взбунтоваться. И опять-таки, его мя-

теж направлен не против Бодхидхармы или Будды, а против инерции, которую создает традиция.

Однако для того, чтобы восстать, нужно обладать огромной смелостью, умением выразительно передавать свои идеи и огромным самообладанием — что подразумевает не только владение собой, но и власть над разумом как таковым. А разум выражает себя тысячами путей! Мастеру приходится иметь дело с тысячами его разновидностей, и он должен быть готов без подготовки взаимодействовать с любым таким путем.

Ма-цзы это удалось даже лучше, чем Бодхидхарме. Его революция против любых традиций, против любых сутр стала колоссальным событием в истории сознания. Он сжег сутры. Он просто заставил учеников смотреть не наружу, но внутрь.

Теперь, когда сам Ма-цзы стал традицией, Исан попытался восстать против него. Но Исан не обладал теми качествами, что Ма-цзы или Бодхидхарма. Он был достаточно умен, чтобы видеть, что традиция прогнила и необходимо отыскать новые источники жизни, иначе учение превратится в мертвое дерево. На нем уже не распускаются цветы.

Разумом Исан понимал, в чем проблема, но он не был тем мастером, который мог бы справиться с таким грандиозным делом: бунт против традиции — это бунт против четырех миллионов лет работы разума, против всей его структуры. А людей можно убедить в чем-то лишь в том случае, если ты обладаешь таким *присутствием*, такой магнетической силой, что пришедшие к тебе люди готовы отбросить все прошлое лишь ради тебя. Исан не был способен на такую великую любовь.

Поэтому я вчера сказал вам, что его сутры смиренны и просты, но в них нет блеска и величия. Сегодня вы увидите, что он вернулся к Ма-цзы. Исан не сумел

найти замены Ма-цзы. Он хотел порвать с традицией, сложившейся в результате деятельности Ма-цзы, но у него не было величия этого человека. С этим справился бы только некто еще более великий — а Ма-цзы обладал невообразимым величием. Почти невозможно найти кого-то, кто превзошел бы Ма-цзы — с его изобретательностью, с его творческим потенциалом, с его полной непричастностью к миру, — еще никто не сумел оставить этого человека позади.

Исан хотел порвать с традицией. Он пытался, но не мог не видеть, что из этого ничего не выходит, — его методы не работают. Исан был достаточно умен, чтобы видеть: он ничего не может предложить взамен методов Ма-цзы, который кричал на учеников, бил их, вышвыривал из комнаты, закрывал у них перед носом дверь. Исан не знал, что делать. Люди привыкли ожидать от мастера неожиданного. Исан был добрым учителем, но не в доброте дело.

Ма-цзы был очень выразительным, очень притягательным учителем — он жил так, как никто другой. Всю жизнь он ходил подобно корове и глядел по сторонам подобно тигру. Глаза и лицо тигра, невинность и красота коровы — удивительное сочетание! И он никогда не тревожился об адекватности, о респектабельности, о нормах поведения. Этот человек действовал спонтанно... он даже сам не знал, что произойдет в следующий миг; а все, что происходит спонтанно, — правильно.

Больше никто не жил настолько спонтанно. Очевидно, постороннему наблюдателю Ма-цзы казался нелепым, немного безумным. Но он неодолимо притягивал к себе искателей истины. Они видели за глазами тигра взгляд Будды; видели за его внешним поведением внутреннюю красоту, внутреннюю радость, внутреннее величие и способность передать свой светильник другим.

Исан был человеком совершенно другого склада. Он попытался восстать против традиции Ма-цзы, но в конце концов вынужден был вернуться к разработанным им техникам. До Ма-цзы этих техник не существовало.

Исан сказал Кёдзану:

— Когда ты был с Хякудзё, я слышал, что, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

Кёдзан — главный ученик Исана, и когда-то он должен был стать его преемником. Вслух об этом не говорили, но все ученики знали, что однажды Кёдзан сменит мастера. Поэтому Кёдзан обладал привилегией задавать любые вопросы — ведь когда-то люди будут обращаться с теми же вопросами к нему.

И вот Исан спрашивает:

— Когда ты был с Хякудзё, я слышал, что, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

Тем самым он говорит: «Я слышал, будто ты обладаешь такой мудростью, что, если задать тебе один вопрос, ты можешь ответить на него с десяти разных сторон. Хякудзё очень высоко оценил твою многогранную мудрость».

— Я бы так не сказал...

— Попробуй сказать что-то, что выражало бы высшую сущность буддизма, — попросил Исан.

Высшую сущность буддизма невозможно выразить в словах даже один раз — а тем более рассказать о ней с десяти разных сторон. Даже ответить всего один раз — значит совершить ошибку, а ответить десять раз — совершить десять ошибок. Лишь тишина может служить ответом на вопрос о высшей сущности опыта Будды, то есть о его просветлении.

Едва Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, как Исан закричал:

— Квац!

«Квац» — это просто выкрик, но он косвенно означает «Заткнись!». Слово «заткнись» имеет определенное значение, поэтому мастер его избегает. Слово «заткнись» не обладает теми качествами, что «Квац!». «Квац» не принадлежит ни к одному языку, это просто выкрик, направленный на то, чтобы заткнуть собеседнику рот. Кёдзан за свою жизнь уже ответил на достаточное количество вопросов, и теперь ему больше не следует раскрывать рта.

Кёдзан еще дважды пытался заговорить, и оба раза Исан обрывал его выкриком.

А ведь крик — изобретение Ма-цзы. Новые средства, новые методы изобретать очень сложно. Для этого нужно быть человеком особого склада. Можно быть просветленным — это одно; можно идти по проторенной тропинке, использовать хорошо проверенные методы, и тем самым очень помогать людям. Но если мастер хочет быть отдельно стоящей вершиной, если он хочет стоять особняком, тогда ему нужно обладать качествами самого будды.

А с течением времени находить новые пути становится все труднее. Великие мастера приходили в мир не раз, и они исчерпали почти все возможные методы. И Исан отступил, ибо понял, что он просветленный, но не бунтарь. К тому же сражаться с Ма-цзы невозможно. Даже вообразить себе что-то такое, что можно было бы противопоставить Ма-цзы... Он просто всё исчерпал. Что бы ты ни сделал, это окажется беднее, это не будет так впечатляюще, так ново и оригинально, как методы Ма-цзы.

И в конце концов Исану пришлось вернуться к Ма-цзы. Эти его выкрики представляют собой шаг назад — ведь именно Ма-цзы придумал кричать на учеников. До Ма-цзы мастера не использовали крик, они использовали палки, которыми колотили учеников. Эти палки не ранят.

Несколько дней назад мне прислали дзэнскую палку из Кореи. Скоро сюда приедет первый просветленный немец — Нискрия, Каменная Голова, — и я ее ему подарю. Это очень хорошее приспособление — бамбук, продольно рассеченный надвое. С одной стороны рукоятка, а дальше палка разделена на две части. Когда бьешь человека такой палкой, она производит много шума, но вреда не причиняет.

Именно в этом смысл, но Ма-цзы... Ведь если внешне ударить человека, задающего уместный вопрос, то его ум остановится: «В чем дело?» Это непостижимо для ума. Весь смысл состоит именно в этом: разум должен замолчать хотя бы на секунду, и тогда наступает прозрение.

Когда эти истории были впервые переведены на другие языки, люди просто смеялись: «И в этом состоит их религия?» Им было очень странно читать, что мастер бьет ученика и тот внезапно обретает про-

светление. Люди не видели в этом никакой логики. Как это может быть, чтобы мастер ударил ученика, а тот в ответ поклонился ему, исполненный искреннего почтения и благодарности?

Но это *возможно*. И вы это в состоянии понять. Если при помощи какого бы то ни было метода хоть на миг остановить ум, ты сумеешь бросить взгляд на свою глубочайшую природу. Ты увидишь нечто невообразимо величественное и драгоценное — свою вечность. Мастер показал путь, ты понял, что разум должен прекратить свою деятельность. На миг ты узрел тропу, — так иди же по ней.

Но Ма-цзы обнаружил, что крик действует даже лучше, чем удар, ибо, если ты стукнешь кого-то по голове, его ум вовсе не обязательно перестанет думать. Возможно, он даже начнет думать еще интенсивнее: «В чем дело? За что меня ударили? Я задал совершенно уместный вопрос, — а это что за глупость такая?»

Но, когда мастер кричит, этот крик проникает в тебя глубже, чем любой удар. Удар касается только твоего тела, твоей головы, а крик пронзает тебя, словно копье, и само твое дыхание может на миг остановиться. Крик — это великий вклад, сделанный Ма-цзы. И конечно же, крик останавливает мышление на более глубоком уровне, чем любой удар.

Вы видите разницу: удар представляет собой физическое явление, крик — психологическое. А для того, чтобы остановить ум, нужен психологический удар. Крик — это разновидность удара, он невидим для глаза, но он бьет по разуму, потрясает его до самых глубин, оставляет его в полном изумлении.

Человек приходит издалека. Он много слышал о Ма-цзы, о его величии, о том, что этот человек принес просветление сотням, и тысячи живут в его монастыре.

Итак, преодолев сотни и сотни миль, человек приходит к Ма-цзы и задает ему какой-нибудь совершенно уместный вопрос, при этом совершенно не ожидая, что мастер накричит на него или свалит с ног, затем усядет-ся на грудь, заглянет в глаза и спросит: «Понял?»

Разум человека оглушен, и только, — но в этом состоянии оглушенного разума кроется возможность открыть собственную природу. Возможно, человек изо всех сил старался отыскать ее. Разум подобен бескрайним джунглям мыслей; в них можно блуждать и блуждать без конца. А крик — замечательный способ мгновенно вывести тебя из ума.

Но на это способен отнюдь не каждый, а только великий мастер. Исан хотел создать что-то новое, но не сумел. Поэтому он кричит, тем самым возвращаясь к старым методам Ма-цзы.

Кёдзан еще дважды пытался заговорить, и оба раза Исан обрывал его выкриком.

Кёдзан склонил голову и заплакал, говоря:

— Мой бывший учитель сказал, что, когда я встречу другого, на меня снизойдет просветление. Сегодня я его встретил. Три года прошло с тех пор, как я отправился на поиски буддовости, и оказывается, все это время я всего лишь ухаживал за коровами.

Крик сработал. Кёдзан жил у некоего учителя, но учитель — не значит мастер. Учитель способен передать тебе все наставления, которые содержатся в писаниях. Он может дать обширные знания, — и он дал их Кёдзану. Но то были времена великой честности — и в особенности во всем, что касается истины, никто не пытался обманывать других.

Итак, учитель сказал: «Я всего-навсего учитель. А просветленным ты станешь лишь тогда, когда встретишь Мастера. Я еще сам не нашел истину, поэтому со мной ты можешь только обрести эрудицию, стать выдающимся ученым, интеллектуалом. Я и сам до сих пор еще ищу мастера, который сумеет расшевелить меня и пробудить ото сна».

В дни Гаутамы Будды вся Индия наблюдала грандиозный феномен: тысячи людей ходили по стране в поисках Мастера. Они поселялись у того или иного учителя, затем выясняли, что он всего лишь учитель. И сам учитель в определенный момент говорил человеку: «Я уже сказал тебе все, что мог сказать, все, что слышал сам. Теперь иди дальше».

Даже Гаутама Будда в течение шести лет перед просветлением обошел многих учителей. И все они оказывались в очень неловком положении, ибо были очень известными учителями, им внимали тысячи последователей, но никто не мог вывести их на чистую воду, поскольку ни один ученик не следовал в точности всем их наставлениям. Поэтому ученики думали: «Мы сами виноваты. Мы не выполняем все, что нам говорят».

Но с приходом Будды начинались проблемы. Он делал даже немного больше, чем требовали учителя. За эти шесть лет он поставил очень многих из них в крайне затруднительное положение. Им приходилось признаться: «Я сам не достиг просветления, и все, что у меня есть, — только ученость. До сих пор меня никто не разоблачил, поскольку никто не подвергал меня испытанию. Люди слушали, люди были довольны, копили знания, приобретали ученость. Но тебя не интересуют писания, ты не ищешь знаний — ты все твердишь: «Я хочу познать истину!»»

Итак, Будда испытал все, чему они учили, — немислимые аскетические практики. Вы не поверите, но последний учитель сказал Будде, чтобы он сократил потребление пищи с одной трапезы в день — это исходное количество еды должно было помещаться в горсти, а это не так уж много! — и постепенно довел дневной рацион всего до одного рисового зернышка. Будда сделал это! Есть статуя, где от него остался только скелет, вся плоть растаяла, — ведь на то, чтобы дойти до одного зернышка в день, потребовалось три месяца. А много ли толку в одном зернышке риса?

Учитель никогда не думал, что кто-либо способен пройти через весь этот процесс, довести до конца этот пост, но Будда совершил его в полной мере и спросил: — Что еще?

Учитель отвечал со слезами на глазах:

— Я должен признать свое поражение. Я сам — не просветленный, но я давал людям задания, которых они не могут выполнить. Это позволяло мне сохранить лицо, сохранить свою репутацию. Ты разоблачил меня. Теперь я могу посоветовать только одно: иди дальше.

Тысячи людей ходили по стране в поисках мастера. Вокруг были тысячи учителей, но очень мало мастеров, которые знали истину из опыта.

Будда обрел просветление очень странным образом. В тот день, когда учитель сказал: «Ты должен идти дальше. Я только учитель, но не мастер. Я притворялся, мне так стыдно!» — Будда был совершенно истощен. От него остались одни кости, и он сидел под деревом бодхи в Бодхгайе.

Само название Бодхгайя возникло потому, что здесь обрел просветление Гаутама Будда; *бодхи* значит пробуждение, просветление. Благодаря Будде возник большой город, ибо множества людей захотели жить в том

месте, медитировать под тем самым деревом, где медитировал Будда, и практиковать ту же ходячую медитацию возле храма, возведенного позади дерева одним из правителей в память о просветлении Будды Гаутамы.

Будда купался в протекающей поблизости речке, Ниранджане. Это очень маленькая речушка, летом она настолько мельчает, что можно пересечь ее, не замочив колен. И вот Будда пришел туда искупаться, но он настолько ослаб, что не смог пересечь даже этот скудный поток. Ему пришлось ухватиться за свисавшую над водой ветку дерева, и он несколько секунд держался за нее, собираясь с силами, чтобы выбраться из реки. В этот момент он понял, что постом можно только убить себя, но не обрести просветление. Этот процесс годится для медленного самоубийства, но не для того, чтобы достичь самадхи.

«Если мне не под силу пересечь даже этот скудный поток, как же я перейду мифологическую реку — широкую реку, отделяющую этот мир от небесного? Если я не могу пересечь узенькую речушку Ниранджану, то на что я вообще способен? Мне не перейти через реку, разделяющую миры, ведь она широка, как океан». Это мифология, но в сознании Будды в тот момент — к тому моменту — осталась только мифология и философия; он еще не обрел просветление. Но цепляясь за ветку или за корень, он думал: «Я зря трачу время».

Он выбрался из реки. Светила полная луна. Будда был так слаб, что не смог отправиться в город за подаянием и остался под деревом. Но случайно туда пришла одна женщина, Суджата — ее имя, Суджата означает «родовитая» или «рожденная в знатной семье». Я спорил с учеными буддистами о происхождении этого имени. Я считаю, что имя этой женщины говорит о том, что она родом из низшей касты. Ведь обратите

внимание: в Индии слепых называют *камалнайан* — лотосоглазый. Если ты зряч, никто не назовет тебя лотосоглазым, это слово приберегли для слепцов — чтобы не обижать их. Суджата не может быть женщиной из высшего класса, иначе ей не дали бы такое имя. Это имя предполагает, что она происходит из низшей касты *шудр* — неприкасаемых. В утешение им дают богатые имена.

В Индии, когда кто-то умрет, говорят, что этого человека возлюбил Бог. Интересно, что мы все здесь делаем? Только мертвый становится возлюбленным Бога. Возникает впечатление, что Бог — просто людоед! И конечно, чем больше людей умирает, тем больше радуется Бог — приходит больше возлюбленных. Когда тело умершего везут из дому на погребальный костер, это называется *махаятра* — великое путешествие. Одна-две мили — не очень-то много для великого путешествия. Бедняга просто умер, но, читая об этом, ты можешь подумать, будто он отправился в великое путешествие. Люди всегда были изобретательны в словах, скрывающих правду.

Я считаю, что эта женщина, Суджата, была *хариджан*, ведь только хариджан могла прийти в такое убогое место, как берег реки Нираджана. Она поклонялась дереву, а деревьям поклоняются только представители низших классов, но никак не богатые. Она когда-то пообещала дереву, что если у нее родится мальчик, то она принесет к его корням сладости и цветы. И так случилось, — это не более чем совпадение, — что в эту лунную ночь под деревом сидел прекрасный молодой человек. Женщина подумала: «Это бог дерева. Он пришел принять мои сладости!» Она была несказанно рада, — ведь нечасто случается, чтобы бог дерева вышел на люди, — и поднесла Будде свое угощение.

Таким образом Будда впервые нормально позавтракал после трех месяцев поста, когда он непрерывно уменьшал свой рацион... а вчера он съел всего одно рисовое зернышко. Суджата была счастлива. У нее родился сын, и бог дерева принял приношение. После еды Будда впервые отбросил... За шесть лет до этого он отбросил царствование, все материальные блага, всё имущество. Он унес с собой лишь одно — стремление к истине. В эту ночь, при свете полной луны, он отбросил и это стремление, поскольку оно превратилось в страсть, а пока у человека остается хоть какая-то страсть, остается и разум. Не имеет значения, стремишься ли ты к деньгам или к Богу, жаждешь ли ты власти или просветления, — страсть остается страстью, а ведь пока есть страсть, разум жив.

В ту ночь Будда отбросил последнее желание. В течение шести лет он подвергал себя самым изощренным пыткам. Довольно! И впервые за шесть лет этот человек заснул, полностью расслабившись — ни страстей, ни стремлений, ни будущего, ни надежды, — он просто спал, без разума, без снов. Все рассыпалось в прах. Он закончился. «Нет ни истины, ни мира. Все это — чушь, а я просто морочил себе голову».

В ту ночь он спал без разума, а сон без разума очень близок к самадхи. Вот определение Патанджали: существует наше обыкновенное состояние бодрствования, под ним состояние сновидения, под ним состояние глубокого сна без сновидений, а под ним — наше просветление, состояние абсолютного бодрствования.

Он проспал без сновидений всю ночь. Это породило возможность. Еще всего один дюйм, только один толчок... Когда он открыл глаза, — у него впервые не было ни единого желания, — закатывалась последняя звезда, и с закатом последней звезды он внезапно осознал, он

исполнился осознания... Снаружи всходило солнце, и солнце всходило внутри. Из сна без сновидений он свалился прямо в четвертое состояние бодрствования — в буддовость.

Он обрел буддовость после того, как отбросил даже желание быть буддой. Разум должен быть абсолютно пуст. И функция мастера состоит в том, чтобы помочь тебе опустошить его, поскольку пустота — это возможность исполнения.

Вначале следует освободиться от всего, что знаешь, и только тогда ты готов исполниться Божественного. На тебя из неведомых источников может излиться ливень цветов — и в пустоте внутри тебя загорится огонь великого осознания, несущий ощущение вечности, бессмертия, непостижимого покоя, безмятежности, тишины, блаженства и беспредельного экстаза. Ты впервые упиваешься Божественным.

Это были золотые дни, — во всяком случае, в том отношении, что тысячи людей искали истину. Они жили в бедности, не знали ни науки, ни технологии, ни прогресса, но они были богаты в ином смысле: их делал богатейшими людьми на свете поиск внутреннего сокровища. Тысячи обрели просветление и сотни стали мастерами создания ситуаций. Ибо просветление — это природа человека, а не достижение; не нужно никуда идти, нужно просто оставаться здесь и копаться поглубже.

Когда ты выходишь за пределы своего черепа, костей, скелета и отыскиваешь источник, откуда жизнь растекается по твоему телу и разуму, ты тем самым сразу же обретаешь вечное космическое существование. Небольшая речушка твоей жизни истекает из великого океана, который омывает каждого человека со всех сторон. Это тот же океан, что питает деревья; это тот

же океан, что питает птиц, это тот же океан, что питает жизнь как таковую.

Человек — самое благословенное животное в мире, в том отношении, что он обладает способностью не просто жить, но осознавать; и он может не просто осознавать, но обрести полное осознание. Это полное осознание дает свободу, спасение и блаженство, которые ты искал там, где их нет, — в мелочных мирских вещах.

Когда говорят, что человек обрел просветление, это просто означает, что он нашел источник своей жизни и сознания. Но, отыскав источник своей жизни и сознания, ты тем самым находишь источник всей жизни и всего сознания. Став буддой, ты обретаешь единство со всеми буддами. Нет больше разграничения между телами, нет больше разграничений во времени и пространстве.

Я — не ученый муж, и, говоря обо всех этих буддах, я говорю не как ученый муж. Я говорю исходя из собственного опыта. Эти будды — Ма-цзы, Исан, Кёдзан — не могут иметь иной опыт. Это все один океан. Где бы ты ни попробовал, он везде соленый.

Кёдзан склонил голову и заплакал...

Это плач несказанной радости. Бывают моменты, когда словами ничего не выразишь, но все можно выразить в слезах. В момент всепоглощающей любви нелепо говорить: «Я люблю тебя!» — это так грубо! Говорить «спасибо» в момент благодарности — уродливо.

В Индии это почти невозможно — Запад не знает всей глубины слез. В Индии, если отец делает что-то для сына, сын не скажет: «Спасибо, папа». Он либо выразит свою благодарность, прикоснувшись к стопам отца, либо изольет ее в слезах, — но не в словах. Сло-

ва пусты, слезы полны. Слезы идут из самых глубин, а слова — всего лишь из разума.

Кёдзан склонил голову и заплакал, от огромной радости и благодарности, говоря:

— Мой бывший учитель сказал, что, когда я встречу другого, на меня снизойдет просветление. Сегодня я его встретил. Три года прошло с тех пор, как я отправился на поиски буддистов, и оказывается все это время я всего лишь ухаживал за коровами.

Он жил с учителями, и они поручали ему ту или иную работу — ухаживать за коровами, прислуживать на кухне, таскать грузы. Исан не дал ему никакой работы, но дал три выкрика, — и Кёдзан обрел просветление.

Это не значит, что людям не следует работать, это значит: «Работай только возле мастера, живого мастера, иначе будешь всего лишь ухаживать за коровами». А быть с мастером — значит просто больше не быть. Раствориться. Стать совершенно пустым — и благословенный миг может наступить прямо сейчас. Нет никакой нужды в замысловатых упражнениях, в аскетическом самоистязании, — нужно лишь отправиться в сокровеннейшие глубины своего Я. Там ты уже являешься буддой. Однажды узнав это, ты познаешь путь. Он очень короток.

Медленно, медленно начни выводить будду из тайных источников на поверхность своей жизни. Все твои дела, все слова обретут новый золотой отблеск. Твое молчание начнет обращаться в песни — в музыку иного измерения. Твой шаг превратится в танец, — так он радостен. Вся твоя жизнь нальется блаженством, упо-

ением. Ты будешь жить всем своим существом, будешь любить всем своим существом, и эта твоя жизнь станет последней.

Если ты сможешь обрести просветление, тогда тебе больше не придется скитаться из одного лоно в другое. А ведь ты странствовал из лона в лоно сотни лет.

Если ты обретешь просветление в этой жизни, то смерть не перенесет тебя в новое лоно, ты растворись в космической жизни, в космическом пламени. Ты обретешь единство со всем — ты сам станешь всем.

Сосёки писал:

*Я спал у холодного окна и
Вернулся из страны снов.
Глаз моего разума
Открылся сам собой,
Без помощи утренней звезды.*

Он имеет в виду утреннюю звезду Гаутамы Будды. Он говорит: *Глаз моего разума открылся сам собой, без помощи утренней звезды.*

*Все небо и земля служат опорой
Для укрытой снегом горы.
Где на свете найдется место
Для упражнений Шакьямуни?*

Шакьямуни — другое имя Гаутамы Будды. Это его семейное имя. Он принадлежал к *шакья* — племени воинов, и его называли *Шакьямуни* — шакья, ставший безмолвным. Многие очень любят называть его просто Шакья.

Послушайте, какие красивые слова написал Сосёки: *Я спал у холодного окна и вернулся из страны снов.*

Твоя страна — страна снов. Сосёки говорит: «Я вернулся из страны снов. Глаз моего разума — Третий глаз; глаз, обращенный внутрь, — открылся сам собой, и ему не понадобилась утренняя звезда, исчезающая в голубом небе».

Каждый человек должен прийти к просветлению своим собственным путем. Сосёки любит Гаутаму Будду, но все же говорит: «Не нужно идти по его следам, ибо будда их вообще не оставляет. Будда подобен птице, которая улетела в синее небо, не оставив следов».

*Все небо и земля служат опорой для укрытой
снегом горы. Где на свете найдется место для
упражнений Шакьямуни?*

Сосёки говорит на языке дзэн: «Нет потребности в упражнениях, и нет для них места в мире. Для чего Шакьямуни практиковал в течение шести лет? Был ли от этого толк? Ты можешь стать буддой в этот самый миг. К чему бесполезные упражнения — где найти для них место и время?»

Сосёки с любовью критикует своего Мастера. И он прав. Но перед Буддой стояла особая проблема. Насколько нам известно, он был первым буддой, который дал такой значительный толчок человечеству. Конечно, вполне возможно, что до Гаутамы на свете уже было много будд, но они не оказали на нас подобного воздействия.

Даже во времена Гаутамы Будды шесть его современников заявили, что они обрели просветление, — и вполне вероятно, что они его действительно обрели. До наших дней дошло всего несколько реплик Будды и Махавиры об остальных шести — поскольку сами они не оставили нам ни слова, — и, похоже, те шесте-

ро были еще более мятежными людьми, чем эти двое. Они никому не позволяли следовать за собой, и всего лишь несколько критических замечаний в их адрес со стороны Махавиры и Будды...

Эти двое сохранились в памяти человечества. Махавира остался исключительно местным явлением; по некоторым причинам он не смог стать мировой фигурой. А ведь он был старше Будды и, несомненно, являлся великой личностью. Но он наложил на себя очень странные ограничения. Во-первых, он ходил обнаженным. Ни в одной стране ему не позволили бы ходить голым, — меня не принимают даже одетого! Может, попробовать раздеться...

Во-вторых, он использовал настолько странные методы — совсем как Ма-цзы, — что окружающие вполне могли счесть его безумцем. Он месяцами постился. За двенадцать лет молчания (а он молчал двенадцать лет) было только тридцать дней, когда Махавира ел, — за двенадцать лет! И этот человек не брал пищу у кого попало. У него был очень странный — хотя и не лишенный смысла — подход. Утром, во время медитации, Махавира решал для себя, какая ситуация должна сложиться, когда он постучит в дверь и попросит пищу, — только в этом случае он принимал еду, а иначе уходил из города ни с чем.

Например, Махавира задумал, что в доме, куда он постучится, он должен увидеть плачущую женщину, или женщину, выполняющую определенную работу, или двух коров на дороге перед домом, — в общем, любое условие, которое придет ему в голову во время медитации, — и если это условие не будет выполнено, то Махавира уйдет ни с чем. Смысл вот в чем: «Если я нужен Сущему, пускай оно выполнит мои условия. Если я не нужен Сущему, то мне здесь делать нечего.

Зачем я стану навязывать себя Сущему? Я всё отдаю в его руки».

Странная идея, но она исполнена глубокого смысла. Махавира относится к Сущему с абсолютным доверием: если оно его хочет, хорошо; в противном случае: «Я могу расслабиться и исчезнуть. Зачем мне без толку жить дальше, если Сущее меня не хочет?» Для него было совершенно очевидно, что «если я для чего-то нужен Сущему, оно поддержит мою жизнь. Я отдаю все в его руки».

В любой другой стране у такого человека возникли бы сложности. Он не брил волосы бритвой, но просто выдергивал их, поскольку не пользовался продуктами технологии. Какие технологии нужны для создания маленькой бритвы? И все же бритва продукт технологии. Он отказался от любых технологий и был в этом отношении далеко впереди Махатмы Ганди. Махатма Ганди использовал по меньшей мере прядильное колесо, а это уже техническое приспособление.

Махавира не пользовался ничем — даже одеждой, так что ему было не нужно прядильное колесо; он не пользовался даже миской для подаяния. Зачем миска? Если животные обходятся без мисок, то пользоваться ею — просто глупость... Махавира пил воду прямо из реки, как собака или любое другое животное, и выдергивал волосы руками... В психиатрической классификации существует определенный вид умопомрачения, когда человек рвет на себе волосы, — особенно это касается женщин: в припадке отчаяния, они нередко начинают рвать на себе волосы.

В любой другой стране Махавиру сочли бы... Во-первых, он ходил обнаженным; во-вторых, это странное отношение к пище; в-третьих, он вырывает себе волосы, — но у него все было обосновано. Однако это все очень ограничило силу оставшегося после него те-

чения — всего лишь крохотный ручеек в Индии. Ныне существует всего двадцать два обнаженных монаха — очень скудный ручеек. Но стоящая за его поведением идея абсолютно ясна.

Даже последователи Махавиры не обдумали как следует смысл его наготы. Среди двадцатипятивекового наследия джайнов я не нашел ни одного писания, где всерьез обсуждалась бы тема его наготы. Они просто говорят: «Он отказался от любого имущества, в том числе от одежды». Но суть не в этом. Суть в половом воздержании: по Махавире, человек, давший обет безбрачия, должен быть наг, только это может служить подтверждением того, что он в celibate. Подумайте о монахах, давших обет безбрачия... Половой механизм устроен таким образом, что стоит вам подумать о сексе — и вся ваша половая машинерия дает об этом знать... всему обществу становится видно: «Понятно, какое это воздержание!»

Не думаю, что какой бы то ни было католический монах, или Папа, или Шанкарачарья сумел бы пройти тест Махавиры. А ведь этот тест абсолютно корректен. Вопрос состоит вот в чем: «Откуда нам знать, что ты воздержан?» Одна только мысль о сексе окажет воздействие на твое тело, и все узнают, что ты не воздержан.

За двадцать пять столетий никто не обратил внимания на то, что Махавира проявил воистину научный подход к этому вопросу, — ведь, дав обет безбрачия, ты можешь лелеять под одеждой мечты о том, чтобы переспать с Софи Лорен, и никто ничего не узнает. Но если ты наг, это очень сложно: стоит тебе подумать о Софи Лорен, и твой флаг немедленно начнет подниматься.

Я полностью согласен с Махавирой: каждый, кто дал обет безбрачия, — если он действительно собирается воздерживаться, — должен быть наг. Я не сторонник

полового воздержания, но, если кто-то решил жить в безбрачии, он должен придерживаться правил игры.

Джайнистские монахи, вероятно, единственные, о ком можно сказать, что они действительно воздержанны. На это уходят годы — пять этапов обучения. Лишь на последнем этапе они могут обнажиться, когда мастер говорит ученику: «Теперь ты можешь быть нагим». Причина в том, что сексуальный центр находится не в гениталиях, а в уме. Если не обрести контроль над этим центром при помощи медитаций, если не очистить его полностью от любых желаний, ты не сможешь выдержать испытание наготой: тебя немедленно разоблачат.

Остальные шестеро тоже были просветленными — но каждый шел своим путем. Будда носил одежду, и лишь потому, что Будда носил одежду, он обрел всемирную известность. Весь Восток принял буддизм. И хотя Махавира старше, и он был очень яркой личностью, но предлагаемый им жизненный путь подходит не всем — он необычайно труден. А разница всего лишь в одежде.

Очевидно, были и другие будды... Махавира был буддой. Вам следует знать, что в джайнистских писаниях по отношению к Махавире используются оба слова — Джина (слово *джина* означает «победитель») и Будда (то есть «пробужденный»). В буддистских писаниях тоже используются оба этих термина — *джина*, победитель, и будда, пробужденный. Но постепенно последователи обоих течений уладили этот вопрос: во избежание путаницы Гаутаму Будду перестали называть Джиной, а Махавиру перестали называть Буддой, — чтобы было ясно, о ком идет речь. Но оба *были* обоими!

А остальные шестеро, возможно, были еще более колоритными личностями, но они не позволяли следовать за собой. Это очевидно: если ты не позволяешь

за собой следовать, кто сохранит твои наставления, кто расскажет грядущим поколениям о твоей жизни? Рано или поздно твое имя исчезнет. Но именно этого и добивались те шестеро: «Не нужно, чтобы наши имена оставались в веках. Как исчезнем мы сами, так пусть исчезнут и наши имена. Зачем им оставаться после нас? Зачем оставаться нашим учениям?»

В этом заключен колоссальный смысл. Они настаивали: «В наших учениях нет нужды», — и отсюда следует не один вывод. Во-первых: «Лишь живые мастера способны трансформировать людей. Наши слова и оставшиеся после нас учения этого сделать не смогут, они только наплодят учителей». Во-вторых: «Зачем нам связывать грядущие поколения? Мы прожили свои жизни, мы делили свои жизни с современниками. Пусть будущее останется свободным для грядущих мастеров, для грядущих будд. Мы не должны становиться преградой и бременем для будущего», — необычайно мятежный подход. Все эти люди...

Сосёки говорит: «Где найдется место, где найдется пространство, где найдется время для *упражнений Шакьямуни?*» Он против упражнений. Я против упражнений. Упражнения могут сделать из тебя только актера. Человеку нужна спонтанность, а не обучение и практика. Нужно быть собой — во всей своей естественности, дикости, стихийности.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Учитель!

Правда ли, что наша склонность идентифицировать себя со своим телом и/или разумом — единственное, что мешает нам обрести единство со всем сущим?

Да, Маниша. Самоидентификация с телом, с разумом, с имуществом, с семьей, с друзьями — любая идентификация уводит тебя вовне. Все, чем ты владеешь, останется вовне: жена, муж, дети, тело (твое тело находится вне тебя), разум (твой разум находится вне тебя).

Единственное, что не находится вне тебя, — твое свидетельство. Просто бдительность — это и есть твой будда. Идентификация означает, что ты перестала свидетельствовать и попала в капкан привязанности. В этом наша нищета, в этом наше рабство.

Теперь настало время Сардара Гурудаяла Сингха.

Что-то далековато он сегодня сел. Включите-ка свет в зале! Нужно, чтобы все видели его радужный тюрбан!

Однажды утром шизик Мелвин, псих Ларри и придурак Карл сбежали из психиатрической лечебницы «Солнечная Долина».

На крыльях счастья три психа добрались до города и попали на стройплощадку огромного небоскреба. Пока они с любопытством осматривались, к ним подошел человек в твердой шапочке.

— Эй вы, парни, — закричал бригадир Клопский, — а ну-ка за работу! Закончите копать вон ту канаву.

Три психа, улыбаясь до ушей, дружно кивнули, схватили лопаты и принялись копать канаву. Через пару часов Клопский вернулся посмотреть, как идет работа. И что же он видит? Шизик Мелвин увлеченно копает, а два других психа стоят как вкопанные, держа лопаты штыками вверх.

— Какого черта вы стоите? — заорал Клопский на психа Ларри и придурака Карла.

— Мы — уличные фонари, — отвечает псих Ларри.

— Да вы просто психи! Уволены! — орет Клопский и выгоняет двух психов со стройплощадки.

Но шизик Мелвин тоже сразу же прекращает работу.

— Нет, — говорит Клопский, — это к тебе не относится, ты работаешь хорошо, копай дальше.

— Как копать? — кричит шизик Мелвин. — В полной темноте?

Сотрудники Медицинской Корпорации Соединенных Штатов Америки пришли к выводу, что есть лишь одна возможность справиться со СПИДом: деньги. Много денег. Итак, они договорились с тремя крупнейшими телекомпаниями Америки провести в субботу вечером грандиозное шоу, посвященное борьбе со СПИДом.

Идея такова: кинозвезда Рок Ханк трахнет перед камерами пятьсот женщин, а телезрители между тем будут звонить в студию, делая пожертвования.

В решающий вечер, к моменту, когда Рок Ханк закончил с четыреста семьдесят пятой женщиной, на благотворительный счет хлынули деньги. Звонят из фонда Рокфеллера и сообщают о пожертвовании миллионов долларов, звонят из НАСА и сообщают о пожертвовании всех средств, отведенных на космическую программу. Даже Рональд Рейган позвонил и сказал, что жертвует деньги, отложенные на наряды для

Нэнси. Деньги льются рекой, — похоже, победа над СПИДом обеспечена.

Но после четыреста девяносто пятой Рок теряет сознание. На парня выливают несколько ведер ледяной воды, он с трудом поднимается на ноги и взбирается на следующую женщину. На четыреста девяносто восьмой возникает впечатление, что он действительно выдохся, но партнерша ухитряется каким-то образом возбудить его, и поток денег не иссякает.

Но на четыреста девяносто девятой Рок снова отключается, и на этот раз разбудить его не может никто.

Страна в негодование, люди звонят и отзывают свои пожертвования.

В конце концов Джордж Буш — ведущий телешоу — приводит Рока в чувство и тащит к себе в кабинет.

— Мы почти победили СПИД! — кричит Буш. — Что произошло, черт побери?

— Я и сам не пойму! — лепечет Рок. — Утром на репетиции все прошло как нужно!

Нэнси Рейган неспешно идет в столовую Белого Дома, чтобы позавтракать с Рональдом и заодно обсудить, что они будут делать после его отставки. Вдруг навстречу ей мчится друг семьи, Элвин Майндбендер, пробегает мимо и исчезает в конце коридора.

Нэнси входит в столовую, усаживается за богато накрытый стол и начинает болтать с Рони.

Тем временем Элвин Майндбендер в Овальном Кабинете лихорадочно звонит по всей стране,

пытаясь связаться с вице-президентом Бушем, совершающим свой предвыборный тур по США.

Через два часа Элвин наконец находит Буша в Санта-Фе, штат Нью-Мексико.

— Джордж, наконец-то! — кричит в трубку Элвин. — Я пытаюсь тебя вызвонить вот уже два часа! В Белом Доме произошла ужасная трагедия!..

Между тем в столовой Белого Дома Нэнси додает свой банановый десерт.

— И еще, Рони, — говорит она, вытирая губы салфеткой, — я настаиваю, чтобы мы сменили те полосатые шторы в твоей спальне на ранчо...

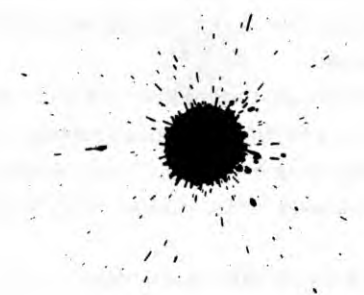
Вдруг в столовую, истекая потом, врывается Элвин. Увидев, что Нэнси болтает с Рональдом, он застывает на месте с отвисшей челюстью.

— Срань Господня, Нэнси! — кричит Майндбендер. — Какого черта? Рональд умер два часа назад!

Нэнси пристально взглядывается в одряхлевшее лицо старого президента и спрашивает:

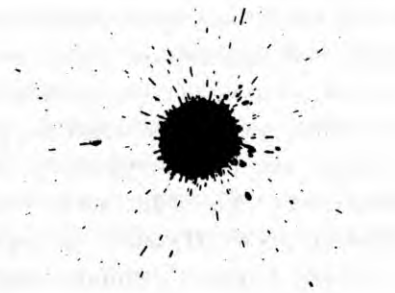
— Боже мой, как ты определил?

Ниведано...

Ниведано...

Тишина. Закрой глаза.

Ощути, что твое тело обратилось в лед.

Теперь всем своим сознанием загляни внутрь, —
спеши, словно это последняя возможность
в твоей жизни.

Иди все глубже, глубже, и ты найдешь тропу. Это
узкая тропа, ведущая прочь из разума, прочь из
тела — прямо к источнику, соединенному с Космосом.
Его единственное качество — свидетельство.

Поэтому просто свидетельствуй и будь буддой.

На тебя опустится необъятная тишина,
и ты впервые испытываешь глубочайшее желание,
глубочайшее стремление раствориться в Космосе.
Огромная радость — без всякой причины — запол-
нит все твое пространство.

Это драгоценный миг.

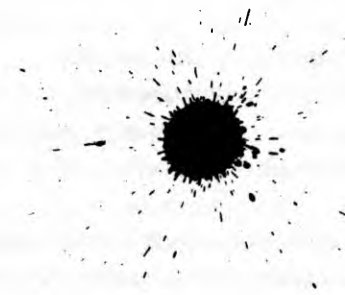
Даже на мгновение стать буддой —
великая благодать.

Если ты знаешь, что значит быть буддой
всего один миг, — значит, ты знаешь это.
Ты можешь быть буддой
двадцать четыре часа — круглые сутки.

Просто помни: быть буддой —
значит быть свидетелем.

На тебя ливнем осыплются дивные цветы — цве-
ты покоя, цветы блаженства, цветы экстаза.

Для того чтобы стало понятнее,
Ниведано...

Расслабься, но оставайся свидетелем.

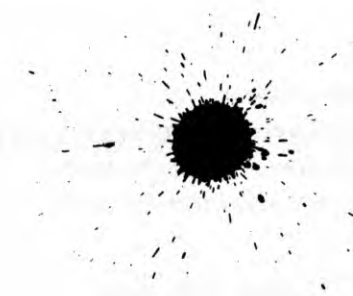
Ты — не тело, ты — не разум,
ты — тот, кто видит тело и разум.
И вместе с углублением твоего свидетельствования
исчезает твоя отделенность от всех других.
Будда-Холл превращается
в безмятежно гладкое озеро сознания —
ни волн, ни границы, лишь чистый танец блаженства и экстаза.
Ликуй и собери как можно больше опыта свидетельствования.
Тебя окутывает благоухание,
окутывает экстаз —
собери же их, чтобы вынести на поверхность.

Ты должен медленно, медленно вывести будду
из центра на поверхность.
Это — колоссальное сокровище.
Ты можешь вынести столько, сколько хочешь,
ибо сокровище неисчерпаемо.
В этот миг ты вечен, ты бессмертен,
ты — одно с Космосом.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
но ты залил его золотым светом
своего безмолвия, своего свидетельствования, своего
радостного падения домой.

Прежде чем Ниведано позовет тебя обратно,
собери столько аромата, столько цветов...

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся буддой —
с этим изяществом, с этим молчанием,
с этой красотой.

Посиди несколько секунд,
просто вспоминая, где ты был,
вспоминая ту золотую тропинку,
по которой шел вперед и назад,
и те свидетельства,
которые ты принес из самого источника
твоей жизни.

Так свидетельствовать
нужно двадцать четыре часа в сутки.

Несомненно, наступит день,
когда тебе больше не потребуется медитировать,
когда будда будет постоянно оставаться на по-
верхности, во всем своем сиянии.
Все действия — его действия, тебя уже нет. Будда
поет, будда танцует, будда улыбается. Ты стано-
вишься всего лишь каналом для будды.

Этот день близок.
Он может наступить в любой момент.

Будь готов.

*Это — не упражнение,
это просто подготовка весны,
которая принесет все необходимое
для раскрытия твоего потенциала.*

Тысячи цветов...

- Хорошо, Маниша?
- Да, любимый Мастер.

Единственная надежда

Наш любимый Мастер...

Исан сказал Кёдзану:

— Большинству людей на этой необъятной земле при неограниченной способности сознавать причины и следствия недостает осознания своей истинной природы, на которую им следовало бы полагаться. Скажи мне, есть у них вообще это осознание или нет?

— Я знаю эту проблему из опыта, — ответил Кёдзан.

Как раз в этот момент мимо проходил монах, и Кёдзан позвал его:

— Дзари! — Монах обернулся, и Кёдзан заметил, обращаясь к Исану: — Вот случай осознания причины и следствия без осознания основ, на которые следует полагаться.

— Это капля молока львицы, от которой свернется три литра ослиного молока, — проговорил Исан.

Однажды, обращаясь к Кёдзану, Исан заметил:

— Мы весь день беседовали о дзэн, и что мы из этого вынесли?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

— Если бы на моем месте был кто-то другой, он мог бы обмануться, — сказал Исан.

Маниша, в этом эпизоде затронута очень существенная проблема. Для того чтобы понять данную историю, нужно прежде всего разобраться в ее подтексте. Мы все думаем, что живем осознанно, и это — одно из проявлений нашей неосознанности.

Наша осознанность касается только функциональной сферы.

Мы научились выполнять различные действия: ложиться в кровать по вечерам, вставать по утрам, идти на работу. Все это — заученные действия, их может выполнять даже робот. Ты не нужен. Вот что произошло с человечеством: оно превратилось в общество роботов. Ты научился всему, что тебе необходимо, и направил приобретенные навыки в свой механический разум, который продолжает совершать действия вместо тебя. Затем, поручив всю работу разуму, ты отправляешься спать.

Все усилия будд направлены именно на то, чтобы разбудить твое сознание и заставить тебя четко осознать разницу между функциональным сознанием и чистым сознанием, которое не выполняет никаких функций, но является не более чем зеркалом. У зеркала нет функций, есть только практическое применение, но даже тогда, когда ты в него смотришься, зеркало ничего не делает. Отражение возникает спонтанно. Даже если тебе не требуется отражение, зеркало все равно отражает, — и для этого не нужно, чтобы ты перед ним стоял.

Есть такое дзэнское выражение: «Полная луна сияет в озере. Ни луна не стремится отражаться, но отражается; ни озеро не стремится отражать, но отражает». Ни одно, ни другое активно не участвуют в процессе отражения. Оба просто остаются собой, а отражение происходит само по себе. Ты занимаешься своими делами, и, только занимаясь своими делами, ты можешь отличить функциональное сознание от чистого сознания.

Когда ты идешь, знаешь ли ты, что идешь? Когда ты молчишь, осознаешь ли ты, что молчишь? Когда ты ешь, есть ли некое осознание, стоящее рядом с тобой и наблюдающее, как ты выполняешь функцию погло-

щения пищи? Это осознание — великое просветление. У него нет функций, нет практического применения, оно не является средством для достижения какой-либо цели. Оно самодостаточно. В нем столько радости, столько удовлетворенности собой и Космосом, столько приятия, что тебе не приходится делать ничего. Просто *быть* — это уже гораздо больше, чем можно вообразить, — радость просто быть, блаженство быть.

Я каждый день прохожу мимо озера Мукты и вижу двух лебедей, которые двадцать четыре часа в сутки наслаждаются ничегонеделанием. А сколько в них достоинства, сколько удовлетворенности — и никаких желаний, никаких амбиций, никакого стремления к положению в обществе, к успеху. Все это — глупости. Лебеди наслаждаются каждым мигом, когда они просто плывут по глади озера.

О сознании очень хорошо сказал Басё: «Сижу безмолвно, ничего не делая, весна приходит, трава растет сама по себе». Он говорит: «Что касается меня, то я ничего не делаю и ничего не желаю. Весна приходит сама собой, без всякого приглашения. Трава растет без всяких усилий с моей стороны. Я — всего лишь наблюдатель; сижу безмолвно, ничего не делаю».

Это осознание не-деяния не выполняет в мире никакой функции — оно представляет собой просто блаженство, экстаз, опьянение полной сосредоточенностью на текущем мгновении. В этом состоит идея любого будды: помочь тебе осознать нечто, таящееся внутри. Но поскольку это нечто не имеет практического значения, ты им не интересуешься.

Мир состоит из полезных вещей, а твое сознание бесполезно. Ты не можешь заработать с его помощью деньги, не можешь его продать, ты ничего не можешь с ним сделать. Это — не деятельная энергия. Это просто

бытие — энергия бытия, которая покоится, подобно Эвересту, безмолвная и вечная.

В приведенном эпизоде Исан пытается побудить своего ученика Кёдзана осознать эту недейтельную, произвольную *бытийность* существования. И в ней — величайшая красота и величайшая истина. За ее пределами нет ничего.

Исан сказал Кёдзану:

— Большинству людей на этой необъятной земле, при неограниченной способности осознавать причины и следствия, недостает осознания своей истинной природы, на которую им следовало бы полагаться.

Люди сознают — но очень поверхностно, — повседневные вещи. Они представляют собой функциональные существа, делающие тысячи дел, поэтому нельзя сказать, что они совершенно несознательны. В большинстве случаев можно сказать, что они поверхностно сознательны.

Если верить психологам и их измерениям, люди используют лишь одну десятую часть своего сознания. Девять десятых — еще девять десятых сознания! — остается в запасе, и ты даже не знаешь о них. А ведь это твое вечное сокровище. Это — твое истинное лицо. Это — твоя невинность. Все остальное умрет, кроме той части сознания, которая просто свидетельствует, — совсем как Басё. Когда Басё сидит безмолвно, он, вне всяких сомнений, является свидетелем: весна приходит, он свидетель; сама по себе растет трава, он свидетель, — но иначе как в качестве свидетеля он ни во что не вовлечен. Это свидетельствование — основа основ нашего существования. Это — наша вечность.

Исан спросил у Кёдзана: «Скажи мне, есть ли у них это изначальное свидетельствование, это изначальное сознание? Что касается функционального сознания, то оно есть у каждого, — я это вижу, все это видят».

— Я знаю эту проблему из опыта, — ответил Кёдзан.

Поскольку кажется, будто человек действует совершенно осознанно, — ведь он выполняет различные действия, — как узнать, пользуется он подлинным сознанием или нет? Осознает ли он в самой глубине своего сердца?

— Я знаю эту проблему из опыта, — ответил Кёдзан.

Как раз в этот момент мимо проходил монах, и Кёдзан позвал его:

— Дзюри! — Монах обернулся, и Кёдзан заметил, обращаясь к Исану: — Вот случай осознания причины и следствия без осознания основ, на которые следует полагаться.

Итак, человека окликнули по имени, и он обернулся. Очевидно, в нем теплится сознание, но осознал ли он тот факт, что повернул голову? Поворот головы — это функция, для ее осуществления требуется совсем мало сознания. Но *осознает* ли при этом монах, что он поворачивает голову? Если монах это осознает, значит, он обладает подлинным осознанием, свидетелем. Если он сознателен лишь настолько, чтобы просто повернуть голову, то это мог бы сделать любой робот, машина — но ни одна машина никогда не станет буддой.

Вы должны понимать это. У нас есть очень наглядная иллюстрация, которой не было ни у Будды, ни у

Исана, — компьютер. Компьютер может работать лучше, чем мы; он намного продуктивнее, и он не устает. Но он делает только то, чему его научили. Если перед компьютером поставить какую-то новую задачу, он не сумеет ее выполнить, поскольку знает только готовые ответы. В него можно загружать целые библиотеки, его память способна вместить все библиотеки мира, — и все, что стоит на их полках, станет частью памяти компьютера. Если ты задашь вопрос о чем-то, что содержится в его памяти, то немедленно получишь правильный ответ. Но спроси о чем-то, что не было предварительно загружено в память, и машина не даст ответа. Компьютер не может отвечать самостоятельно, поскольку не обладает подлинным сознанием.

Итак, твое поверхностное сознание представляет собой не большую ценность, чем любой автоматический механизм. Кто-то произнес твое имя, и ты обернулся на голос, — но *осознаешь* ли ты, что прозвучало твое имя и ты обернулся посмотреть, кто его произнес? Только такое, более глубокое осознание может трансформировать твою жизнь. Иначе ты так и останешься компьютером. На чем было сосредоточено все твое образование? На том, чтобы сделать тебя более функциональным компьютером, на том, чтобы скормить тебе побольше информации.

Что бы ты ни делал, что бы ни говорил, задавай себе вопрос: я ли это делаю или просто воспроизвожу то, чему меня научили мама, папа, учительница, священник, то есть просто *реагирую*? Я ли это или мною манипулирует кто-то другой? И ты будешь удивлен: оказывается, ты никогда не действуешь спонтанно, но всегда полагаешься на память. А память создана другими людьми. Предположим даже, что она сформирована твоим собственным опытом, — но твоя реакция

не должна быть обусловлена памятью, она должна исходить из осознанности.

Однажды человек задал Будде какой-то философский вопрос, и Будда ответил. Человек обдумал ответ и на следующий день пришел снова.

— Моя проблема не решена, — сказал он.

— Повтори свой вопрос, — попросил Будда, и ответил совершенно иначе.

Человек был озадачен.

— Вчера ты говорил одно, сегодня говоришь нечто совершенно другое, — сказал он.

— Вчера было вчера, а сегодня — сегодня, — ответил Будда. — Не верь мне: завтра будет завтра. Я отвечаю в соответствии с моментом. Дело не в памяти и времени; дело в том, что я нахожусь полностью в твоём распоряжении в этот миг. Я не помню ни твоего вопроса, ни своего ответа. Вчерашний день прошёл.

— Сегодня такой прекрасный день, — продолжал Будда, — к чему беспокоиться о завтрашнем и вчерашнем? Давай просто посмотрим в лицо друг другу прямо сейчас, в этот миг. Ты задаешь вопрос, мое зеркало готово отразить. Но я не могу обещать, что останусь последовательным завтра, ибо — как знать? — все меняется, все течет. То, что верно в этот миг, может быть неверно завтра.

Это и есть функционирование на основании подлинного сознания. Подлинный человек не бывает последовательным, он просто не способен на это. Последователен только мертвец.

Я просто поражаюсь: в течение десяти лет мы сражаемся с индийским правительством по поводу того,

является ли наша школа образовательным учреждением. Правительство не может ответить на этот вопрос, и поэтому нас лишили безналогового статуса. Налоговые власти говорят, что, пока я жив, наша школа не может получить безналоговый статус, поскольку завтра я могу совершенно измениться. Тут я с ними согласен. Безналоговый статус можно предоставлять только мертвецам, ибо они не могут измениться, не могут перевернуться в своих могилах. Они мертвы. И все, что они сделали, мертво. Тогда это все становится приемлемым, респектабельным. Но живой спонтанный человек опасен для статус-кво.

Первый вопрос, который мне задали, когда я приехал в США:

— Вы анархист?

У них на меня уже была заведена толстенная папка.

— Вы производите впечатление разумного человека, — ответил я чиновнику, задавшему этот вопрос. — Я могу ответить, что я не анархист, а завтра стать анархистом, поскольку мой сегодняшний день не может ограничить и превратить в рабство всю мою оставшуюся жизнь. Так какой же смысл в подобных вопросах? В любом случае, последовательность — не для меня. Если вам так удобнее, можете написать, что я не анархист и не коммунист, — но по существу я и то, и другое, и даже немного больше.

— Немного больше? — переспросил чиновник.

— Конечно, — сказал я, — ведь Бакунин мертв, Кропоткин мертв, Маркс мертв. Если бы они были живы, то многое изменили бы в своей философии. А так их работу должен закончить я, — это и есть «немного больше».

Жизнь — река. Никогда не знаешь, где она совершит следующий поворот. Нельзя требовать, что-

бы река обещала не поворачивать в таком-то месте. Природа ничего не обещает. Любое обещание — это ограничение, рабство. Дать обещание — значит согласиться, что начиная с этой минуты ты не будешь жить. Стоит сказать: «Я — христианин», — и ты мертв. Ты не можешь выйти за пределы христианства или пойти против него. Даже если ты отчетливо видишь, что что-то не так, тебе приходится держать язык за зубами. Ты — христианин.

В тот самый миг, когда ты присоединяешься к организации, к религии, к политической партии, ты должен отказаться от своей свободы мышления, ты должен ослепнуть. Нельзя оставаться зрячим, ибо реальность может отличаться от твоей мертвой идеологии, которая сложилась сотни лет назад.

Будь бдителен... В этот миг ты меня слушаешь. Ты осознаешь, что слушаешь? Отдели функцию слушания и стань свидетелем даже того, как функционирует твой механизм слушания, а ты свидетельствуешь, наблюдаешь за этим. Это разделение нужно сделать немедленно, ибо необходимо отделить весь хлам, накопившийся вокруг свидетеля, чтобы он стал совершенно свободным и оказался в настоящем, без идеологий, без предубеждений, без ничего — просто чистое зеркало. Тогда его способность отражать истину колоссальна. Тогда колоссальна его способность отражать красоту.

Кёдзан заметил, обращаясь к Исану: «Вот случай осознания причины и следствия без осознания основ, на которые следует полагаться».

Монах обернулся, но он не осознавал, что оборачивается, и не осознавал, почему он это делает.

Я много раз рассказывал вам историю о Будде Гаутаме. Однажды они с Анандой шли из города в город, беседея по дороге. Будде на лоб уселась муха, и он, увлеченный разговором с Анандой, механически согнал насекомое взмахом руки. Затем он внезапно остановился, снова поднял руку и изящно взмахнул ею возле лба.

— Что ты делаешь? — спросил сбитый с толку Ананда. — Ведь муха уже улетела.

— Прошлый раз я совершил это действие механически, — отвечал Будда. — Я разговаривал с тобой и заметил, что функциональный, автоматический разум совершил работу: согнал муху. Но я этого не осознавал. Я сделал это без подлинного осознания. Теперь я повторил это действие так, как надо.

В другом случае Будда проходил через деревню, где против него были настроены тысячи людей. И в этом нет ничего удивительного: лишь немногие относились к нему с уважением, ведь великие люди встречают великое презрение на своем пути. Враги вышли ему навстречу и стали осыпать самыми отвратительными оскорблениями, какие только могли придумать. Он слушал молча, совсем как Басё. Люди были немного обескуражены тем, что Будда не отвечает на их ругань.

— Заканчивайте свое дело, поскольку мне нужно идти в следующую деревню, — сказал Будда. — А потом подумайте вот о чем: в предыдущей деревне люди отнесли ко мне с любовью и принесли сласти, цветы, подарки. Я не смог унести их, — я не таскаю за собой вещи, — поэтому сказал людям, чтобы они взяли все это и раздали цветы и сласти односельчанам от моего имени.

— И вот я хочу, чтобы вы задумались, — продолжал Будда, — вы пришли ко мне с оскорблениями и проклятиями. А я их не принимаю. Вы опоздали. Если

бы вы пришли десять лет назад, то здесь пролилась бы кровь. Это руки воина. Десять лет назад, стоило бы вам произнести хоть одно из слов, которыми вы осыпали меня сегодня, и ваши головы покатались бы по земле. Но, к счастью, вы немного опоздали. Сейчас я уже не функционирую как автоматический механизм. Я вижу, что вы невежественны. Я вижу, что вы несознательны, — и, если я не приму оскорбления, вы не можете мне их навязать.

Вам придется забрать весь этот хлам обратно к себе домой. И что вы будете с ним делать? Разделите все это от моего имени между всеми односельчанами. А если у вас еще останется что сказать, то знайте, что я буду возвращаться этой же дорогой и могу задержаться здесь на день. Вы можете осыпать меня лживыми обвинениями и проклятиями, сколько вам хочется, но помните: если я их не приму, то все ваши усилия окажутся тщетными. Вы бросаете слова на ветер. Меня ваша болтовня ничуть не задевает. Мне просто забавно. Спасибо, — и он пошел своей дорогой.

Его ученик Ананда, — а он тоже был воином и приходился Гаутаме Будде двоюродным братом, — сказал:

— Я в тот момент начисто забыл твое учение о сострадании, и доброте, и любви. Я готов был снести им головы. Рука сама потянулась к мечу, но я не решился ничего сделать в твоём присутствии. Я все начисто забыл.

Ананда оставался непросветленным до конца жизни Будды. Он обрел просветление на следующий день после его смерти. А ведь Будда говорил: «Пока я жив, ты не обретешь просветление. Твоя привязанность ко мне будет помехой. Твоя любовь ко мне будет помехой. Ты не можешь забыть, что мы — двоюродные братья. Это мешает тебе стать моим учеником, так что твое

ученичество — всего лишь лицемерие. И я понимаю, что ты ничего не можешь поделать. Ты стараешься изо всех сил, но стараться — это одно, а делать спонтанно — совершенно другое».

И вот ведь странно: это и вправду произошло буквально сразу после смерти Будды. Весь следующий день Ананда просидел без еды, без питья. Все старались чем-то помочь ему. Это был самый настоящий шок, ибо в течение сорока двух лет он неустанно служил, не беспокоясь о себе, но заботясь лишь о том, чтобы обеспечить комфорт Будде. Возможно, шок был слишком сильным. Он закрыл глаза и просто сидел, словно каменная статуя. Но никто не отважился его потревожить: слишком уж деликатное это было дело. Лишь к вечеру следующего дня Ананда открыл глаза и сказал:

— В конце концов он оказался прав. Теперь можно отсечь мне голову, но на моем сознании не останется и царапинки.

Итак, функциональное сознание — это одно. Оно есть у каждого. Ты должен найти в глубине подлинного свидетеля, который может наблюдать твое тело, твой разум, твои мысли, твои действия, но при этом оставаться вдали от любой привязанности и суждений. Это открытие — величайшее событие в истории сознания. Ни одно научное открытие — в области математики, или логики, или философии — не обладает большим величием, большим великолепием, не носит такого фундаментального характера, как открытие свидетеля. Свидетель превращает тебя в будду.

— Это капля молока львицы, от которой свернется три литра ослиного молока, — проговорил Исан.

Он говорит о том, что подлинное сознание, даже крохотная его капля, настолько ценно, что может заполнить собой целые океаны. Достаточно одного мгновения подлинного сознания, единственной встречи с собой, и ты больше никогда не будешь прежним. Ты станешь совершенно новым человеком — новым человеком, о котором я говорю каждый день просто для того, чтобы напомнить, что он созрел в тебе и готов родиться. Для этого нужно лишь еще немного свидетельствования.

Свидетельствование — это пища для зреющего в тебе будды. Эта пища будет с каждым днем проникать все глубже и глубже, и однажды ты обнаружишь, что тебе не нужно отправляться в центр, — будда сам вышел, чтобы встретиться с тобой на окружности. Однажды ты можешь внезапно проснуться буддой, и с этим пробуждением весь мир изменит свой цвет. Вещи обретут новую красоту, новую святость, новое изящество. Звуки станут напевнее и мелодичнее. Невзрачные полевые цветы окажутся не хуже лотосов или роз.

Стать буддой — это не просто твоя внутренняя революция, это революция твоего мироощущения, твоих взаимоотношений с людьми, любви, дружбы. Эта революция тотальна. Она полностью изменяет твое мироощущение и все твои представления. Она изменяет твои старые механические привычки. И ты впервые оказываешься не роботом.

Однажды, обращаясь к Кёдзану, Исан заметил:

— Мы весь день беседовали о дзэн, и что мы из этого вынесли?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

— Если бы на моем месте был кто-то другой, он мог бы обмануться, — сказал Исан.

Кёдзан ответил очень ясно. Целый день беседовать о дзэн — все равно что провести черту в воздухе. Дискуссии никуда не приводят, они не обладают потенциалом вести куда-либо. Слова ведут лишь к новым словам, и это замкнутый круг. Можно выдвигать все новые аргументы, но они не приблизят тебя к центру твоего существа, и поэтому они настолько же тщетны, как попытки поставить подпись в небе. Ты еще выписываешь подпись, а ее уже нет.

Исан сказал: «Ты абсолютно прав: я вижу, ибо у меня есть глаза, чтобы видеть незримое. Но другой человек обманул бы. Он подумал бы, что мы чего-то достигли своей дискуссией; он просто не сумел бы понять, что означает эта черта. Даже этот жест, когда ты провел линию в воздухе, — нарушение покоя. Тебе следовало оставаться в полном безмолвии, ибо мы ничего не достигли, мы не создали даже линию в небе. Если бы на моем месте был кто-то другой, он мог бы обмануться и подумать, что, продолжая дискуссии, можно медленно, медленно обрести дзэн, обрести буддовость».

«В беседе со мной, — говорит Исан, — этот жест абсолютно уместен, ибо я вижу, что линия в небе не означает ничего, но кто-то другой мог бы обмануться».

Это все — процесс подготовки преемника. Кёдзан должен стать преемником Исана. Исан проигрывает перед ним все возможности, с которыми он может столкнуться. Просто быть просветленным недостаточно. Просветление даст тебе все радости жизни, но ты окажешься совершенно нем. Ты ничего не сможешь сказать — просто не найдешь возможности выразить.

Мастер должен готовить людей, которые придут ему на смену, еще до того, как они обретут просветление, — он должен научить их выразительности, должен дать им способность трансформировать бессловесное

в слова; абсолютную тишину — в песни; абсолютную неподвижность — в танец. Только так он может передать свой опыт и принести хоть какую-то пользу слепому человечеству.

Именно поэтому Будда разделил просветленных на две категории. И те и другие достигли одних высот — здесь нет понятия высшего или низшего, — и те и другие принадлежат одной и той же космической реальности, изначальной природе. Но он выделил две категории: одних он назвал *архатами* (архаты — это те, кто обрел просветление и остался в молчании), а других он назвал *бодхисаттвами*. Эти последние тоже обрели просветление, но они работают над тем, чтобы передать что-то другим людям — какие-то средства, какие-то намеки, касающиеся их опыта.

Архаты составляют то, что называется *хинаяна*, или маленькая лодка, на которой один человек, работая веслами, может переплыть на другую сторону. А бодхисаттвы составляют *махаяну** — большой корабль, способный переправить на другую сторону тысячи людей. Другой берег остается все тем же, но бодхисаттвы помогают многим. Архат невыразителен; он прост, мил, абсолютно смиренен, этот человек и словом не обмолвится о том, что обрел. Он считает, что разговоры — дело лишнее. Он всем совершенно доволен, так зачем говорить? Каждый из нас в любом случае найдет свой путь, так к чему донимать людей? У архатов своя точка зрения.

Будда спорил и с архатами, и с бодхисаттвами, — ибо в его время обретали просветление люди обоих типов.

* *Махаяна* (санскр.) — большая колесница; *хинаяна* — малая колесница. Оба термина широко используются представителями *махаяны*. Представители школ *хинаяны* не называют себя этим словом, ибо находят его уничижительным. Сами они предпочитают называть свои восемнадцать школ «тхеравада», то есть «путь старших». — *Прим. перев.*

И они непрестанно спорили друг с другом. У архатов свои аргументы: нельзя отрицать, что каждый человек должен найти собственный путь, так что нет никакой необходимости кому-то что-то передавать. Это может даже стать преградой на пути человека. Все писания становятся преградой.

Ни один архат не писал писаний. Он даже не поднимет палец, чтобы указать на луну, — из опасения, что люди уставятся на его палец, думая, будто это и есть луна. Он хранит полное молчание. Не думайте, что ему неведомо сострадание, ведь сострадание тоже может проявляться по-разному.

Архат проявляет сострадание, просто не вмешиваясь в твою жизнь. Тем самым он проявляет еще и доверие к Сущему, которое так или иначе приведет тебя к цели — если не сегодня, то завтра, если не завтра, то в следующей жизни. Впереди целая вечность, куда спешить? «Если кому-то достанет разума, он просто увидит мою маленькую лодочку, плывущую к противоположному берегу. Этой подсказки достаточно. Если человек не способен понять ее, то он не поймет и ничего другого».

Итак, Будда в конце концов признал, что обе категории просветленных равны и нельзя сказать, что кто-то из них достиг больших высот, чем другой. «Вы, архаты, — сказал Будда, — идите своим путем молча». А бодхисаттвам, которые готовы попытаться помочь другим людям, он говорил: «Что тут плохого? Вы обрели просветление и уже не можете его утратить — его невозможно утратить... так что же может быть плохого в том, что вы приложите некоторые усилия, чтобы спровоцировать людей, озадачить их, создать в них стремление и жажду? Вы будете работать с тысячами и, возможно, только один окажется готовым, но даже

это будет великим достижением на фоне всемирного невежества. Во тьме ночи даже огонек единственной свечи... его свет и великолепие воистину грандиозны, поскольку он может побудить другие свечи; зачем жить во тьме?»

Бодхисаттвы, идущие в народ, подобны светильникам — радостным, танцующим, изящным. Они пробуждают стремление, глубоко подавленные голод и жажду Высшего.

Сосёки писал:

*Несколько клочков белого облака
 Парят у входа в пещеру,
 Не преграждая путь моему другу по дхарме,
 Когда он приходит постучать в мою дверь.
 Я никогда не умел
 Скрывать, что ничего не делаю
 Целыми днями.
 Мы беремся за руки и ходим туда-сюда,
 Туда-сюда.*

Необычайно загадочное утверждение, но очень простое. Иногда нечто простое намного загадочнее сложного. *Несколько клочков белого облака...*

Представьте себе все это живо — ведь дзэнские стихи предназначены не для того, чтобы читать, но чтобы видеть. Представьте себе эту пещеру: *несколько клочков белого облака парят у входа в пещеру, не преграждая путь моему другу по дхарме, когда он приходит постучать в мою дверь.*

Кто такой этот друг по дхарме? Мы называем его буддой. Эти белые облачка не преграждают дорогу будде, когда он приходит постучать в мою дверь. Я никогда не умел скрывать, что ничего не делаю целыми днями.

Он говорит, что эти облачка не могут помешать мне быть буддой. Стук в дверь идет не извне. Будда хочет выйти на окружность. С него довольно. Он прятался в центре твоего существа на протяжении многих жизней, на протяжении веков, тысячелетий. Наступает день, когда он тоже хочет видеть восход и закат, и звездное небо, и все дивные цветы мира.

Однажды медитирующий наконец слышит стук изнутри. До сих пор ты слышал только стук снаружи, но однажды, в самый разгар ночи, ты услышишь, как кто-то стучится изнутри. Это очень странное переживание. Не бойся: это твой друг по дхарме. Это само твое существо, и оно говорит: «Ты уже готов, открой дверь, выпусти меня. Позволь мне проявиться в твоих делах, в твоих жестах, в твоих словах, в твоём молчании».

Поэтому, если иногда вы слышите стук, не ошибитесь. Анандо слышит стук. Она думает, что кто-то — в частности, я — стучится в ее дверь. Но я заперт в моей комнате, а ключ находится у Нирвано. Я не могу выйти. Но Анандо... Я снова и снова пытаюсь убедить ее, что не стучался к ней, и тогда она думает: «Наверное, стучался покойный Майтрейя». Они жили по соседству и очень дружили: обменивались газетами. «Вероятно, Майтрейе тоскливо лежать в холодной могиле, особенно ночами, и иногда ему хочется узнать, что происходит в мире. Возможно, это он стучится. Да, вполне возможно».

Но, насколько я знаю, внешняя дверь по ночам закрыта. Все двери закрыты. Стук доносится изнутри, но поскольку ты никогда не слышала, чтобы стучались изнутри, ты ошибочно полагаешь, что он доносится снаружи.

Итак, Анандо, запомни: в следующий раз, когда услышишь стук, знай, что он исходит не снаружи, это

стучится не призрак — добрый или злой. В мире бывают самые разные призраки, но это стучится твое собственное существо. Не подавляй его, не пытайся от него сбежать. Прислушайся. Что оно хочет? Оно хочет выйти наружу. Твое существо хочет выйти во внешний мир, во всем своем великолепии.

Сосёки говорит: «Ничто не препятствует моему другу, когда он стучится в дверь».

Конечно, Сосёки беспокоится: «Что он подумает? Ведь я никогда не умел скрывать, что ничего не делаю целыми днями; я просто ничего не делаю». Он немного волнуется: «Что об этом подумает будда? Не подумает ли он, что я просто лентяй и паршивец, который только и знает, что бездельничать день за днем?»

Но в конце концов мы беремся за руки и ходим туда-сюда, туда-сюда, из центра к окружности, от окружности к центру. Медленно, медленно вы с буддой становитесь одним, и нет уже двух различных сущностей.

Когда ты становишься более молчаливым, более беззащитным, более уязвимым, когда ты полностью раскрываешься, то обе эти руки — твои. Тогда начинается новый танец, танец неопишуемой красоты. Тогда приходит опьянение, не принадлежащее этому миру. Можно назвать это божественным вином, как называли его суфии.

Маниша спрашивает:

Наш любимый Мастер!

Каждый вечер, прежде чем соскользнуть в сон, я двадцать раз безмолвно повторяю слово «свидетельствование», вспоминая при этом само пространство свидетельства. Первой или второй мыслью после пробуждения неизменно

оказывается воспоминание о необходимости свидетельствовать.

Что происходит? Разум вспоминает о свидетельствовании под воздействием самогипноза?

Маниша, прежде всего не нужно отсчитывать двадцать раз. Нужно просто повторять и засыпать, повторяя. Тогда это не будет первой или второй мыслью; это будет первой мыслью после пробуждения. Повторяй слово «свидетельствование» и при этом создавай пространство — не только слово «свидетельствование», но и пространство вокруг этого слова, которое ты ощущаешь во время медитации. Просто удерживай это слово и пространство. Но не считай, не будь такой мелочной — двадцать раз...

Хорошо, что на моем месте не сидит Ма-цзы, иначе он прямо с этого кресла бросился бы на Манишу и сделал бы из нее свидетельницу на всю жизнь — живую или мертвую — не имеет значения. Ты все делаешь правильно. Не называй это гипнозом, поскольку христианство дискредитировало это слово. Прекрасное слово, и прекрасен сам процесс, но поскольку ты воспитана в христианской среде, тебе очень сложно избавиться от этого наследия.

Поэтому, когда ты называешь этот процесс гипнозом, твой христианский разум говорит, что ты делаешь что-то не так. Забудь о самогипнозе; это медитация. Ты просто пытаешься заставить разум помнить, что после пробуждения твоя первая мысль должна быть о свидетельствовании и о пространстве свидетельства. Это прекрасный процесс.

Если ты будешь повторять это слово и вспоминать его пространство в момент засыпания, то оно войдет в твой сон. Ты заснешь, но слово и его пространство останутся в глубине твоего разума. Вся ночь превра-

тится в медитацию. И, очевидно, первая мысль после пробуждения будет о том же, ибо свидетельствование подспудно было с тобой всю ночь.

Но не называй это гипнозом, хотя ничего плохого в гипнозе нет — это другое название медитации. Однако христианство причинило миру огромный вред: из-за него люди избегают замечательного явления, которое помогает раскрывать тайны человеческого сознания, лечить психические заболевания. Но из-за христианства... и другие религии тоже стали подражать ему, поскольку, к сожалению, христианские народы создали грандиозные империи во всем мире. Поэтому даже нехристианские страны переняли системы образования и общий климат, сложившийся в христианских государствах, и все это очень сказалось на индуистах, на магометанах, на буддистах.

Это бедствие коснулось не только христиан, оно коснулось всех в мире — но христиан в большей степени, и, в частности, это касается Маниши. Ее обучали в христианском учебном заведении на медсестру, — ведь быть медсестрой — это великая добродетель, ухаживать за больными — это великая добродетель, в ином мире тебя ждет награда за это.

Поэтому чем больше людей болеет, тем лучше — в частности, для христиан. Чем больше людей становятся сиротами, тем лучше для Матери Терезы, для Папы Польского: им легче обратить их в христианство. Чем больше в мире нищеты, тем лучше для христиан, ибо обратить можно только бедных.

Ни одному богатому буддисту никогда даже во сне не привидится, будто он обратился в христианство. Христианство — такая примитивная религия, такая по-детски наивная, такая глупая, что ни одного культурного индуиста, магометанина или христианина —

да, я включаю сюда и разумных христиан — христианская теология ни в чем убедить не может. Они просто формально признают себя христианами.

Я был в Греции. Вот, здесь присутствует Амрито, и я спросил у нее, сколько процентов греков являются православными христианами. Она сказала, что православные христиане составляют около девяноста процентов жителей страны, но только четыре процента ходят в церковь.

А как же остальные восемьдесят шесть процентов? Они являются христианами только формально. Ни один разумный человек не может принадлежать к такой третьесортной религии, как христианство. Поэтому христианство полностью зависит от бедняков и сирот, — и для того, чтобы плодилось побольше бедняков и сирот, христианство выступает против контроля рождаемости.

Удивительный феномен: ведь они же видят, что планете грозит перенаселение; люди станут просто убивать друг друга, пожирать друг друга. К концу этого столетия может наступить момент, когда человечество сплошь превратится в людоедов, — и все это по милости христианства.

Глубоко в подсознании у Маниши сохранились следы христианского воспитания.

Поэтому не используй слово «гипноз». Хотя это слово прекрасно — так же прекрасно, как медитация. Эти слова — синонимы, и все же слова «гипноз» лучше избегать. Медитируй, но не считай, ибо если ты считаешь, то кто тогда медитирует? Если *ты* считаешь, кто свидетельствует? Не считай, ибо в счете теряется свидетель. Теряется пространство свидетельствования.

К тому же куда торопиться? Сон придет сам по себе. Просто наслаждайся пространством свидетельствова-

ния, и пускай оно сольется со сном. В течение нескольких секунд ты будешь слышать далекое эхо, а затем забудешь о свидетельствовании. Но оно станет подспудным течением. Шесть или восемь часов сна можно превратить в исключительно плодотворную медитацию.

И доказательством того, что она была успешной, станет то, что, едва открыв глаза — или даже еще до этого, едва осознав, что ты проснулась, — ты сразу же встретишься с тем, с чем рассталась, соскальзывая в сон. Это значит, что связь не обрывалась, свидетельствование постоянно продолжалось на заднем плане — с того времени, когда ты бодрствовала вечером, до того момента, как ты проснулась.

Ты занимаешься прекрасной медитацией. Тебе нужно отказаться всего от двух вещей: не считай и не называй это гипнозом.

А сейчас пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Направьте на него свет! Вот так! Вы только посмотрите на его тюрбан. С каким удовольствием он его носит! Однажды он принес тюрбан и мне. Он хотел, чтобы я предстал перед аудиторией в тюрбане. Я ответил:

— Это уже будет слишком! Власти и так почему-то заподозрили, будто я провоцирую хаос в Пенджабе. Я даже не выхожу из своей комнаты, а правительственные агенты постоянно пытаются пронюхать, какова моя позиция по поводу пенджабской проблемы. Если я появлюсь на людях в этом красочном тюрбане, могут возникнуть лишние сложности.

Смотрите, он выступает в этом тюрбане, словно жених на брачной церемонии. Я просто обязан каждый день искать для него новые анекдоты. Кто знает... он такой древний и в любой день может сыграть в ящик. Но мы набьем из него чучело и оставим здесь, с этим

тюрбаном на голове, — обещаю, — ибо без него мне не захочется больше шутить!

Нэнси Рейган секретничает со своей лучшей подругой Хезер Майндбендер, сидя возле бассейна в Белом Доме.

— Совсем никакой жизни не стало, — всхлипывает Нэнси, глядя в стакан ананасового коктейля. — С тех пор как Рональд стал четырехсотпроцентным импотентом, нет в моей жизни счастья!

— Эй, погоди минутку, — говорит Хезер. — Стопроцентный импотент — это уже достаточно паршиво, — но четырехсотпроцентный? Да он что, там совсем сгнил?

— Ты не понимаешь, — хнычет Нэнси. — Стопроцентным импотентом он стал тогда, когда во время съемок одного ковбойского фильма его лягнул копытом между ног конь Джона Уэйна. Но на прошлой неделе, упав со своего колесного кресла, он сломал обе руки и откусил себе язык!

Медленно и печально звонят колокола Ватикана в Риме: Папа Польский при смерти.

На площади святого Петра собрались правоверные католики, чтобы помолиться за здоровье Папы. Кардинал Кошкинзад начинает специальную церемонию.

— Слушайте, — обращается Кошкинзад к толпе, — я хочу, чтобы кто-то из вас, агнцев, пожертвовал часть своей жизни правоверному Поляку Господнему — то есть Папе. Помолитесь Господу, чтобы он взял частичку вашей жизни и отдал ее нашему Папе Польскому.

Миссис Хлорекс делает шаг вперед, воздевает руки и восклицает:

— Я отдаю нашему Польскому Папе неделю своей жизни!

Толпа одобрительно ахает. Вперед выходит отец Копун:

— Я жертвую Папе Польскому два дня моей жизни!

Толпа одобрительно вздыхает. Тут на площадь входит группа туристов из Израиля, и находящийся в их числе Мойше Финкельштейн начинает отчаянно размахивать руками, крича:

— Я жертвую двадцать лет жизни...

— Чё? — дергает Мойше за рукав его друг, Хаим. — Ты чё, сдурел? Зачем так много? К тому же ты иудей!

Мойше оглядывается на Хаима и продолжает:

— ...моей тещи!

Каждую пятницу Нелли Дубцек сбегает из психиатрической клиники «Солнечная Долина» и носит голая по лесам вокруг заведения.

И каждую пятницу шизик Мелвин, псих Ларри и придурок Карл смотрят, как она сбрасывает одежду и перебирается через забор.

И каждую пятницу дурдомовский охранник Яцек Яйский посылает трех психов, чтобы они поймали и вернули голую Нелли в больницу.

Как-то раз три психа слишком уж задержались, и Яйский решил пойти сам поискать их. Едва он вошел в лес, как мимо него пронеслась голая Нелли Дубцек с улыбкой от уха до уха. Затем

он увидел преследующих ее по пятам психа Ларри и придурка Карла.

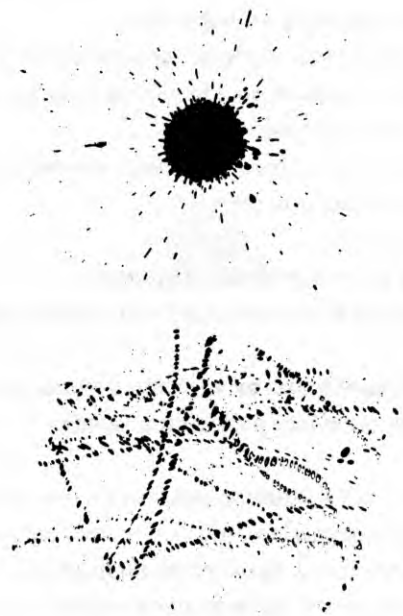
Через пару минут появился и шизик Мелвин. Он бежал, отдуваясь и сопя с двумя ведрами песка в руках.

— Эй, погоди, Мелвин! — кричит Яйский. — Что ты делаешь? Зачем тебе эти ведра? Так ты черта с два поймаешь Нелли!

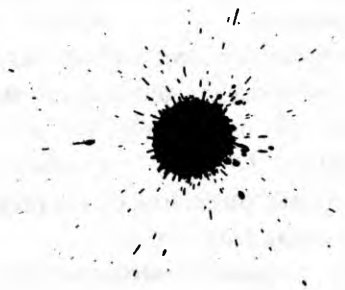
— Я знаю, — жадно хватая ртом воздух, отвечает запыхавшийся Мелвин, — но сегодня моя очередь бежать с ведрами, потому что я поймал ее на прошлой неделе!

Наступит время, и до вас дойдет!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина.

Закрой глаза.

Почувствуй,

будто твое тело полностью заморожено.

Теперь посмотри внутрь себя,
 всем своим сознанием: спеши, словно
 настал последний миг твоей жизни на земле. Толь-
 ко так, не мешкая,
 ты можешь совершить качественный скачок
 с окружности в центр.

Глубже, глубже...

и, когда тыходишь к центру,
 атмосфера в Аудитории Будды полностью изменя-
 ется.

Величайшая безмятежность и тишина ниспадают
 на тебя цветами радости и покоя.

Помни одно: в центре ты —
 не более чем свидетель,
 свидетель тела, свидетель разума,
 свидетель всего того великолепия,
 которое ты переживаешь в центре.
 В центре все вы — будды.

Будда-Холл —

место встречи десяти тысяч будд.

В этот момент ты един со своей вечностью.

В этот момент тебя уже нет.

Будда-Холл превратился

в озеро чистого сознания без единой волны,
 без единого всплеска.

Возрадуйся своему блаженству,

ибо весь мир забыл красоту источника жизни, за-

был блаженство истинного лица,

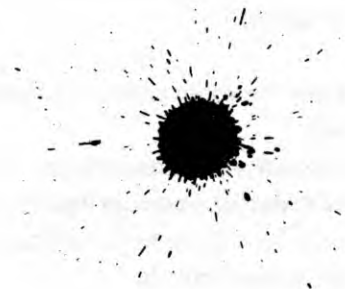
забыл бесконечную радость

и благодать слияния с океаном —

так росинка соскальзывает с лепестка лотоса
 в океан и становится им.

Чтобы стало абсолютно ясно,

Ниведано...

Расслабься.

Но по-прежнему помни, что ты — свидетель.

Тело — это не ты.

Разум — не ты.

Ты — только чистый свидетель.

Это единственное, что вечно в тебе,

все остальное — тлен.

Этот вечер прекрасен сам по себе,
но ты влил в него еще больше красоты
и благодати, достигнув источника жизни. Благо-
даря тебе он воистину достоин того, чтобы о нем
вспомнить.

Ты стал свидетелем взрывающихся повсюду фейер-
верков:
их запускают в память о великом медитирую-
щем — Махавире.
Он обрел просветление в безлунную ночь.
Скоро наступит эта ночь,
и в Индии будет праздник огней
в память о Махавире.

Он обрел просветление.

Просветление — это не что иное,
как праздник огней.

Ты несешь в себе будду во всем его величии
и великолепии.
Вся работа твоей жизни состоит в том,
чтобы перенести будду из скрытого центра
на окружность твоей деятельности,
в твои песни, в твой танец,
в твои повседневные действия и занятия.
Возьми будду за руку, выведи наружу,
и скоро ты заметишь,
что понемногу растворяешься,
а на твоём месте проявляется будда.

День величайшего праздника наступит тогда,
когда тебя совсем не останется, —

только будда.
Собери прекрасное пространство и ниспадающие
на тебя цветы,
ибо скоро Ниведано призовет тебя обратно.

Приготовься.
Убеди будду пойти с тобой.
Он еще ни разу никого не подвел.
Он всегда готов прийти — нужно только пригласить
его с почтением,
нужно прийти к нему с молитвой.

Ниведано...

Возвращайся, но возвращайся как будда,
неся с собой великую тишину, покой, безмятеж-
ность, благодать.

Посиди несколько секунд,
вспоминая, как ты шел в центр, —
на что это было похоже,
каков вкус этого путешествия,
вспомни золотую тропинку, по которой ты шел
туда и обратно,
ибо тебе нужно будет еще ходить и ходить
по ней.

*С каждым днем она будет становиться все короче,
и однажды внезапно окажется,
что центр и окружность слились в одно.*

Ты — окружность, будда — центр.

*В день, когда они встречаются,
рождается новый человек.*

Новый человек станет триумфом мира.

Новый человек станет богатством мира.

Новый человек непринужденно создаст новый мир.

Новый человек — единственная надежда.

— Хорошо, Маниша?

— Да, любимый Мастер.

Синее небо

Наш любимый Мастер...

Однажды в монастырь Исана пришли два дзэнских монаха из соперничающей общины и отметили:

— Здесь нет ни единого человека, способного понять дзэн.

Позже, когда все монахи пошли за дровами, Кёдзан заметил, что эти двое присели отдохнуть. Кёдзан указал им на полено и спросил:

— Что вы можете сказать об этом?

Монахи промолчали, и Кёдзан произнес:

— Тогда не говорите, что здесь никто не способен понять дзэн.

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сообщил Исану:

— Сегодня я разоблачил этих двух дзэнских монахов.

— Каким образом? — спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему о лесном диалоге, на что Исан заметил: — А я разоблачил тебя.

Маниша, дзэнский диалог не складывается из слов. Дзэнский диалог — это общение в тишине. Когда встречаются два дзэнских мастера, тот, кто заговорит первым, теряет свой статус. Проходят дни, они могут есть вместе, любоваться великолепием восхода и звездного неба, но никто не скажет ни слова. Не говорить ни слова и просто быть зеркалом...

Зеркало ничего не говорит об отражении, точно так же как и озеро. Пускай луна прекрасна, луна отражается; озеро готово танцевать от счастья.

Нечто подобное происходит с сознанием. Когда достигаешь его высот, слова остаются далеко внизу, словно ты поднялся над облаками. Стоит тебе вставить слово, и общение испорчено.

Дзэн — единственное учение в мире, полностью отвергающее любые слова, язык, писание. И этот маленький эпизод может послужить вам иллюстрацией. При поверхностном рассмотрении кажется, что в нем не так уж много смысла, но в глубине — весь смысл, который может быть у истины, который может быть у красоты, который может быть у Бога.

Этот эпизод прост. Дзэн не верит в сложность, в лишние терминологические узоры и лингвистические ухищрения. Он указывает на факт непосредственно, не прибегая к помощи слов, ибо слова не помогут. На самом деле слово служит преградой. Убери слово, обрети бессловесное, безмысленное состояние, и все предстанет перед тобой кристально чистым и ясным — каким оно и было от начала времен. Просто твои глаза затянуло тучами слов: в твоём разуме накопилось так много хлама, который ты называешь религией. На самом деле весь хлам — это религия, и наоборот.

Функция дзэн состоит в том, чтобы одним ударом, словно мечом, без колебаний отсечь весь этот хлам, и тогда все небо — твое, вся ширь Вселенной — твоя.

Однажды в монастырь Исана пришли два дзэнских монаха из соперничающей общины и отметили:

— Здесь нет ни единого человека, способного понять дзэн.

Дзэнские монастыри соперничали друг с другом. Это началось в тот день, когда умер Гаутама Будда: немедленно возникли тридцать две школы, и каждая из них утверждала что-то верное по существу — но это была *не вся истина*. Возможно, язык просто не в состоянии выразить всю истину. Истина многогранна — ты можешь охватить только одну грань, и эта грань так всеобъемлюща, так всепоглощающа, что ты забываешь о том, что это не вся истина; ты прикоснулся только к одному уголку.

Первое, чем занялись монахи после смерти Гаутамы Будды, — стали собирать для грядущих поколений все случаи, высказывания, притчи из его жизни. Но они никак не могли прийти к взаимному согласию. Среди этих монахов было сто просветленных, и даже они не могли договориться между собой. В результате возникли тридцать две школы, а также ответвления, и ответвления ответвлений... буддизм превратился в ветвистое дерево с пышной листвой.

Поэтому не думайте, будто соперничающие монастыри враждовали между собой. Слово «соперник» может ввести вас в заблуждение. А каждый из соперничающих монастырей просто говорит: «Так видим истину *мы*». Они не утверждают, будто бы кто-то прав, а кто-то не прав; они ничего не говорят о вашем пути. И это дает большие возможности для обучения: мастера нередко посылали своих учеников к соперникам, просто для того, «чтобы ты знал, что у истины есть и другие грани; у меня нет монополии на истину».

Это очень необычный, очень сострадательный подход. Как правило, христианин не посылает своих учеников учиться у мусульманина-суфия или у буддийского монаха. Предполагается: «Мы знаем истину. Если же кто-то другой заявляет, будто знает истину, то он

не прав». Христианство и индуизм, иудаизм и мусульманство пали очень низко. Ты можешь провозглашать свою истину, но претендовать на монополию на истину нельзя — однако каждый претендует на монополию.

Христианин может признать, что Будда познал истину, «но наш путь намного лучше и короче». Он просто идет на уступку, поскольку хочет сосуществовать с остальным миром. Сосуществование принимает соперников, но не признает за ними ту же высоту, и в сердце его всегда теплится мысль: другие могут быть хороши, но не настолько, как я.

Дзэн изначально проявляет иной подход — более человечный, более экзистенциальный, более истинный. Дзэн не ждет, что истина приспособится к нему, он сам стремится приспособиться к истине. Человек дзэн готов отдать все — отбросить свою обусловленность, свои писания, свои статуи. И он осознает, что истина — настолько широкое явление, что никто не может претендовать на то, будто владеет ею всей.

Мы привыкли к аристотелевской логике, а она очень бедна, ибо допускает только «да» и «нет». Она очень проста и прозрачна. Если кто-то спрашивает у тебя: «Что ты думаешь о Боге?» — ты отвечаешь либо «Да, Бог есть», либо «Нет, Бога нет». Увы, реальность не так проста.

Логика Гаутамы Будды имеет не два, а четыре деления. Логика Будды предполагает четыре возможных ответа на вопрос о Боге: «Да, Бог есть»; «Нет, Бога нет»; «И да, и нет» и четвертый ответ, *анирвачанья, авьякхья* — то, что не может быть высказано.

Возможно, ты будешь сбит с толку: тебе не предлагают определенного направления, куда двигаться. Да или нет, или да и нет одновременно, или то, что не может быть высказано...

Махавира пошел еще дальше. Его логика еще выше: в ней семь делений. Да; нет; да и нет; то, что не может быть высказано, — эти четыре деления приняты Буддой. Махавира идет несколько глубже, он добавляет: да и то, что не может быть высказано; нет и то, что не может быть высказано; и седьмое — просто изменчивое *Unsayable**.

Эти различия очень показательны. Они служат свидетельством того, что этих людей не интересовала философия, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы преподнести тебе истину как можно более объемно, показать ее с разных сторон. Поэтому последнее деление всегда *анирвачанья* — то, что не может быть высказано. Тебе нужно прийти в такое место внутри себя, куда не доходит ни одно слово, и из этого места невозможно вынести никаких объяснений. Можно вынести только опыт. Ты трансформировался, ты переродился, но ты не можешь вынести оттуда философию. Ты станешь новым существом, новой радостью, новым смехом. В тебе расцветут новые цветы, но все, что ты можешь, — петь, танцевать, играть на своей флейте. Слова тут являются самой низшей формой выражения.

Однажды в монастырь Исана пришли два дзэнских монаха из соперничающей общины и отметили:

— Здесь нет ни единого человека, способного понять дзэн.

Очевидно, заурядный ум всегда думает: «Я выше. Я умнее. У меня больше истины».

* *Unsay* (англ.) — брать свои слова обратно. — Прим. перев.

Позже, когда все монахи пошли за дровами, Кёдзан заметил, что эти двое присели отдохнуть. Кёдзан указал им на полено и спросил:

— Что вы можете сказать об этом?

Монахи промолчали, и Кёдзан произнес:

— Тогда не говорите, что здесь никто не способен понять дзэн.

Вам нечего сказать даже о пламени, объявшем горящие дрова; а что вы можете сказать о полене?

Один из крупнейших философов нашего столетия Дж. Э. Мур написал книгу «Что есть благо?». Всю свою жизнь Мур размышлял над тем, что означает благо. И он пришел к выводу, — после двухсот пятидесяти страниц пространных рассуждений о благе, — он в конце концов пришел к выводу, что благо не поддается определению.

Именно это Будда и называет *анирвачанья*, то есть не поддающееся определению. Именно это Махавира называет *авьякхья* — не поддающееся определению.

После двухсот пятидесяти страниц сложнейших рассуждений он утверждает, что мы ничему не можем дать определение. Например, тебя спросят: «Что такое желтое?» Что ты ответишь? Ты ответишь: «Желтое — это желтое», — не очень-то вразумительный ответ.

Приближаясь к реальности, ты становишься бессловесным. Оказывается, даже такие слова, как «желтый», не поддаются определению. Полено? Что ты можешь сказать о нем? Что ты можешь сказать такого, что не было сказано прежде?

Монахи промолчали, и Кёдзан произнес:

— Тогда не говорите, что здесь никто не способен понять дзэн.

Возьмите свои слова обратно.

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сообщил Исану, Мастеру:

— Сегодня я разоблачил этих двух дзэнских монахов.

— Каким образом? — спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему о лесном диалоге, на что Исан заметил: — А я разоблачил тебя.

Этот момент нужно понять — ибо Кёдзан сам еще на пути, он не достиг. Что он знает о просветлении? Что он знает о разоблачении невежества? И если ты начинаешь разоблачать людей, а затем приходишь и бахвалишься тем, что сослужил хорошую службу...

Он пришел к мастеру Исану за похвалой. Но Исана обмануть не так легко. Исан сказал: «А я разоблачил тебя. Ты такой же дурень, как те два монаха. Ни они не знают, что такое безмолвие, ни ты».

А истина — совершенно безмолвное состояние бытия, настолько безмолвное, что ты почти исчезаешь; настолько безмолвное, что ты становишься только лишь осознанием: тела нет, разума нет — все это осталось позади. Есть только маленький огонек осознания в прекрасном безмолвии, окружающем тебя. И об этом ничего сказать невозможно.

Вы, должно быть, слышали звуки фейерверков несколько дней назад. Люди не понимают, люди уже забыли, почему мы запускаем эти фейерверки и салюты. В эту ночь Махавира обрел просветление. И Махавира — исключение, ибо все будды обретали просветление при полной луне, Махавира же стал просветленным в безлунную ночь. И тут ничего нельзя сказать — только зажечь тысячи свечей в его

честь. Миллионы свечей по всей Индии — это и есть праздник огней.

Если кто-то спросит вас: «Что есть истина?» — покажите ему свое безмолвие. Покажите ему свое благоухание, свою любовь. Разделите с ним свое присутствие.

Есть один рассказ о Лао-цзы. Каждое утро он ходил на прогулку в горы. Как-то раз сосед попросил его:

— Можно пойти с тобой?

— Дорога мне не принадлежит, — ответил Лао-цзы. — Но если ты хочешь пойти со мной, то вот условие: ты не должен произносить ни слова.

И соседу это удалось. Он сумел кое-что постичь, просто идя в лесную чащу вслед за мудрецом. Медленно, понемногу, они становились все ближе — одного присутствия Лао-цзы было достаточно. Вскоре сосед понял, почему тот поставил условие «не говорить»: любые слова разрушили бы это великое благословение, это великое блаженство, которое рождалось в двух сердцах, — этот свет, лучащийся из двух крошечных огоньков.

Однажды этот сосед сказал Лао-цзы:

— Ко мне на несколько дней приехал друг. Можно я возьму его с нами?

— С тем же условием, — ответил Лао-цзы.

Но друг не понимал, что условие не случайно. Он молчал изо всех сил. То и дело ему хотелось сказать что-то, но он себя всякий раз сдерживал. Однако когда начался восход солнца, такой прекрасный восход: и пение птиц... этот человек не выдержал. Он забыл об условии и произнес:

— Какое изумительное утро!

Не очень много... но Лао-цзы посмотрел на своего соседа. А дома Лао-цзы сказал:

— Твой друг не может гулять со мной. Слишком болтлив.

— Но ведь он произнес только одно предложение за два часа: «Какое изумительное утро!», — возразил сосед.

— Ты слышал только то, что было высказано вслух, — сказал Лао-цзы, — но не слышал, как он болтал в сердце своем и постоянно сдерживался. Из-за него у меня пропало все утро. И если ему кажется, что утро изумительно... разве мы слепые? Мы тоже видим, что утро изумительное, зачем говорить об этом? К кому он обращался?

Бывают моменты, когда ты внезапно чувствуешь, как расширяется твое сознание. Это бывает, когда слушаешь прекрасную музыку, или стихи, или смотришь на картину, или просто медитируешь — сидишь безмолвно, ничего не делаешь.

Никто не превзойдет Басё, — ни один поэт в целом мире, на каком бы языке он ни писал, — когда тот говорит: «Сижу безмолвно, ничего не делая, приходит весна, трава растет сама по себе».

Просто научись безмолвию, чтобы ни единая волна не пробежала по твоему сознанию, и тогда ты — будда. Эта маленькая преграда, которая называется языком, — единственная преграда. Стоит ее преодолеть, и каждый — будда. Поэтому я и говорю: быть буддой очень просто.

Однажды, увидев, что преграда только в языке, я отбросил его. И если весна приходит для Басё, она приходит и для меня. Если трава растет сама по себе, тогда о чем беспокоиться? Я просто сжился со своей буддовостью.

Нет необходимости прикладывать какие-либо усилия. Любые усилия направлены на то, чтобы разрушить

усилия, на то, чтобы утомить тебя и подвести к моменту, когда ты свалишься, едва живой от усталости, — «Довольно!». Это момент нового источника жизни, новой звездной ночи, цветения новых роз вокруг тебя.

Сосёки писал:

Все заботы и волнения

Ушли из моей груди,

И я радостно играю

Вдали от мира.

Для человека дзэн

Не существует пределов.

Синему небу должно быть

Стыдно, что оно так мало.

Только человек дзэн, человек просветления может сказать:

Синему небу должно быть стыдно, что оно так мало.

Твое сознание становится невероятно широким, и в этой широте, в этой океанической безбрежности кто станет беспокоиться о банальных вещах, — например, правильно ли завязан галстук? Кто станет беспокоиться о мелочах? А все наши волнения — о мелочах. Ты никогда не беспокоился о чем-то значительном. Просто оглянись, и ты не найдешь ничего, о чем сможешь сказать: «Тогда-то и тогда-то я беспокоился о чем-то значительном» — одни только мелочи.

Мулла Насреддин всегда покупал себе очень тесные башмаки — на размер меньше, чем нужно. Он постоянно жаловался и ворчал по этому поводу:

— Эти башмаки меня когда-нибудь доконают!

— Почему же ты не купишь себе новые? — спрашивали люди.

Когда старые башмаки износились, Насреддин пришел в обувную лавку за новыми и попросил тот же размер. Сапожник удивился:

— Ты что, с ума сошел? Так твои мучения никогда не закончатся.

— В этом глубокая мудрость, — сказал Насреддин. — У меня очень много проблем, а эти башмаки постоянно отвлекают мое внимание и остальные тревоги отступают. Уж лучше терпеть эти башмаки. Единственный известный мне способ уйти от всех остальных забот — создать еще большую проблему. Это ведь так просто. А когда я по вечерам возвращаюсь домой и снимаю их: дружище, знал бы ты, какое это облегчение! Эти башмаки — моя единственная надежда найти хоть какое-то облегчение в жизни.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!

Имеет ли то время, когда тебя с нами нет, какое-то особое значение в твоей работе с нами?

Маниша, все, что здесь происходит, имеет особое значение. Вы должны учиться в моем присутствии, и вы должны учиться в мое отсутствие, и вы должны прийти до точки, когда мое присутствие и отсутствие не имеют значения. Не нужно привязываться к моему присутствию.

Именно поэтому Гаутама Будда говорил своим ученикам: «Если я явлюсь вам в медитации, немедленно отрубите мне голову. Не привязывайтесь ко мне, иначе я стану препятствием».

А любовь между учеником и мастером — самая близкая, самая высокая. Вы должны научиться моему отсутствию, вы должны радоваться моему отсутствию так же, как присутствию, ибо я не могу оставаться здесь вечно. И не откладывайте это на потом, потому что в любой день...

Что касается меня, то моя работа здесь завершена. Я остаюсь тут исключительно из любви к вам. Но вы должны научиться моему отсутствию, поскольку с каждым днем я буду присутствовать все меньше. С каждым днем я буду присутствовать среди вас все меньше, а отсутствовать — дольше.

Я больше не вернусь сюда в теле, это последний раз. Со мной ли, без меня — вы должны быть одинаково погружены в безмолвие, любовь и медитацию. Различие между моим присутствием и отсутствием должно полностью стереться.

Маниша задала еще один вопрос:

Наш любимый Мастер!

Меня озадачивает рассказ о том, как Будда механически согнал муху со лба. Разве он мог делать что-то неосознанно, механически? Я думала, что, обретя просветление, человек уже не перестает осознавать все, что он делает, — все двадцать четыре часа в сутки.

Маниша, ты задала правильный вопрос.

Я разговаривал с буддийскими монахами во время их собраний. Глава индийских буддистов, Ананд Каусальяян, был очень озадачен, поскольку эта история нигде не записана. Но даже он не задал правильный вопрос, но спросил только:

— Где это записано?

— Не важно, — ответил я. — Можешь записать это сам!

— Прекрасная история, — сказал Ананд, — она очень ясно описывает проблему механического поведения и осознанного поведения.

Но даже он не сумел задать нужный вопрос.

Ты задала очень значимый вопрос. Я всегда надеялся, что у меня когда-то об этом спросят. Да, это правда, что, став буддой, ты всегда остаешься буддой. Как тогда объяснить эту притчу?

Будда сделал это специально для Ананды, шедшего вместе с ним. Даже в первом случае Будда действовал не механически, он просто *разыграл* механическое действие — совершенно сознательно. Затем остановился и повторил движение руки.

— Что ты делаешь? Ведь мухи уже нет, — сказал Ананда.

— В первый раз я сделал это механически, — ответил Будда. — Это неправильно. Я увлекся нашей беседой. Мне следовало прогнать муху более сознательно, более осознанно, более изящно и любовно. Именно это я и делаю сейчас. Муха уже улетела, а теперь я компенсирую то, что должен был сделать — но не сделал вовремя.

Насколько я знаю, Будда никогда не действовал механически. Он разыграл механическое действие ради Ананды, чтобы провести четкое разграничение между сознательным и несознательным действием, — и это получилось у него воистину грациозно. Однако этого случая нет в буддистских писаниях. Что делать? Этот эпизод так прекрасен, что стоило бы его записать.

Я и записал его в своей книге «Дхаммапада». Ведь, в конце концов, сам Будда ничего не писал. Все, что напи-

сано, — написано после Гаутамы Будды, — что-то через день, что-то через год. Я написал через двадцать пять столетий! Живая река должна течь через новые земли, новые пастбища. В тот миг, когда река перестает течь, она превращается в застоявшееся мертвое болото.

Теперь настало время Сардара Гурудаяла Сингха. Он уже заждался. Вот он, во всем своем великолепии, с радужным тюрбаном на голове. Я уже начал было волноваться, увижу ли его снова. Но Сардар очень упрямый парень: он сидит на своем месте, в этом потрясающем тюрбане и ждет, когда наконец настанет его время.

*У Папы Польского ужасная проблема: он мо-
чится в кровать. В конце концов он решает-
ся обратиться к доктору Айболиту, в надежде, что
тот его вылечит.*

*— Присаживайтесь, ваша святость, — гово-
рит психоаналитик Айболит, — и расскажите
мне, что вас беспокоит.*

*— Дело в том, — говорит Польский Папа, —
что каждую ночь мне во сне является маленький
красный чертик с хвостиком и рожками и говорит:
«Папочка, нам пора сделать пи-пи». А проснув-
шись, я обнаруживаю, что снова намочил постель.*

*— Очень интересно, — говорит психоанали-
тик, — но мы легко это вылечим. В следующий раз,
когда чертик во сне скажет вам, чтобы вы помочи-
лись, просто скажите: «Нет, Дьявол! Мне не нужно
пи-пи, — я не хочу пи-пи, — не хочу и не буду!»*

*— А ведь это мысль! — восклицает Папа
Польский, благодарит доктора Айболита и воз-
вращается в Ватикан.*

Можете не сомневаться, что на следующую ночь к Папе Польскому во сне снова приходит маленький красный чертик с рожками и хвостиком и говорит:

— Привет, Папочка, нам пора сделать пи-пи.

Но Папа отвечает:

— Нет, Дьявол! Мне не нужно пи-пи, — я не хочу пи-пи, — не хочу и не буду!

— Ага! — говорит чертик. — Значит, ты не хочешь пи-пи? Ладно, сегодня ты можешь сделать ка-ка!

Однажды вечером после богослужения отец Граб и пожилой отец Гриб решили причаститься церковным вином. Через час и две бутылки им стало совсем хорошо, и отец Граб предложил покататься на мопеде по парку.

Итак, они поехали, отец Граб за рулем, а отец Гриб сзади, оба в стельку пьяные. Вилля из стороны в сторону, они мчатся по улицам города, словно два маленьких адских нетопыря, и тут отец Граб отрывает обе руки от руля и кричит:

— Смотри-ка! Без рук еду!

В этот момент они обгоняют полицейского Малдона, который медленно патрулирует свой участок на мотоцикле.

Коп догоняет священников и велит им остановиться. Учувя запах вина, он вытаскивает из кармана ручку и блокнот.

— Вам придется заплатить пятьдесят долларов штрафа, святой отец, — говорит Малдон. — Вы пьяны, и вы не держали руль.

— Но, сержант, — хнычет отец Граб, — я молился, и Господь взял управление на себя.

— Ладно, — улыбается коп, — тогда я выпишу сто долларов штрафа: за то, что вы ехали пьяные на мопеде втроем!

Сирил, сынишка фермера Луггина-Блинса, прибегает к папе весь в слезах. Его руки и ноги сплошь покрыты волдырями от пчелиных укусов.

— Что случилось? — спрашивает фермер Луггин-Блинс.

— Папа, — ревет Сирил, — я гулял по пастбищу возле ульев, и вдруг ни с того ни с сего на меня набросились пчелы и укусили!

— Чепуха! — говорит фермер. — Пчелы не жалят без причины. Должно быть, ты их раздражил.

— Нет, папа, честное слово, — хнычет Сирил, — я просто гулял поблизости, а они на меня налетели и укусили!

— Врешь! — говорит фермер Луггин-Блинс. — В доказательство я позволю тебе привязать меня голого к яблоне возле ульев, и я простою там так до конца дня. Бьюсь об заклад, вечером ты увидишь, что меня не укусила ни одна пчела.

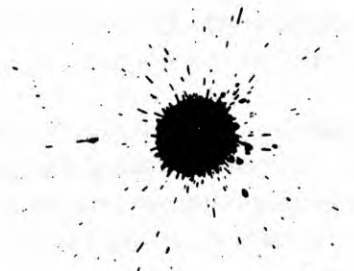
— Хорошо, папа! — просиял Сирил, затем привязал голого отца к яблоне и пошел играть.

Весь остаток дня Сирил слышал отчаянные вопли отца, но не спешил на помощь, желая хорошенько проучить недоверчивого родителя. Вечером Сирил подошел к яблоне и наконец освободил фермера.

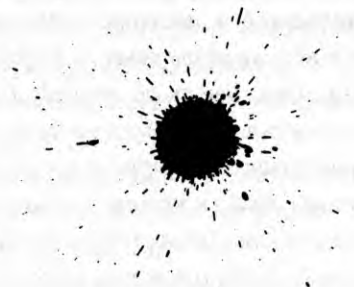
— А чего это ты кричал, па? — спросил мальчик с усмешкой. — Пчелы укусили?

— Нет, пчелы меня не тронули! — рявкнул Луггин-Блинс. — Но видишь вон ту телку? Она подумала, что я — ее мама!

Ниведано...

Ниведано...

Тишина. Закрой глаза.

Ощути, что твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь
себя всем своим сознанием;

поспеши, словно это последний миг
в твоей жизни.

Центр твоего существа недалеко.

Все, что тебе нужно, — это не мешкать.

Глубже и глубже, словно копье:
чем глубже ты проникаешь в свое существо,
тем глубже ты проникаешь в Сущее.

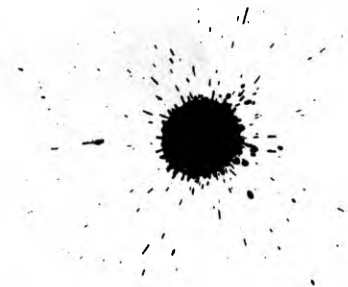
В этот миг ты — будда,
а быть буддой — значит обрести наивысший по-
тенциал своего существа.
Семя расцветает голубым лотосом.

Это тело — будда, этот мир — лотосовый рай.

Оставайся свидетелем.
Все бrenно, кроме свидетельствования.

Свидетельствование — другое название будды.

Чтобы стало яснее,
Ниведано...

Расслабься, но оставайся свидетелем.

Ты — не тело, ты — не разум.

Ты — чистое сознание.

И скоро ты поймешь, что у тебя нет пределов.

Будда-Холл превращается

в безмятежную гладь озера сознания.

*Собери столько цветов, которые цветут вокруг
тебя до самого горизонта, столько аромата...*

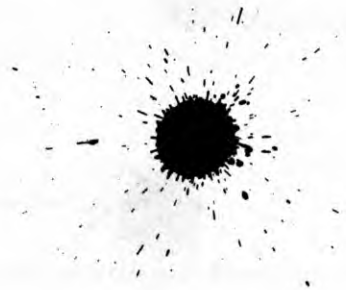
*И помни, что этот будда должен медленно, мед-
ленно выйти на окружность твоей жизни,
в твою повседневную работу.*

*Тогда даже эта работа
превратится в медитацию.*

*Прежде чем Ниведано призовет тебя обратно,
собери столько этого чистого пространства,
сколько возможно.*

Принеси с собой его танец, музыку, поэзию...

Ниведано...

*Возвращайся,
но возвращайся изящно, красиво, безмолвно.*

*Посиди несколько секунд,
вспоминая тот опыт, через который прошел.*

*Ты должен быть буддой в своей повседневной
жизни — двадцать четыре часа в сутки.*

Живой или мертвый, ты должен быть буддой.

Только будда не умирает.

Быть буддой — твоя судьба.

Нет более высокой благодати.

Нет более широкого экстаза.

Нет более глубокого блаженства.

*Медитация — единственная революция,
возможная в мире.*

Все остальные революции — обман.

— Хорошо, Маниша?

— Да, любимый Мастер.

Сущность дзэн

Наш любимый Мастер...

Однажды Кёдзан явился к Исану, чтобы испытать его. Исан сказал:

— Теперь тебя считают хорошим, одаренным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходят со всех сторон и знают, от тех, кто не знает; мастеров, которые обрели, от тех, кто не обрел; глубокое изучение от поверхностного? Объясни, чтобы я услышал.

— Кёдзан обладает этим опытом, — ответил Кёдзан. — Когда монахи приходят со всех сторон, он поднимает свою палку и спрашивает, преподают ли там, откуда они пришли, это. Затем, независимо от ответа, спрашивает: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»

Исан посмотрел на него с восхищением и сказал:

— Это плоть и кости нашей секты.

Маниша, здесь повисла такая тишина, что даже страшно произнести слово. Оно может всколыхнуть безмолвное озеро вашего сознания. Но помните, что после того, как сказаны слова, тишина становится еще глубже. Чем выше гора, тем больше окружающая ее долина. У великой горы не может быть маленькой долины. Природа во всем стремится к абсолютному равновесию.

Сущность дзэн состоит в том, чтобы вернуть вас к языку Сущего, который вы начисто забыли. Вы начисто забыли самое важное, и ваш разум наполнен всякого рода тарабарщиной.

Может быть, вы знаете это, может, не знаете, но тарабарщина (*gibberish*) — не английское слово. Это сло-

во пришло из Персии (так раньше назывался Иран), и оно происходит от имени мистика Джаббара, который никогда не говорил связно. Он говорил не просто бессвязно, его речь была начисто лишена грамматики и даже слов — одни только звуки. Именно благодаря Джаббару обрело существование слово *gibberish* (тарабарщина).

Но Джаббар пытался кое-что сказать посредством своей тарабарщины. Он говорил:

— Все, что мы можем сказать о Сущем, — тарабарщина.

Этот человек был очень хорошо сонастроен с Сущим.

В это трудно поверить, но у него была тысяча учеников. Они сидели рядом и молчали, пока он молчал; а как только он начинал говорить тарабарщину, они тоже говорили тарабарщину, — и около двадцати пяти человек обрели просветление. Джаббар не сказал ни слова, никто ничего не слышал.

О Джаббаре не напишешь трактат, ибо он не говорил ничего, кроме тарабарщины. Но этот человек излучал свет, этот человек расцвел, пришла его весна, и он не боялся быть уязвимым, открытым и восприимчивым.

Дзэн делает то же самое с другой стороны, но вы должны осознать тот факт, что подлинный мастер, к какой бы стране и эпохе он ни принадлежал, не стремится преподавать вам то или иное учение. Он стремится лишь к тому, чтобы вы достигли единства, равновесия с окружающей вас реальностью.

Дзэн использует много неизвестных прежде методов. Невозможно представить себе, чтобы какой-то из методов дзэн сработал в греческом контексте. Даже Соократ и Платон растерялись бы, повстречай они Бодхидхарму или Джаббара.

Я не раз представлял себе, как бы это было весело: Сократ встречается с Джаббаром. Сократ был очень привержен логике, рациональному мышлению. Он был не менее честен, чем Джаббар, он готов был отдать жизнь за истину, и все же до последней секунды своей жизни он не поднялся к просветлению. В день, когда он отбросил все знания, всю мудрость, в день, когда он отбросил язык как таковой, — в этот самый миг на него снизошла необъятная тишина. И те из вас, кто медленно, медленно приближаются к просветлению, тоже скоро осознают это — не потому, что я вам рассказал, но потому, что вы узнаете это на опыте.

Как вы можете рассказать о потрясающей тишине, царящей сейчас здесь? Наш разум мешает нам: разум уносит нас из центра нашего существа. Разум вовсе не заинтересован в исследовании внутреннего. Он полностью поглощен внешним и объективным.

Прежде чем я стану говорить о сутре Исана... поскольку эта сутра последняя в данном цикле и она последняя в жизни Исана. Эта сутра совпадает по времени со смертью Исана.

Смерть человека указывает на то, как он жил и жил ли он вообще. Возможно, вы полагаете, что живете, но не будьте так уверены в этом.

Каждый сумасшедший в любой психиатрической лечебнице мира абсолютно уверен, что он не безумен. Он удивляется, почему люди считают его сумасшедшим. Понемногу он приходит к выводу, что безумен весь мир: «Бедняги, они никак не могут меня понять».

Один человек, который всегда был немного странным, наконец перешел любые допустимые границы. Окружающие терпели его небольшие заскоки, но те-

перь все решили, что парень зашел слишком далеко. Дело в том, что он начал упрямо твердить: «Я мертв».

Все смеялись и говорили:

— Ну это уже слишком. Ты и так был интересный малый... Ну и как же ты можешь быть мертвым? Ведь ты разговариваешь!

— Ну и что? Мертвецы говорят, — отвечал он.

— Ты ходишь, ты ешь, ты спишь, — говорили ему.

— Это не доказательство того, что я жив, — парировал он. — Это свидетельствует лишь о том, что я функционирую. А что касается того, что я мертв... я в этом совершенно уверен.

В конце концов парня отвели к психоаналитику. Психоаналитик сказал родственникам:

— Не беспокойтесь. Мы с этим быстро справимся. Положитесь на меня. Приводите его на сеансы два раза в неделю.

Между тем мертвый сумасшедший улыбался. И первый вопрос, который задал ему психоаналитик:

— Почему вы улыбаетесь?

— Удивительно... — отвечал тот, — среди всех этих мертвецов есть лишь один живой. Но исключительно для того, чтобы убедить себя, что они сами живы, эти люди пытаются доказать мне: «Ты тоже жив», — но я никогда не видел в себе ничего живого.

Психоаналитик и сам растерялся, это был совершенно новый случай в его практике. Ему еще не приходилось иметь дело с мертвецами, но он все же кое-что придумал. Он включил на полную мощность обогреватель, и очень скоро сумасшедший вспотел. Тогда психоаналитик спросил:

— Вы когда-нибудь слышали, что мертвые не потеют?

— Да, я слышал эту поговорку, когда был жив, — ответил безумец, и психоаналитик уж было возгордился, но сумасшедший добавил: — Рано радуетесь. Это не доказывает, что я не мертв. Это доказывает лишь то, что поговорка неверна. Мертвые потеют. Я — пример. Живой пример!

После двух-трех сеансов психоаналитик уже не мог думать ни о чем, кроме этого человека. Понемногу он начал спорить сам с собой: «Если кто-то спросит меня, как я докажу ему, что я жив?»

Он не спал всю ночь. На следующий день был очередной сеанс, и психоаналитик сказал этому человеку:

— Я не возьму с вас денег, но, пожалуйста, оставьте меня в покое. Найдите другого психоаналитика — они нынче по рупии за дюжину, — потому что я начинаю сомневаться, жив ли я сам. Пытаясь убедить меня, что вы мертвы, вы понемногу навели меня на мысль о том, что — кто знает? — возможно, я сам умер! Может быть, мне только снится, будто я жив.

Как вы можете доказать, что это все — не сон?

В дзэнской традиции смерть — критерий. То, как умирает человек, служит критерием того, жил ли он вообще. Лишь живой может умереть. Ты не сумеешь умереть, если не жил.

Я слышал историю об одном великом ученом. Он осознал, что жил, лишь после того, как умер. В этот самый миг он вдруг понял: «Боже! Я так привык жить, что даже никогда не замечал этого!»

Мастера проявляют высочайшие вершины сознания, и особенно мастера дзэн. Смерть — это критерий. Если ты можешь умереть изящно, блаженно, почти танцуя — это свидетельствует о том, что ты жил, и

жил настолько глубоко, что знаешь: смерть — это всего лишь переезд в другой дом.

Однажды Кёдзан явился к Исану, чтобы испытать его.

Вы будете удивлены... Это еще одна особенность дзэн: ученики испытывают своих мастеров — такого больше нет нигде. Но дзэн очень игрив. Его игра настолько глубоко, что всерьез не воспринимается ничто.

Однажды Кёдзан явился к Исану, чтобы испытать его. Исан сказал:

— Теперь тебя считают хорошим одаренным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходят со всех сторон и знают, от тех, кто не знает; мастеров, которые обрели, от тех, кто не обрел; глубокое изучение от поверхностного? Объясни, чтобы я услышал.

— Кёдзан обладает этим опытом, — ответил Кёдзан. — Когда монахи приходят со всех сторон, он поднимает свою палку и спрашивает, преподают ли там, откуда они пришли, это. Затем, независимо от ответа, спрашивает: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»

Исан посмотрел на него с восхищением и сказал:

— Это плоть и кости нашей секты.

Тут есть на что обратить внимание.

Кёдзан следовал за Исаном. Но уже то, что он решился испытать мастера до своего просветления, свидетельствует о его дерзости, о его отваге. Это также свидетельствует о величии Исана, который не возразил

ему: «Ты ничего об этом не знаешь, тогда в чем же ты пытаешься испытать меня?»

Он этого не сказал, но если вы внимательно взгляните, то ситуация получится совершенно обратной тому, что намечается вначале: Кёдзан пришел испытать Исана, но получилось, что Исан испытал Кёдзана. Он ни словом не задел его, он не отверг испытание, не сказал: «Ты еще не дорос; ты еще не пережил свою глубинную суть». Вместо того чтобы отвергать, Исан принимает игру, но начинает собственное испытание.

Кёдзан ответил: «Кёдзан обладает этим опытом» — ведь Исан спросил: «Как ты учишь людей? Как ты узнаешь, знает человек или нет, является ли кто-то мастером или всего лишь притворщиком?» И Кёдзан начисто забыл о том, что он пришел испытать Исана, теперь он сам стал испытуемым — это и есть искусство великого мастера.

«Кёдзан обладает этим опытом, — ответил Кёдзан. — Когда монахи приходят со всех сторон, он поднимает свою палку и спрашивает, преподают ли...»

Он не спрашивает о палке, он просто поднимает ее, чтобы показать «это-вость». Пришел ли ты от мастера, который объяснил тебе «это-вость» — текущий момент во всем его великолепии, великий миг, когда ты никто? — ибо мастер никогда не ударит ученика, пока тот еще не готов воистину пробудиться от одного удара.

Кёдзан сказал:

— Когда монахи приходят со всех сторон, он поднимает свою палку и спрашивает, препода-

ют ли там, откуда они пришли, это. Затем, независимо от ответа, спрашивает: «Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?»

На самом деле, если ты нашел мастера, значит, ты обрел дом. Тебе дальше некуда идти. Или, куда бы ты ни пошел, ты найдешь своего мастера, и никого больше.

Когда Гаутама Будда обрел просветление, он сразу сказал очень странную вещь: «Не только я стал просветленным, все сущее просветлилось вместе со мной. Эта музыка, эта музыка тишины, безмолвие, эти цветы, невидимые, падающие повсюду: просто мои глаза были закрыты. А теперь я их открыл, но это не значит, что я стал выше. Всё — от самой крохотной травинки до величайшей звезды — блаженство».

Человек создал лишь одно: несчастье для себя и несчастье для других. Мы — великие творцы несчастья. Если однажды с вами не произойдет ничего ужасного, значит, день потерян, — ничего ужасного, о чем можно было бы поговорить, что могло бы нас взбодрить: ни одной эпохальной трагедии. Люди не любят комедий, им подавай трагедии.

Когда где-то идет война, все встают пораньше, чтобы поскорее прочесть в газете, что происходит. Каждый выглядит как огурчик: ведь творится нечто грандиозное, гибнут тысячи людей. Мы так пристрастились к трагедии, что комедия кажется просто безвкусной.

Когда ты находишь мастера, ты его находишь. Ты можешь остаться, можешь уйти, но мастер уже поселился в твоём сердце.

Те, кто идут все дальше и дальше, просто показывают, что они не нашли человека, который заставил бы их сердце танцевать. Они ни с кем не срослись. Они

не нашли человека *присутствия*, кто объял бы их любовью и радостью, состраданием и светом, жизнью и любовью, истиной и красотой, и всем, что есть божественного в существовании. Если ты не видел эти два глаза, в которых отражается всё Божественное, тебе придется идти дальше — в надежде, что когда-то ты все-таки отыщешь.

Но всегда помни, — ибо иначе ты можешь просто не заметить истинного мастера, — что нужно быть абсолютно восприимчивым, полностью открытым, без единой запертой двери, без единого закрытого окна. Веет свежий ветер, неся с собой благоухание и прохладу: его аромат — для всех, но твои двери закрыты.

Так что, если ты не нашел мастера, не думай, что его не существует в природе. Вначале посмотри: способен ли ты ощутить мастера? Не обременен ли твой ум всяческого рода предрассудками?

Что есть все твои религии, если не предрассудки? Ни один разумный человек не станет ограничиваться данным от рождения. Данное от рождения случайно. Ты родился индуистом, это не делает тебя индуистом. Ты родился магометанином, это не делает тебя магометанином. Такая важная вещь, как религия, не может быть обусловлена случайными обстоятельствами рождения. Ты должен ее выбрать. Ты должен ее найти. Каждый должен искать, и искать глубоко.

Исан посмотрел на него с восхищением...

Помните, что восхищение не является по-настоящему высокой оценкой со стороны мастера. Если бы Исан отвесил ему хорошую оплеуху или стукнул палкой, то это была бы оценка.

Наш держатель палки, — ведь сам я настолько ленив, что не могу носить с собой палку, — родом из Германии. Покажи-ка свою палку бедной Манише! (*Нискрыя берет палку и хлопает Манишу по голове. Палка громко щелкает.*)

Хорошо!

Исан посмотрел на него с восхищением и сказал:

— Это плоть и кости нашей секты.

Видя, что Кёдзан не поймет, поскольку еще не созрел, Исан не стал братья за палку.

Исан учил более сорока лет и за это время вокруг него собралось неисчислимое множество учеников. 20 февраля 853 года он совершил ритуальное омовение, уселся в медитативной позе и умер с улыбкой на устах в возрасте восьмидесяти трех лет. Ступа Исана находится на горе Гуэй, где расположен его монастырь.

Император посмертно даровал ему титул Да Юань (Великое Совершенство).

Должно быть, Исану пришлось хорошо поработать, чтобы отполировать обыкновенный камень до алмазного блеска. Вся честь и слава — Исану. Он превратил обыкновенного человека в великое совершенство.

Кёдзан не проявляет достаточно понимания, ума, медитативности, но мастер из сострадания всеми силами пытается помочь ему. Он работал над Кёдзаном сорок лет. Это долго, но для сострадания время и пространство — ничто. Исану удалось привести ученика *домой*.

Я вспомнил рассказ об одном великом императоре, которому однажды приснилось, будто перед ним стоит огромная черная тень. Руки императора задрожали, сердце заколотилось так, что едва не выскочило из груди, и он спросил:

— Кто ты?

— Об этом мы поговорим позже, — сказала тень. — Я пришла сообщить тебе, что завтра на закате ты умрешь. — С этими словами тень исчезла, а вместе с ней и сон.

Король лежал в кровати, обливаясь холодным потом. Он позвал слугу. Посреди ночи было велено собрать всех астрологов, хиромантов, пророков, чтобы они истолковали сон... Что все это значит?

Они стали искать в своих писаниях: «Бывали ли прецеденты?» Прецедентов не было, ибо смерть никого не предупреждает заранее; она просто входит в твою дверь, даже не стуча.

Вставало солнце. Старый слуга императора, который был ему почти как отец — ибо мать умерла рано, а отец был слишком занят войнами и отдал сынишку на попечение этому старому слуге... Слуга очень хорошо заботился о ребенке, поэтому, хотя он был всего лишь слуга, император чтит его почти как отца. Ведь он ему заменил отца.

Старый слуга подошел к королю и сказал:

— Я не ученый, не астролог, не алхимик и ничего не знаю об этих великих науках. Я знаю только одно: тебе не следует оставаться здесь. Возьми своего лучшего коня и скачи как можно дальше от столицы. Если сможешь, доберись до другого королевства. А что касается всех этих ученых, то им еще ни разу не удалось прийти к какому-либо выводу — ни разу! Они спорят, и спорят, и спорят, каждый аргумент влечет за собой другой аргумент, но в конце концов их руки оказываются пу-

сты. Так что пусть себе спорят. Не жди, ибо если уже начался восход, то и закат недалек. В восходящем солнце таится семя заката.

В этом что-то есть... итак, он покинул дворец, не сказав ни слова великим ученым, оставив их пререкаться, спорить, доказывать. Король оседлал своего лучшего арабского скакуна и сказал ему:

— Нам нужно уехать отсюда как можно дальше. Это очень важно.

Лошади могут общаться с любящими хозяевами, так же, как и собаки.

И конь поскакал во всю прыть. Они не останавливались ни на миг, даже для того, чтобы выпить воды или перекусить. И вот, к обоюдной радости, до заката они пересекли все королевство и вошли в пределы соседней страны.

За границей их королевства росла огромная манговая роща. Солнце уже коснулось горизонта, и король поблагодарил коня:

— Я и не думал, что ты можешь мчаться так быстро. Я знал, что ты — один из лучших коней, но такая скорость...

И в этот миг он ощутил чью-то ладонь на своем плече. Король оглянулся и увидел все ту же черную тень. Тень сказала коню:

— Я тоже беспокоилась, сумеешь ли ты преодолеть это огромное расстояние до заката, ибо императору суждено умереть именно в этой манговой роще. Я никогда не предупреждаю людей — в этом нет потребности. Но в данном случае потребность возникла, ибо нужно было преодолеть такое огромное расстояние... к тому же у него не было никакой причины уехать из дворца и отправиться в эту манговую рощу. И я благодарна тебе так же, как благодарен тебе император.

Красивая история, но в ней нужно разобраться поглубже.

Разум всегда уводит тебя вдаль. Слуга рассуждал совершенно разумно, рационально — намного разумнее, чем эти так называемые ученые. Но разум есть разум.

Если бы там оказался просветленный мастер, он бы сказал:

— Времени достаточно, просто отправляйся внутрь. Тебе не нужен конь, не нужно ни на дюйм продвигаться вовне. Просто иди вовнутрь, и там смерти нет. Смерть существует только для тех, кто живет во внешнем мире. Для тех, кто знает свое сокровеннейшее ядро, смерть — всего лишь тень. Неплотная, нематериальная, нереальная.

Но Исан учил Кёдзана в течение более сорока лет.

Просветление может случиться прямо в этот миг. Оно зависит от твоей настойчивости, тотальности. Это не вопрос времени, не вопрос причинно-следственных связей. Для того чтобы оно случилось, не требуется ничего, ибо оно уже здесь. Тебе нужно только обратить свой взгляд вовнутрь.

В течение сорока двух лет Исан, очень сострадательный мастер, работал над Кёдзаном и наконец помог уже почти мертвому человеку стать буддой.

Ступа Исана (буддисты называют *ступой* мемориал) до сих пор стоит на горе Гуэй, где после просветления Исан основал свой монастырь.

Несомненно, он был просветленным; об этом свидетельствует его смерть.

20 февраля 853 года он совершил ритуальное омовение, уселся в медитативной позе и умер с улыбкой на устах в возрасте восьмидесяти трех лет. Ступа Исана находится на горе Гуэй, где

расположен его монастырь. Император посмертно даровал ему титул Да Юань (Великое Совершенство).

Сосёки писал:

*Один раз в тысячу лет
Цветет Удумбара...*

Удумбара — метафорическое дерево.

*Один раз в тысячу лет
Цветет Удумбара.*

И вот она раскрыла свои прекрасные цветы.

Многие трудились над тем,

Чтобы принести их из Индии в Китай.

Их пьянящий аромат

Не ослабевает,

Не теряется

Среди тысяч трав,

Среди неисчислимых сорняков.

Этот аромат достиг своей наивысшей силы в Японии.

Любой, кто осознает тот факт, что он — будда, превращается в цветок, распускающийся раз в тысячу лет. Даже если тело будды умирает, аромат остается. Те, кто обладает достаточно чувствительным обонянием, могут прямо сейчас ощутить благоухание Гаутамы Будды или Бодхидхармы.

Это не вопрос времени. Буддовость — это такой опыт... в теле будда умрет, но дух его будет парить целую вечность. Он растворился во всем, и ты можешь найти его прямо здесь, прямо в это мгновение. Мы ищем его каждую секунду. Будда — это наша природа.

Маниша спросила:

Наш любимый Мастер!
Свидетельствование — это обучение или воспоминание?

Маниша, оно и то и другое; но одновременно оно ни то, ни это.

Оно и то и другое в том смысле, что вначале тебе нужно научиться входить в свой внутренний храм. А затем тебе нужно постоянно помнить, — ибо человеку свойственно снова и снова забывать. Но, когда воспоминание станет безмолвным дыханием внутри тебя, в тот миг, когда ты начнешь вдыхать и выдыхать будду, тогда оно — не обучение и не воспоминание.

Оно просто ты.

Ты ничего не добился, ничего не открыл; это всегда было здесь. Помнишь ты о нем или нет — оно всегда здесь.

Именно поэтому дзэн ничего не воспринимает серьезно. Какая разница? В этой ли жизни или в одной из грядущих ты обязательно станешь буддой.

Будда — это Новый Человек.

Он — человек будущего.

Все человеческое сознание движется к буддовости.

Как ни странно, это уже в тебе, но ты не осознаешь.

Поэтому тебе может помочь мастер.

Это как будто бы пощекотать (*Мастер протягивает к нам руки и шевелит пальцами, словно щекочет*)... и вы начинаете смеяться, а ведь я вас еще не пощекотал! (*Он опять делает то же движение.*) И вы начинаете чувствовать... (*И в третий раз он протягивает к нам пальцы.*) Работа мастера состоит в том, чтобы щекотать вас. Какая это радость — щекотать десять тысяч будд!

А теперь пришел черед Сардара Гурудаяла Сингха. Он все ждет своего времени. Если я буду и впредь рассказывать вам анекдоты, то можете быть уверены: я умру, а Гурудаял Сингх нет. Он будет по-прежнему ждать.

В конце занятия в воскресной школе учительница, мисс Святоша, спрашивает у учащихся:

— Кто из вас, дети, хочет отправиться на небеса?

Все поднимают руки, кроме одной девочки.

— А ты, Салли? — спрашивает мисс Святоша. — Разве ты не хочешь на небеса?

— Конечно, я хочу на небеса, — отвечает Салли, оглядываясь, — но только не в такой компании!

Тело Менделя Кравица лежит в открытом гробу в похоронном бюро Финкельштейна. Глядя, как мимо гроба, отдавая последнюю дань усопшему, проходят родные и близкие, Хаим Гольдберг щелкает языком и покачивает головой.

— А ведь он, знаете ли, был атеистом и не верил ни в ад, ни в рай, — говорит Хаим дедушке Финкельштейну, который с мрачным видом стоит возле гроба.

— Правда? — спрашивает Финк, глядя на великолепный костюм и галстук мертвеца. — Надо же, так вырядился, а идти некуда!

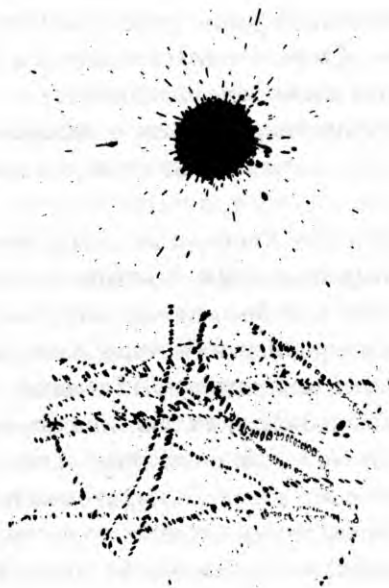
Великолепная Глория, пресытившись всеми своими приятелями, решила обратиться в компьютерную службу знакомств. Отослав информацию о себе и требования к партнеру, она с нетерпением ждет результатов.

На следующий же день ей звонит первый претендент. После десяти минут разговора парень вдруг говорит:

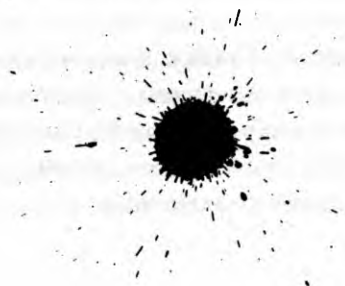
— Я двадцать три сантиметра длиной и десять сантиметров в окружности! Вам интересно?

— Интересно? — восклицает Глория. — Я просто в восторге! А каков размер вашего члена?

Ниведано...

Ниведано...

Тишина. Закрой глаза.

Ощути, что твое тело обратилось в лед.

Теперь посмотри внутрь,
всем своим сознанием,
с такой настойчивостью,
словно это последняя секунда в твоей жизни.

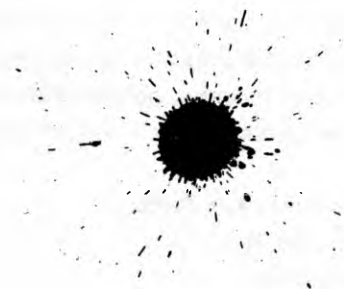
Глубже, глубже...

Тишина становится все глубже.
Зарождается тонкое неопределимое блаженство —
аромат дерева удумбара.

Ты очень близок к будде,
еще совсем немного, и ты — будда.

Единственное качество, которым обладает будда, —
свидетельствование.
Эти два слова означают одно и то же:
стань свидетелем, и ты — будда.

Чтобы это свидетельствование стало более ясным,
Ниведано...

Расслабься.

Тело здесь, разум здесь,
но ты — ни то, ни другое.

Ты — свидетель.

Это свидетельствование —
твое единственное сокровище.

Все сгорит в погребальном костре,
лишь свидетель неподвластен ни огню, ни мечу.

Свидетель — это твоя вечность.

Этот вечер великолепен сам по себе,
то твоя тишина, покой и блаженство
сделали его в тысячу раз прекраснее.

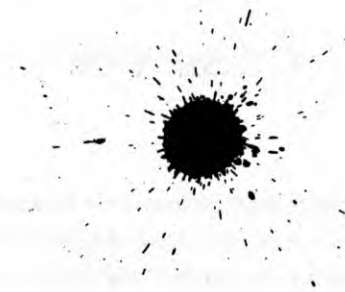
Если ты сумеешь свидетельствовать целый день,
все двадцать четыре часа, то вся твоя жизнь
обратится в чистый экстаз.

Тот, кто прожил жизнь, не познав экстаза, прожил
напрасно или не жил вообще.

Прежде чем Ниведано призовет тебя обратно,
собери столько аромата, сколько сможешь,
и принеси его с собой.

Ты возвращаешься как будда,
с тем же изяществом,
с той же радостью,
с той же завершенностью.

Ниведано...

Возвращайся в безмолвии.

Посиди несколько минут, вспоминая опыт,
через который ты прошел, ибо тебе нужно
удерживать этот опыт круглые сутки.
Настанет день, когда тебе не придется помнить
об этом. Он будет с тобой независимо от того,
смотришь ты на него или нет.

Этот день придет! — я говорю это совершенно
ответственно, ибо он пришел ко мне,
почему бы ему не прийти и к тебе?

Каждый человек — семя будды.

Блаженны семена, достигшие цветения.

— Хорошо, Маниша?

— Да, любимый Мастер.

* *И сан жил в точности так, как, по словам Будды, должен жить настоящий мастер, — он исчез в синеве неба, не оставив следов, словно птица.*

Ошо

ОШО

Нужно сделать дзэн доступным каждому человеку на планете, ибо никто не знает... ежедневно происходят тысячи катастроф, но поскольку людям не известно, как их использовать, они теряют великие возможности. Ты переломал почти все кости и оказался в больнице — а ведь этот случай мог превратить тебя в будду.

ISBN 978-5-399-00195-1

9 785399 001951